КЕЙТ ГРЕНВИЛЛ

ЛЕЙТЕНАНТ

Австралийский бестселлер

Неизгладимое впечатление от романа оставляют не сюжет и внешняя драма, а прекрасная настороженная тишина: своего рода астрономия человеческого сердца.

Sunday Telegraph

Лейтенант
Кейт Гренвилл

Аннотация
Кейт Гренвилл. Лейтенант
Часть первая. Юный лейтенант
Часть вторая. Астроном
Часть третья. Имена вещей
Часть четвертая. В их числе
Часть пятая. Антигуа, 1836 год
От автора

Аннотация

Кейт Гренвилл написала пронзительный исторический роман об одиноком сердце, затерянном среди бескрайнего океана, о любви и нежности, разбивающих скорлупу одиночества, и о бережности в отношениях с теми, кто близок к природе и земле, на которой живет веками. В 1788 году на берег Австралии с ружьями и непоколебимой верой во всемогущество Британской империи высаживаются колонисты. И вместе с ними – лейтенант Дэниел Рук. В юные годы – аутсайдер и математический вундеркинд, а ныне великолепный астроном и метеоролог, он обладает еще одним несомненным талантом: без проблем общается с туземцами. Рядом с ним оказывается очаровательная местная девочка Тагаран. Вместе с ней он легко преодолевает языковую и культурную пропасть. Но такое ли общение нужно белым поселенцам, претендующим на богатейшие земли Нового Южного Уэльса? Роман основан на записных книжках лейтенанта Уильяма Доуза, офицера Королевской морской пехоты.

Кейт Гренвилл
Лейтенант

Kate Grenville
The Lieutenant

© Kate Grenville, 2008
© Дарья Юрина, перевод на русский язык, 2024
© Livebook Publishing LTD, оформление. 2024

*** * ***

Посвящается Патьегаранг и народу кадигал, а также Уильяму Доузу. Их история стала вдохновением для этой книги.

Часть первая. Юный лейтенант

Дэниел Рук был молчалив, серьезен, скуп на слова. Сколько он себя помнил, всегда был белой вороной.

В дамской школе[1] в Портсмуте его сочли глупым. Начало учебы пришлось на его пятый день рождения, третье марта 1767 года. В новой курточке, с материной овсянкой в животе, он радостно шагнул в большой мир за порогом родного дома и сел за парту.

Миссис Бартоломью показала ему скверно выполненную гравюру со словом «кот». Мать давно помогла ему освоить алфавит, и он уже год как умел читать. Не понимая, чего добивается миссис Бартоломью, он просто сидел, открыв рот.

В тот день миссис Бартоломью впервые отшлепала его старой щеткой для волос за то, что онне ответил на вопрос — такой простой, что ему и в голову не пришло на него отвечать.

Таблицы умножения совсем его не занимали.

---

[1] Сноски: 1

Так называемые дамские школы были распространены в Великобритании в XVII–XIX вв. Ими заведовали местные женщины, которые за скромную плату обучали грамоте детей из небогатых семей. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Пока остальные хором зубрили их, мечтая, чтобы поскорее началась перемена, он тайком листал под партой тетрадь, куда записывал свои особенные числа — те, что не делились ни на одно другое число, кроме самих себя и единицы. Такие же одиночки, как и он сам.

Как-то раз миссис Бартоломью набросилась на него и выхватила тетрадь — он испугался, что она бросит ее в камин или снова ударит его щеткой для волос. Она долго ее листала, а потом положила в карман передника.

Он хотел попросить тетрадь назад. Не ради чисел — их он помнил наизусть, а потому что она была ему очень уж дорога.

Потом к ним домой, на Черч-стрит, пришел доктор Эдейр из академии. Рук понятия не имел, кто такой этот доктор Эдейр и что он забыл у них в гостиной. Знал только, что ради гостя его вымыли и причесали, соседку попросили присмотреть за его сестренками, а мать с отцом сидели с застывшими лицами на жестких стульях в углу.

Доктор Эдейр наклонился к нему. Мастер Рук знает, что есть числа, которые не делятся ни на одно другое число, кроме себя и единицы? Рук позабыл о робости. Он бегом ринулся наверх, в свою комнату в мансарде, и вернулся с таблицей,

которую сам начертил. Десять на десять — первая сотня чисел, те, особенные, выделены красными чернилами: два, три, пять и так далее, до девяноста семи. Он показал: вот тут, видите? Их порядок не случаен. Вот только сотни мало, нужен лист побольше, чтобы уместилась таблица на двадцать, или даже тридцать столбцов, и тогда он поймет, в чем закономерность… А может, у доктора Эдейра найдется такой большой лист бумаги?

Улыбка на отцовском лице превратилась в гримасу, говорившую о том, что его сын обнаружил свою странность перед посторонним человеком, а мать сидела, потупив взгляд. Рук сложил таблицу на столе и прикрыл ладошкой.

Но доктор Эдейр убрал его пальцы с захватанной бумажки.

— Нельзя ли мне ее позаимствовать? — спросил он. — Если позволите, я бы хотел показать ее одному знакомому джентльмену, которому будет любопытно узнать, что ее начертил семилетний мальчик.

Когда доктор Эдейр ушел, вернулась соседка с сестренками. Смерив Рука взглядом, она громко, будто обращаясь к собаке или глухому, подметила:

— С виду и впрямь смышленый!

Жаркая волна румянца залила лицо Рука и докатилась до самых волос на затылке. Умен он или глуп, все одно: никогда ему не идти в ногу с этим миром.

* * *

Когда ему исполнилось восемь, доктор Эдейр предложил выхлопотать ему стипендию. Тогда это были просто слова: «место в Портсмутской военно-морской академии». Решив, что тамошняя жизнь вряд ли сильно отличается от ему привычной, мальчик охотно согласился и едва не забыл на прощанье помахать отцу у калитки.

Первую ночь в академии он провел, неподвижно лежа в темноте — даже плакать не мог от потрясения.

Другие мальчишки узнали, что его отец — конторщик и каждый день ходит на работу в приземистое каменное здание неподалеку от доков, где располагается Артиллерийское ведомство. В мире Черч-стрит Бенджамин Рук слыл человеком образованным и уважаемым — таким отцом можно гордиться. Но всего в паре кварталов оттуда, в Портсмутской военно-морской академии, это считалось позорным. «Конторщик! Подумать только!»

Один мальчик вытащил все содержимое его сундука — рубашки и исподнее, что с такой заботой шили мать и бабушка, — и вышвырнул их из окна третьего этажа прямо на залитый грязью двор. Пришел мужчина в развевающихся черных одеждах, больно схватил Рука за ухо и ударил тростью, стоило ему заикнуться, что он ничего не делал. Потом мальчик покрупнее посадил его на высокую ограду во дворе за кухнями и тыкал в него палкой, пока не заставил спрыгнуть.

От неудачного приземления все еще ныла лодыжка, но сердце щемило куда сильнее.

Угловатая мансарда на Черч-стрит — такая же странная, как и он сам, — обнимала его своими покатыми стенами. Холодная койка в унылой общей спальне академии высасывала из него душу, оставляя одну оболочку.

Субботними вечерами, возвращаясь из академии на Черч-стрит, чтобы провести воскресенье дома, он будто попадал в другой мир, а после всякий раз долго приходил в себя. Мать с отцом так гордились, им так отрадно было, что их одаренный сын удостоился особой чести, что он не решался рассказать, каково ему на самом деле. Бабушка поняла бы, но даже ей он не мог толком объяснить, как вышло, что он себя потерял.

Когда наставала пора возвращаться, маленькая Энн с плачем хватала его ладонь своими детскими ручками и висла на нем, умоляя остаться. Ей не исполнилось еще и пяти лет, но каким-то образом она понимала, что, будь его воля, он так и стоял бы у дверей, как пригвожденный. Отец поторапливал его, по одному отдирая пальчики Энн от его руки, и радостно махал вслед, так что Руку ничего не оставалось, кроме как натянуть на лицо улыбку и помахать в ответ. Идя по улице, он еще долго слышал рыдания Энн и увещевания бабушки, пытавшейся ее успокоить.

В академии обучалось немало великих людей, но там не нашлось никого, кто увлекался бы числами, которые, как он узнал, звались простыми. Никто не выказывал особого любопытства ни к его тетрадке, в которой он пытался извлечь квадратный корень из двух, ни к тому, каких неожиданных результатов можно достичь, если поиграть с числом пи.

В конце концов, Рук понял, что умнее всего держать такие мысли при себе. Они стали чем-то постыдным — его тайной отдушиной, которой не пристало ни с кем делиться.

Одну задачу ему никак не удавалось решить — научиться поддерживать разговор. Услышав

замечание, которое, как ему казалось, не требовало ответа, он молчал. И, не успев освоить нужный навык, он, сам того не зная, оттолкнул нескольких возможных товарищей. А потом было уже поздно.

Бывало, он, напротив, говорил слишком много. В ответ на замечание о погоде он мог начать увлеченно разглагольствовать о распределении атмосферных осадков в Портсмуте. Рассказать, что уже давно ведет наблюдения, что у него на подоконнике стоит банка, на которой он нарисовал шкалу, и по воскресеньям, отправляясь домой, он, разумеется, берет ее с собой, вот только тамошний подоконник больше открыт для господствующих юго-западных ветров, чем который в академии, так что и дождевых осадков туда попадает больше. Тем временем его собеседник, отметивший, какая славная стоит погода, уже старался потихоньку удалиться.

Он всей душой хотел бы слыть обычным славным малым, но не умел притворяться никем, кроме себя самого.

Со временем он возненавидел горделивый купол академии с кичливым позолоченным шаром на верхушке, белую каменную кладку на углах кирпичного фасада. Слишком узкий портик над

главным входом шел вразрез с величественными колоннами и миниатюрным фронтоном, а дверь посередине казалась крошечной, словно близко посаженные глаза на человеческом лице.

Всякий раз, когда, проведя воскресенье дома, Рук неохотно брел к зданию академии, все еще чувствуя прикосновение рук Энн, не желавшей его отпускать, он бросал взгляд на окна второго этажа, где располагались комнаты учеников из богатых семей. Занавески на крайнем окне слева отдернуты — значит Ланселот Персиваль Джеймс, сын графа Бедвика, уже вернулся. Этот пухлый, пышущий здоровьем, недалекий мальчик полагал, что ему не пристало водиться с однокашником, чей отец — обыкновенный конторщик, а дома и слуг-то настоящих нет — на все про все одна горничная. Даже мальчишкам, лебезившим перед Ланселотом Персивалем, порядком надоело слушать, что у него есть и дворецкий, и повар, а еще много служанок и лакеев, не говоря уже о всяких конюхах и садовниках, обслуживавших семейное поместье, и егере, который охранял графских фазанов от всякого, кто был бы не прочь ими подкрепиться.

Ланселот Персиваль вечно подстерегал Рука, норовя мимоходом дать ему тычка или облить

чернилами его любимую льняную рубашку. Остальные мальчишки безразлично наблюдали со стороны, словно это в порядке вещей — все равно что муху прихлопнуть.

Прославленный род Ланселота Персиваля Джеймса разбогател за счет торговли сахаром, а точнее — за счет островов Ямайка и Антигуа, а еще точнее — за счет чернокожих рабов с этих островов. Почему квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, Ланселот Персиваль взять в толк был неспособен, зато научился красноречиво рассуждать о том, почему Британская империя в целом и его собственный прославленный род в частности падут, если упразднить рабство.

Эта мысль озадачивала Рука не меньше простых чисел. Чернокожих он никогда не видел, поэтому имел обо всем этом лишь отвлеченное представление, но чувствовал: в доводах Ланселота что-то не вяжется. И все же, как он ни старался, найти им опровержения не мог.

Как бы то ни было, он решил держаться от Ланселота Персиваля подальше.

При случае он спускался на галечный берег, к самой кромке воды, где на входе в бухту возвышалась Круглая башня. Туда, к основанию ее

старинной каменной кладки, никто никогда не ходил. Это место, такое же нелюдимое, как и он сам, стало ему своего рода другом.

В стене башни имелось потайное отверстие, где он хранил свою коллекцию камешков. Вполне обыкновенные, они были ценны лишь тем, что каждый отличался от других. Он шептал себе под нос, разглядывая их и подмечая их особенности: «Смотри-ка, этот весь в крапинку! А вот этот — правда похож на поверхность Луны?»

Он сам себе стал вопросом и ответом.

Во время учебы в академии единственное утешение он находил на страницах книг. Евклид виделся ему старым другом. «Две величины, порознь равные третьей, равны между собой». «Целое больше части». В обществе Евклида ему казалось, будто он всю свою жизнь говорил на иностранном языке и только теперь наконец услышал его из уст другого человека.

Он подолгу корпел над «Грамматикой латинского языка» Уильяма Лили[2] — ему нравилось, что обманчивые тайны языка можно свести к отдельным единицам, столь же надежным и взаимозаменяемым, как числа. «Dico, dicis, dicet».

---

[2] Сноски: 2

Уильям Лили (1468–1522) — английский грамматист, чей труд по грамматике латинского языка был в ходу вплоть до середины XIX в.

Датив, генитив, аблатив. Со временем он привык считать греческий и латынь, французский и немецкий не столько способами изъясняться, сколько механизмами мышления.

Но главное — благодаря полученным в академии знаниям по астрономии и навигации преобразились небеса. Для Рука стало откровением, что звезды — это не просто загадочные светящиеся точки, а часть некой общности — столь огромной, что при мысли о ней кружилась голова. Ощущение походило на косоглазие — он стоял на земле и вместе с тем смотрел на нее со стороны. С этой точки обзора не было видно ни комнат, ни полей, ни улиц, а только шарообразный сгусток материи, мчащийся сквозь просторы Вселенной по орбите, о точной форме которой догадался немец по фамилии Кеплер, чье предположение позже подтвердил англичанин по фамилии Ньютон — его-то именем и назвали мост в Кембридже.

Рук часами предавался напрасным грезам о том, как беседовал бы с Евклидом и Кеплером, будь они живы. В мире, что они описывали, царил порядок, и всему имелось свое место. Может, даже мальчику, которому, казалось, нигде места не было.

Когда капеллан узнал, что у Рука превосходный слух, тот увидел в этом очередное проклятье.

— До-диез! — выкликнул он, и Рук, прислушавшись к себе, взял ноту. Капеллан застучал по клавише рояля.

— А теперь си-бемоль, Рук, дашь мне си-бемоль?

Рук прислушался, спел, и капеллан, развернувшись на табурете, обернулся к нему — он так раскраснелся, что Рук на мгновенье опешил, решив, что он сейчас его расцелует. У него за спиной на хорах захихикали одноклассники, и Рук понял: он за это еще поплатится.

Но как только он достаточно вытянулся, капеллан стал учить его игре на часовенном органе. На месте глухой стены открылась дверь в новый мир.

Руку нравилась логичность нотного письма, то, что его базовую единицу — целую ноту — можно дробить на все более мелкие доли. Даже самая коротенькая половинка от четверти восьмушки была частью той целой — неслышной, но лежащей в основе каждой ноты и придававшей смысл ее звучанию.

Нравился ему и сам инструмент. Орган представлял собой не что иное, как несколько десят-

ков труб, пропускающих воздух. Каждая из них издавала всего один звук, и никакой другой: одна труба — одна нота. Каждая занимала свое место в общем ряду и, открыв металлический рот, ждала, готовая выдохнуть. Рук, сидя за клавиатурой в двадцати ярдах, на другом конце капеллы, брал аккорд и слушал, как каждая труба пропевает свою ноту. Он едва не заливался слезами благодарности за то, что мир способен явить такое великолепие звука.

Он часами сидел в капелле и разучивал фуги. Всего дюжина нот — вряд ли это можно назвать музыкой. Но потом они начинали беседовать — задавали тему и отвечали — путем повторения, увеличения или уменьшения длительностей, а иногда мелодия и вовсе поворачивала вспять, точно ретроградный Марс. Рук весь обращался в слух, будто слышал кончиками пальцев, подобно слепцу чувствуя едва заметные различия текстур. Спустя пару-тройку нотных листов все голоса сплетались воедино, образуя творение столь грандиозное, что стены капеллы едва выдерживали его мощь.

Другие, уставая часами напролет слушать Букстехуде и Баха, жаловались на отсутствие мелодии. Но Руку фуги именно тем и нравились,

что их нельзя было пропеть. Фуга не сводилась к одной единственной мелодии, а заключала в себе множество голосов. Как разговор.

Он прослушал сотни проповедей, сидя за органом, спиной к занятым церковным скамьям. Как и все, он причащался хлебом и отпивал вино из потира. Но Бог греха и возмездия, страстей и воскрешения не говорил с ним. Ничего против Бога он не имел, но нашел Его отнюдь не в словах и обрядах.

Он узрел Его в ночном небе задолго до того, как понял его законы. Ему всегда виделось нечто чудесное и утешительное в том, как слаженно, точно единое целое, двигались звезды.

Долгими зимними вечерами Рук выскальзывал на улицу, шел мимо кухонь во двор и обращал взгляд наверх. Созвездия в холодном небе, казалось, сияли совсем близко. Он находил умиротворение в том, что среди них всегда можно было отыскать Возничего и Малую Медведицу, вместе описывавших круг по небосводу. Каждой отдельной искорке не приходилось в одиночку искать свой путь в потемках: все они двигались сообща, удерживаемые на своем месте чьей-то всесильной рукой.

В детстве он думал, что круглая, как тарелка,

луна порой становится совсем тоненькой за счет какого-то хитроумного фокуса. Узнав истинную причину, он испытал благоговение. В том была закономерность, просто он не понимал ее масштабов. Чтобы ее заметить, недели мало — нужен месяц.

Он надеялся, что вот так, изменив масштаб, можно понять все на свете. Будь у него не одна неделя, и не год, и даже не целая жизнь, а тысячелетия, эоны, он бы увидел, что все беспорядочные на первый взгляд перемещения небесных тел и перипетии земной жизни наделены смыслом. Пусть некоторые уровни мироустройства лежат за гранью человеческого познания. Это не мешает верить, что где-то под спудом хаотичной жизни отдельного человека звучит вселенская целая нота.

Подобно капеллану с его Евангелием, Рук нашел для себя собственный сакральный текст, в котором ему явил себя Господь: математику. Раз человеку дан разум, способный мыслить числами, значит, не случайно мир поддается познанию посредством этого инструмента. Понять какую-то из сторон мироздания было все равно, что взглянуть в лицо Богу — пусть не прямо, пусть путем своего рода триангуляции; но ведь мыслить ма-

тематически — значит чувствовать волю Божью внутри себя.

Рук видел, что другие находят отдушину в своем представлении о Боге как о суровом, но добром отце или брате, который делит с ними тяжкую ношу. Ему же, напротив, отрадой служила уверенность в том, что жизнь отдельного человека не имеет значения. Он, кем бы ни был, — часть единого целого, пустяковая нота в великой фуге бытия.

Продиктованная этим нравственность выходила за рамки нескольких немногословных предписаний из книги капеллана. Она требовала чтить единство всего сущего. Навредить одному — значит навредить всем.

Рук мечтал, как покинет это место — не только академию, но и закрытый от остального мира, жавшийся к бухте Портсмут с его узкими улочками, где все слишком хорошо знали его, старшего сына Бенджамина Рука, — хорошего, но слегка чудаковатого паренька.

Не имея никаких доказательств, он все же упрямо верил, что однажды на свете найдется место для такого человека, как он.

* * *

В 1775 году Руку исполнилось тринадцать, и доктор Эдейр отвез своего талантливого ученика в Гринвич, чтобы познакомить с королевским астрономом.

Так далеко от дома Рук еще не бывал. Всю дорогу он глазел из окна экипажа — все ему было в диковинку, будто он оказался в самом сердце Африки. Каждая грязная деревушка — внове, каждый вылупивший глаза фермер — чужеземец. К концу дня он опьянел от новых впечатлений.

Доктор Викери оказался мужчиной средних лет с тяжелой челюстью и сонным, ускользающим взглядом. Рук узнал в этом себя: ему тоже нелегко было смотреть людям в глаза.

Потрясенный тем, что он оказался в той самой шестиугольной комнате с высокими окнами, где Галлей некогда рассчитал траекторию движения своей кометы, Рук не смог как полагается ответить на приветствие королевского астронома. Но доктора Викери неловкость мальчика ничуть не смутила. Он подвел Рука к стене, где висела огромная латунная четверть круга, по краю которой бежала шкала с делениями такими же тонкими, как орнамент на золотых часах доктора Викери.

— Мастер Рук, я уверен, вам будет любопытно взглянуть на этот квадрант. Восемь футов в радиусе. Видите маркировку на дуговидных пластинах? Изготовлено лондонским механиком Джоном Бердом с помощью метода половинного деления.

Он бросил взгляд на мальчика, который знал о квадрантах только из книг и понятия не имел, что такое «метод половинного деления».

— Простите мою напористость, мастер Рук. Знаете, бывают дни, когда я с нетерпением жду наступления ночи, что не свойственно большинству представителей рода человеческого. Дошло до того, что моя жена сказала, будто я уподобляюсь летучей мыши!

Рук понял: доктор шутит. Пытается его приободрить. Однако у него мелькнула мысль, что миссис Викери подметила в муже и внешнее сходство с этими крылатыми созданиями.

Рук провел в Гринвиче две недели и впервые в жизни почувствовал, что оказался на своем месте.

Доктор Викери открыл ему секреты квадранта

и телескопа Доллонда[3], разрешил подвести часы работы мистера Гаррисона[4] с их латунными крыльями, которые раз за разом складывались и вновь раскрывались, толкая вперед изящные зубчатые шестеренки. Он показал Руку, как ходят шахматные фигуры, продемонстрировал грозную силу беззащитной с виду пешки и предложил решить задачу о ходе коня, желая посмотреть, как мальчик с ней разберется.

В библиотеке обсерватории Рук не мог усидеть на месте. Стоило ему взять в руки одну книгу, как на глаза попадалась другая, а за ней еще и еще. В академии с ним учился мальчик, столь же охочий до булочек — не успев дожевать первую, уже хватал вторую и тянулся за третьей.

По совету доктора Викери он попробовал разо-

---

[3] Сноски: 3

Петер Доллонд (1731–1820/21) — английский производитель оптических приборов, изобретатель ахроматического триплета, трехкомпонентной системы линз, которая до сих пор используется в объективах и оптических приборах.

[4] Сноски: 4

Джон Гаррисон (1693–1776) — английский часовщик, смастеривший морской хронометр, который позволил решить проблему точного определения долготы во время дальних морских плаваний.

браться в работе Эйлера[5] о движении комет. Прочел рассуждения Кеплера о том, как каждая новая ошибка позволяла ему выявить предыдущую, что в итоге помогло доискаться до истины о форме орбит. Залпом проглотил дневник капитана Кука и хотел было взяться за повествование мистера Бэнкса[6] о Новом Южном Уэльсе, но успел лишь пробежать глазами оглавление: «Четвероногие. Муравьи и их жилища. Скудость населения. Рыболовные орудия. Каноэ. Язык».

Прощаясь, доктор Викери крепко пожал мальчику руку и похлопал его по плечу — оба улыбались, отводя глаза. Потом он подарил Руку экземпляр своего «Морского астрономического альманаха» за 1775 год. На титульном листе значилось: «Мастеру Дэниелу Руку — астроному, подающему большие надежды».

Два года спустя, накануне своего пятнадцатого дня рождения, Рук окончил учебу. Он написал доктору Викери, намекая, что был бы не прочь по-

---

[5] Сноски: 5

Леонард Эйлер (1707–1783) — один из крупнейших математиков XVIII века, внесший большой вклад в различные области знаний, в том числе и в астрономию.

[6] Сноски: 6

Джозеф Бэнкс (1743–1820) — английский натуралист, участник первой кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Именно он в 1779 году предложил британскому правительству основать колонию в заливе Ботани.

лучить место в Королевской обсерватории — или в любой другой, лишь бы там он мог и дальше в уединении заниматься вычислениями и наблюдать за небом.

Доктору Викери пришлось объяснить ему, что миру не нужно столько астрономов. Даже он не мог выхлопотать юному Руку такую должность. По крайней мере, пока кто-нибудь другой не уйдет на тот свет.

Он выразился не так прямолинейно, но Рук все понял. Придется попытать счастья где-то еще. Мальчика с его положением в обществе лучшее будущее явно ждало не в паре километров от дома, как бы споро он ни схватывал идеи Евклида и каким бы идеальным слухом ни обладал.

Он бы пошел во флот, но взнос оказался ему не по карману. Портсмутская дивизия Королевской морской пехоты — вот куда ему дорога: он станет «морским солдатом». Быстрого продвижения по службе ждать не приходилось, зато взносы там были меньше.

Рук знал: сейчас самое время. Из-за войны с американскими колониями королю без конца требовались новобранцы — тут сгодится и привыкший к учебе мальчишка без малейших задатков военного. Все ждали, что американцы

сдадутся со дня на день. Ходили слухи, что повстанцы сражаются босиком, а вместо ружей у них палки.

Рук показал Энн и Бэсси, куда ему предстояло отправиться. Сестренки мягкими бледными ручками крутили глобус из бумаги и проволоки, который он сам бережно вырезал и склеил. За этим занятием он скоротал тяжелые прощальные дни перед отплытием. То было время странной неопределенности, надежды вперемешку с беспокойством, когда жизнь, обещанная службой в морской пехоте Его Величества, еще не началась, а прежняя уже закончилась.

— Широта примерно та же, — показал он. — Вот Бостон, видите? Но долгота, конечно, совсем другая.

Бесси, еще слишком маленькая, даже не притворялась, что понимает, да и склад ума у нее был иной. А вот одиннадцатилетняя Энн пыталась вникнуть.

— Значит, часы будут показывать другое время? Пока мы ужинаем, ты будешь завтракать. Если бы ты умел перемещаться достаточно быстро, то смог бы дважды позавтракать и дважды поужинать!

Он обхватил ее одной рукой за плечи и приоб-

нял. Он будет скучать по своей умной сестренке. Только с ней ему никогда не приходилось притворяться кем-то другим.

* * *

Ему выдали обмундирование: белые бриджи, красный мундир с окантовкой и отличительными латунными пуговицами. Вручили мушкет и научили его заряжать, загонять в ствол свинцовую пулю, прибивать шомполом пыж, засыпать затравочный порох на полку, чтобы поджечь заряд.

Гладкие металлические детали этого хитроумного устройства подчинялись восхитительной логике. Нажатие на спусковой крючок приводило в действие кремневый замок, кремень, ударяясь о кресало, высекал искру, та в свою очередь воспламеняла порох на полке, а вслед за ним вспыхивал основной заряд, выталкивавший пулю из ствола. Эта последовательность нравилась Руку не меньше секстана с его прорезями и зеркалами, позволявшими определить положение солнца на небе.

В должный срок Рук получил звание младшего лейтенанта, и его определили на королевский ли-

нейный корабль «Решимость». Сидя в тендере[7] и глядя на приближающееся судно, он думал о том, что уж теперь-то начнет все с чистого листа. Здесь никто не знал его — Дэниела Рука, умного до глупости. Вместе с новым красным мундиром и мушкетом, свисавшим на лямке с его плеча, он примерил на себя новое «я».

Волею судеб его сосед по кубрику «Решимости» оказался полной противоположностью его самого.

Тальбот Силк был невысок и подвижен, и хотя узкое лицо и на редкость тонкие губы не позволяли назвать его красивым, их совершенно преображала необычайная живость, подкупавшая любого.

— Ну что, — обратился он к Руку в день знакомства, после того как квартирмейстер выделил им гамаки и оставил заниматься своими делами. — Прошу, будь другом — сразу скажи: ты храпишь? Если храпишь, придется с этим что-то делать.

— Нет, что вы, — запнулся Рук. — То есть… не знаю, откуда мне знать? Я ведь… Пожалуй, вам придется сказать мне, храплю я или нет.

Силк искоса взглянул на него — он уже соста-

---

[7] Сноски: 7

Тендер — вспомогательное одномачтовое парусное судно.

вил мнение о своем соседе и все ему простил.

— Ей-богу, Рук, я уверен: мы отлично поладим! Я сегодня нарочно не лягу спать, а утром все тебе расскажу. А теперь идем, я тут узнал, что сегодня клецок на всех не хватит, так что надо быть расторопнее, верно говорю?

Силк ни у кого не вызывал неприязни — он был приветлив, весел и раскован, всегда оказывался в нужном месте и знал, что сказать. Злопыхатели из числа сослуживцев пустили слух, что его отец — учитель танцев. В разговоре Силк и впрямь был «легок на ногу». Умел развеселить остальных забавным изгибом брови или нарочито сухим тоном, а истории рассказывал так, что даже самое обыденное событие в его устах становилось занятным.

Обаяние уже помогло Силку многого добиться: будучи старше Рука всего на два года, он уже успел получить звание старшего лейтенанта и держал на примете следующую цель. Война была для него лишь средством на пути к тому, чтобы стать капитаном Силком.

Найдя в нем пример для подражания, Рук стал работать над той версией себя, что сгодилась бы для грубой товарищеской атмосферы офицерской столовой. Научился обмениваться дежурными

фразами. Набрался духу смотреть людям в глаза. Наблюдая, как офицеры играют в наперстки за общим столом, он понял, что для победы нужно попросту пропускать мимо ушей отвлекающую болтовню, и хотел было попробовать, но постеснялся.

Новый Дэниел Рук не во всем отличался от прежнего. Он был так же молчалив, предпочитал держаться в тени, а однажды вечером забылся настолько, что заключил пари, поспорив, что сможет в уме помножить 759 на 453. В академии он стал бы предметом насмешек, но на борту «Решимости» это умение сочли не иначе как весьма незаурядным.

Рук рассудил, что в их корабельном мирке выгодно знаться с обладателем подобного таланта. Подружившись с таким умником, можно было заодно с ним упиваться всеобщим вниманием к его дарованию.

За ужином в офицерской столовой Рук вместе с другими смеялся, слушая рассказ Силка о том, что вырвалось из уст боцмана, когда тот уронил себе на ногу такелажный блок. Мог оценить шутку на пару с соседом по столу — обычный лейтенант, который не прочь повеселиться. После ужина он поднимал бокал и хором с остальными

произносил любимый тост младших офицеров, исполненных надежд на скорое продвижение по службе: «За жестокие войны и мор!»

* * *

«Решимость» патрулировала подходы к Бостонской бухте и бороздила Атлантику, доставляя продовольствие колониальным войскам Его Величества, но за первый год, что Рук провел на борту, судно ни разу не участвовало в сражениях. Война не требовала особых усилий, хотя юноша, умевший определять положение судна по методу лунных расстояний и хранивший экземпляр «Морского альманаха» с личной подписью королевского астронома, мог пригодиться на шканцах[8].

Руку следовало бы сразу догадаться, что корабль по своей сути — плавучая обсерватория, но это открытие стало неожиданным подарком. Будучи если не астрономом, то по крайней мере штурманом, он целыми днями возился с секстаном, а потом при мягком свете большой лампы в

[8] Сноски: 8

Шканцы — часть палубы, где устанавливались компасы и собирались вахтенные и караульные офицеры. На шканцах перед строем зачитывались приказы, приговоры, манифесты и законы.

кают-компании высчитывал долготу и широту. Казалось, на борту «Решимости» его талантам нашлось-таки применение.

Когда корабль подошел к берегам одного из Северных Подветренных островов под названием Антигуа, Силк кое-что задумал. Он прознал, что в самом конце некой улочки на холме, за Английской гаванью, есть дом, где будут рады компании молодых и горячих британских офицеров.

— Рук, ты идешь с нами! — настоял Силк. — Если угодно, представь, что это часть твоего обучения — причем не менее важная, чем тригонометрия или греческий!

Рука не пришлось долго уговаривать. Он обрадовался возможности совершить открытия, о которых догадывался по формам сестер и их подруг, но познать которые, как он понимал, можно лишь на собственном опыте.

Они сошли на берег, и Силк так уверенно повел за собой вереницу младших офицеров, будто уже сотню раз бывал в Английской гавани и предавался местным радостям. Миновав причал, он свернул налево у дома, на белых стенах которого алыми брызгами пестрела герань, и направился к самому сердцу города.

Повсюду Руку на глаза попадались черные лица

рабов, о которых когда-то рассуждал Ланселот Персиваль. В одном грязном дворе женщины, склонившись над лоханями, стирали белье, перекрикиваясь поверх плеска воды. Он остановился, чтобы послушать их язык, совсем не похожий на знакомые ему — ни на латынь, ни на греческий, ни на французский, ни один из тех языков, что он изучал в академии. Смысл этих звуков был ему немногим понятнее, чем младенцу. Он шагнул было ближе, чтобы расслышать получше, но тут его окликнул Силк: «Ну же, мистер Рук, идемте! Мы сюда не белье стирать пришли!»

По пути им попадались запряженные рабами повозки, на которых в гарнизон доставляли воду и дрова. На окраине города они увидели чернокожих мужчин и женщин, на головах у которых в такт шагам покачивались огромные охапки сахарного тростника и полные корзины ананасов. Другие горбились на полях, обрабатывая квадратные участки земли, засаженные тростником — их кожа лоснилась от пота.

Рук заметил, что рабы избегают встречаться с ним взглядом, даже идя навстречу по узкому переулку. Видимо, так их приучили: никогда не смотреть в лицо белому человеку. Их собственные черты — экзотические, выразительные — каза-

лись вырезанными из более прочного материала, нежели белые, как известь, лица англичан.

Но разглядывать их слишком уж пристально он стеснялся.

Собственными глазами увидев систему, позволявшую купить человека и сделать его своей собственностью, будто лошадь или золотые часы, Рук понял, насколько неубедительно звучали абстрактные рассуждения Ланселота Персиваля о крахе Британской империи. Рабы казались до крайности странными, их жизнь — совершенно невообразимой, но они ходили и разговаривали точно так же, как и он сам. Услышанная им речь строилась из звуков, смысла которых он не понимал, но то был язык, способный связать между собой двух людей, как и его собственный.

Он все еще не знал, что противопоставить доводам Ланселота Персиваля о крахе Британской империи, но теперь, увидев рабов собственными глазами, одно он понял точно: их нельзя равнять с лошадьми и золотыми часами.

Силк шагал вперед по узкому переулку, поднимавшемуся по склону холма за портом к скопищу неприглядных жилищ, где кудахтали куры и хромые собаки лаяли на офицеров в красных мундирах. В конце крайнего мощеного переулка

Силк, не колеблясь, постучал в нужную дверь.

Женщина, доставшаяся Руку, — крупная, статная, с загорелой кожей и алыми губами — смотрела, как он сконфуженно стаскивает штаны. Он навсегда запомнил, с какой веселой хитрецой во взгляде она воскликнула: «Бог мой, парень, да у тебя хозяйство, как у коня!»

Исчисления Ньютона, определение долготы методом лунных расстояний, а теперь еще и это — негласное подтверждение, что хоть чем-то природа его одарила.

Жизнь на службе у Его Величества день за днем шла по накатанной, и он не видел причин думать, что когда-нибудь всему придет конец. Служба задавала тон его бытию, позволяла ему возиться с числами и латунными приборами и к тому же окружала товарищами, лучше которых ему вряд ли суждено было отыскать. Вспоминая мальчишку, который когда-то пересчитывал камешки на берегу у подножия Круглой башни, он чувствовал, что, вопреки всем своим ожиданиям, нашел-таки место в жизни.

* * *

Как и все, он принял присягу. Ничего сложного: поднимаешь правую руку и клянешься служить

и повиноваться. Просто слова, не более.

Но за долгие часы, проведенные одним жарким летним днем на крепостном валу Английской гавани, он узнал, куда эти выспренние слова могут привести. Какие-то офицеры с «Ренегата» не сдержали обещание служить и повиноваться. Приказа они не нарушали — до мятежа дело не дошло. Они ограничились разговорами. Но Руку предстояло убедиться, что от обычных слов порой зависит, кому жить, а кому умирать. Зачинщика мятежа — такого же лейтенанта морской пехоты, как и он сам, — было решено повесить. Тот открыл было рот, будто хотел что-то сказать, но тут ему на голову надели мешок. Все собравшиеся затаили дыхание. Потом раздался вопль, пол ушел у него из-под ног — и вот тело уже дергается в петле. Он опростался, и вокруг разнесся запах дерьма. Рук слышал, как рядом зашевелились сослуживцы: не он один его унюхал.

Рук всем своим существом желал, чтобы эта предсмертная агония скорее прекратилась. Он не мог отвести взгляд, чувствуя, что должен быть частью происходящего. Стоит ему отвернуться, и бедолага так вечно и будет дергаться в петле. Приговоренному почти удалось высвободить из веревки одну руку, и пока его тело судорожно

изгибалось, Рук все смотрел, как он сжимает и разжимает кулак.

Когда от лейтенанта остался лишь мешок с костями в человеческой одежде, а голова его безвольно повисла, присутствующие разом испустили глубокий вздох. Рук попытался перевести дыхание, но по его телу вдруг пробежала дрожь, и из груди вырвался стон.

Другие двое — тоже лейтенанты — никого не подстрекали: они лишь поддержали зачинщика, и это спасло их от виселицы. Съежившись, они стояли перед своим командиром. Тот обнажил шпагу и срезал сперва их знаки отличия, а потом, одну за другой, латунные пуговицы, говорившие о принадлежности к полку. Он не церемонился, и в итоге от их истерзанных мундиров осталось лишь жалкое подобие — лоскуты ткани да оторванная окантовка.

Потом их выпроводили за ворота. В безжалостном свете солнца головы изгнанников, прилюдно остриженные цирюльником, казались неестественно крохотными. Волосы, само собой, отрастут, а сами они продолжат, как и прежде, ходить по земле, есть и пить — ведь они живы. Но с равным успехом могли бы и умереть. Отныне им нет места в этом мире. Никто не захочет

связываться с тем, кого с позором изгнали — ни лично, ни по делу.

Все офицеры гарнизона стояли по стойке «смирно», взяв на плечо мушкеты, и наблюдали. Выбора у них не было, ведь в этом и заключался весь смысл. Каждый, кто, обливаясь потом, ждал, когда же наконец закончится это нестерпимое зрелище, никогда уже не забудет, что бывает с теми, кто нарушил клятву служить и повиноваться.

Рук знал: уж он точно не забудет. В тот день, попранные, его чувства омертвели, и он увидел, что под безобидной личиной жизни на службе у Его Величества, под покровом церемоний, мундиров и расшаркиваний, таится нечто ужасное.

Он надеялся найти пристанище, где смог бы устроить свою жизнь. Но в тот нескончаемый знойный день ему пришлось осознать: за все придется платить. Его Величеству ни к чему мысли, чувства и желания отдельного человека, не говоря уже о неповиновении, к которому они могут подтолкнуть. Склониться перед волей короля значило отринуть людское в себе. Стать частью могучей имперской машины. Отказ грозил иной потерей человеческого облика: либо станешь мешком с костями, либо ходячим мертвецом.

Он-то думал, что нашел в рядах морской пехоты все, что искал. Но теперь ему снился тот хватающийся за воздух кулак, рассказавший ему о вещах, которых он предпочел бы не знать.

* * *

Ближе к концу 1781 года французский флот пришел на помощь повстанцам и преградил подступы к Чесапикскому заливу. Рук вместе с остальными занял свое место на верхней палубе «Решимости». Морское сражение, первый в его жизни боевой опыт — казалось, главное тут правильно рассчитать расстояние, траекторию, соотнести скорость и направление. Весь день они лавировали, выстраивались в кильватер, занимая позицию для боя с французами, и вот наконец подошли достаточно близко. Морпехи стояли, изготовившись, вдоль борта, за свернутыми гамаками.

Страх на всех сказывался по-разному. Рук положился на старых друзей: простые числа. Семьдесят девять, восемьдесят три, восемьдесят девять, девяносто семь, сто один. Рядом Силк проверял, достаточно ли туго затянут курковый винт его мушкета. Открутил его, перевернул кремень, закрутил обратно. Взвел курок, чтобы

удостовериться.

— Бакли в марте ходил с Арбатнотом[9] — говорит, французы с «Победы» умудрились запустить каленым ядром прямиком в капитанскую каюту «Неустрашимого», представляешь? Так и каталось бы там, поджигая все вокруг, если бы не бравый старший лейтенант — Вудфорд, знаешь такого? Хвать ядро в рупор и за борт!

Силк в очередной раз вытащил кремень из замка, подул на него, повертел в пальцах, снова закрутил. Он так тараторил, что в уголке рта скопилась слюна. Рук кивал и делал вид, что слушает. Простая услуга, которую один человек мог оказать другому.

Впереди на французском корабле взвился первый столб черного дыма, из пушек вырвалось пламя, «Решимость» затряслась и громыхнула ответным залпом.

Выстрел, заряд, пыж, затравка, снова выстрел — привычный порядок действий, отработанный многократным повторением. В теории все происходило четко и аккуратно: стреляешь, потом спо-

---

[9] Сноски: 9

В марте 1781 года в ходе Американской войны за независимость на подходах к Чесапикскому заливу состоялось морское столкновение между французами и британцами; британским флотом командовал вице-адмирал Мариот Арбатнот.

койно встаешь на одно колено и перезаряжаешь мушкет. Происходящее на борту «Решимости» не шло с этим ни в какое сравнение.

Позднее Рук понял: этого следовало ожидать — что на палубе воцарится неразбериха, что повсюду будут дым и крики, ведь — хоть их к этому и не готовили — стреляли не только они, в них стреляли тоже.

Он услышал за спиной странный звук — то ли хрип, то ли стон, — но оборачиваться не стал, так его учили: «Держать строй!» С бака слышались чьи-то крики — резкие, высокие, прерывистые.

Рук слепо выполнял предписанные действия: заряд, пыж, затравка. Шагнул к борту, выстрелил, целясь в клуб дыма на той стороне, отошел назад, пригнулся, нащупал мешочек с картечью. Он не позволял себе слышать те крики. Он повиновался законам военной службы, а мушкет в его руке — законам собственного устройства: кремень бил по кресалу, вспыхивала искра, в пламени и дыму из ствола вылетала пуля.

Поверх грохота мушкетов и низкого рева пушек у Рука над головой раздался продолжительный треск, и где-то наверху мелькнул конец оборванного троса. Он пригнулся — хотел увернуться, но трос угодил ему по уху, и, уже падая, он уви-

дел, как сверху комом рухнул парус и сбил с ног двух солдат слева. Не успел Рук подняться, как яростный толчок с оглушительным грохотом отбросил его в сторону. Он прогремел так близко, что не осталось ничего кроме него, этого слепящего вихря, всосавшего в себя весь мир. «Вот она, смерть, — подумал Рук. — Так она звучит».

Но он не умер, понял, что снова стоит на ногах. Огляделся, ища глазами Силка, и в его опустевшем разуме пятном отпечаталась сцена: неподалеку лежит рядовой Труби — нижняя половина его тела превратилась в блестящее красное месиво, оно жемчужно переливается, лоснится чем-то темным, бурлит и парит, а Труби пытается встать, отталкиваясь руками от палубы, и смотрит вниз, не понимая, почему подняться никак не получается, как бы он ни старался, словно и не осознает, что от его тела не осталось ничего, кроме ошметков собственной плоти и приклеившихся к палубе внутренностей.

Силк тоже смотрел на Труби, и лицо его было безмятежно, как у человека, погруженного в сон. У него был в клочья разорван рукав, кровь стекала по руке и капала с пальцев. А между ним и Руком рядовой Труби все так же упорно толкался руками от палубы с ужасной, растерянной улыб-

кой на лице.

* * *

Рук не помнил, как на него упала рея — она обрушила ему на макушку удар такой силы, что он потерял сознание. «Повезло, что выжил», — услышал он не одну неделю спустя в портсмутской больнице, хотя сам предпочел бы смерть этой невыносимой головной боли, от которой темнело в глазах и выворачивало желудок. Или виноваты воспоминания о том, что произошло на палубе «Решимости» в тот день, пятого сентября 1781 года?

На протяжении долгих месяцев, пока он шел на поправку, Энн часами сидела у его кровати, обеими руками сжимая его лежащую на одеяле ладонь. Боль в черепе и эхо орудийного гула не покидали его ни на миг, и рука Энн, в которой покоилась его собственная, стала единственным, что не давало ему угаснуть.

Когда он наконец достаточно оправился, чтобы встать с кровати, то почувствовал, что дома на него давят стены и нечем дышать, и стал выходить на прогулки — потихоньку, с трудом переставляя ноги, он шагал по изогнутым переулкам города. Он никогда не возвращался домой

той же дорогой, предпочитая сделать крюк, нежели поворачивать вспять. Прочь — вот куда его тянуло.

Чаще всего прогулки приводили его туда же, куда и в детстве: к основанию крепостной стены, где сужался вход в гавань. Он спускался к подножию Круглой башни, останавливаясь на каждом шагу, словно старик.

Придя туда в первый раз, он стал искать свою коллекцию камешков. Он знал: едва ли они все еще там, ведь минуло больше десяти лет, но когда, нагнувшись, заглянул в заветное отверстие в стене и убедился, что там пусто, на глаза навернулись слезы. Должно быть, всему виной ранение — это от него ему кажется, будто все потеряно и ничего уже не воротишь.

Само место ничуть не изменилось, и кроме него там, как всегда, никого не было. Он сидел на холодных камнях, обкатанных морем и ровных, как яичная скорлупа, и смотрел на небо, на воду. Низкие волны накатывали на берег, поблескивая в лучах подернутого дымкой солнца, — гладкие, словно туго натянутая ткань, и падали, разбиваясь о гальку и окропляя ее темными пятнами, а затем с неторопливым всплеском и рокотом отступали. Вдали, в стороне отмели Мазербанк и

острова Уайт, между морем и облаками тянулась ослепительно-белая полоса, сияющая на фоне темной воды.

Его жизнь зависла в неопределенности, словно частичка сажи в стакане воды. Он оказался в холодном, унылом месте. Когда-то он надеялся обрести будущее, и даже на время обрел его; оно манило к себе, дразнило. Теперь же не осталось ничего кроме боли в голове и в душе, заглянувшей в мерзкое нутро жизни и учуявшей там зло.

Ветер дул то в одну сторону, то в другую, вода, влекомая луной, прибывала и уходила, как было всегда, с тех самых пор, когда появились ветер и вода, и будет, пока они существуют. А Рук все сидел на камнях, чувствуя, как затекает спина, зато утихает боль в голове. Его обволакивало блаженное состояние, подобное сну, в котором время шло незаметно.

Отыскав внутри себя сухой укромный уголок, он укрылся там, словно моллюск, вынесенный приливом на берег. Достаточно было просто смотреть, как вздымаются и вновь обрушиваются волны, а сияющая полоса света вдали сужается в тонкую линию на горизонте.

С моря пришел туман, и город за его спиной накрыли сумерки. С усилием поднявшись на

ноги, он побрел по темнеющим улочкам домой, назад в тесную гостиную и ставшую его миром спальню в мансарде.

* * *

Спустя два года с того дня на «Решимости», о котором он старался не вспоминать, война закончилась. «Закончилась» — так все говорили, хоть и знали, что правильнее было бы сказать «проиграна». Горстка оборванных повстанцев как-то сумела одержать верх над мощью Его Величества короля Георга Третьего. О таком унижении нельзя было упоминать вслух. Королевские солдаты и моряки не знали, как жить дальше в тени этого непроизносимого слова: «поражение».

Повстречавшись с Силком в Портсмутской гавани, в окрестностях района Хард, Рук заметил в своем друге перемену. Тот, как и прежде, мог рассмешить собеседника остроумной байкой о том, как он однажды хватился шляпы на борту «Ройал Оук». Но что-то внутри него омертвело — и от увиденного, и от поражения. А еще от неполноценной жизни на неполноценное жалование. «Танталовы муки», так он выразился. В его голосе слышалась горечь. Голодать с таким заработком не будешь, но и жить по-хорошему — тоже.

«За жестокие войны и мор!» — теперь Рук как нельзя лучше понимал смысл этого безрассудного тоста. Какой глупой, опасной, гибельной теперь казалась ему наивность того Рука, что смеялся, поднимая бокал, и выкрикивал эти слова вместе с остальными!

Что-то изменилось в его дружбе с Силком. Они оба видели тогда, как рядовой Труби силился понять, почему у него не получается встать, и это скрепило их узами более прочными, чем обычная дружба.

В тот день, когда небо над Хардом затянули холодные хмурые тучи, ни один, ни другой не упомянули ту чудовищную картину, но они до боли крепко пожали друг другу руки.

Силк собирался домой, в Чешир[10]. Вглядевшись в его осунувшееся лицо, Рук не стал спрашивать, правда ли, что его отец — учитель танцев.

Достаточно оправившись, Рук решил восполнить недостающую половину жалования и стал учить всяких остолопов математике и астрономии, латыни и греческому, изнемогая от их непонятливости. Когда они уходили, Энн заглядывала к нему в гостиную и заставала его

---

[10] Сноски: 10

Чешир — графство на северо-западе Англии.

пристально смотрящим в огонь. В отличие от матери, она никогда не принималась причитать и сочувствовать. «Ох, Дэн! — восклицала она. — Какой смысл получать удар по голове, если он не одарил тебя той же блаженной глупостью, что свойственна всем нам?»

Он протягивал ей кочергу, предлагая ударить его еще раз, дабы достичь желаемого результата, и мысленно благодаря Бога за такую сестру.

Но по утрам он просыпался под крышей своей мансарды, в предназначенной для ребенка кровати, и размышлял о потраченном попусту времени и о том, что уготовано впереди: ему двадцать три, удастся ли ему заново устроить свою жизнь?

* * *

Дэниел Рук был еще мальчишкой и коллекционировал камешки, когда Кук высадился в Новом Южном Уэльсе — месте, расположенном в такой далекой части земного шара, что, добравшись туда, невозможно было плыть дальше, не возвращаясь обратно. С недавних пор такая удаленность обернулась его главным достоинством. Его Величество пришел к выводу, что Новый Южный Уэльс превосходно подойдет, чтобы сплавить туда избыток заключенных из британских тюрем.

В середине 1786 года, когда Руку было двадцать четыре, доктор Викери отправил ему письмо с намеком на то, что предстоящей экспедиции наверняка понадобится астроном. Рук без долгих раздумий ответил в тот же день.

Майору Уайату, командиру его полка — раздражительному человеку, чьи проницательные глазки ничего не упускали, — доктор Викери лично растолковал, почему вместе с заключенными и морскими пехотинцами в Новый Южный Уэльс должен отправиться астроном. Он поведал Уайату, что, по его предположениям, комета 1532-го и 1661-го годов, вновь объявится в 1788-м. Событие это станет не менее значимым, чем предсказанное доктором Галлеем возвращение кометы, позднее названной его именем. Однако в отличие от кометы Галлея ту, появление которой предрекал доктор Викери, можно будет наблюдать лишь в Южном полушарии. Королевская обсерватория готова обеспечить лейтенанта Рука необходимыми приборами, если майор Уайат не возражает освободить его от обычных обязанностей.

Рук подозревал, что майор Уайат не до конца уверился в значимости кометы 1532 года и лишь в общих чертах представлял себе, кто такой доктор Галлей. Но с королевским астрономом Уайат

спорить не собирался.

Рук напоминал себе, что Новый Южный Уэльс — это чистый лист, на котором можно писать что угодно. «Четвероногие. Птицы. Муравьи и их жилища»: вот уже шестнадцать лет, с тех пор, как к ним наведался «Индевор»[11], их жизнь на другой стороне земного шара шла своим чередом. И вот теперь Руку выпал шанс увидеть их, а может, даже стать единственным астрономом, который засвидетельствует возвращение кометы доктора Викери.

Десять лет назад он наверняка решил бы, что это полагается ему по праву. Бог одарил его недюжинным умом, и теперь выпала возможность найти ему применение. Он бы счел, что так и должно быть, что это лишь одна из деталей слаженного вселенского механизма, которая движется в согласии с остальными.

Но он больше не доверял этому механизму. И сомневался, что когда-нибудь доверится снова. Он успел убедиться: жизнь обещает многое, но давая одно, отбирает другое.

Конечно, он согласился отправиться в Новый Южный Уэльс. Где-то глубоко внутри, где все

---

[11] Сноски: 11

«Индевор» — корабль, на борту которого Джеймс Кук исследовал восточное побережье Австралии.

еще тлело былое рвение, он даже ждал этого путешествия. Купил записные книжки и учетные журналы и впервые за долгое время ощутил приятное предвкушение, проведя рукой по чистым страницам, которые ему предстояло заполнить сведениями о неизведанных землях: о тамошней погоде, о звездах, может, даже о «четвероногих» и «жилищах муравьев».

Вместе с письмом доктора Викери пришло еще одно, от Силка: он уговаривал Рука записаться в экспедицию. Между строк читалось, что эта упавшая с неба удача вдохнула в его друга новую жизнь. Сам он уже вызвался и успел продвинуться по службе. Старший лейтенант Силк стал капитан-лейтенантом Силком. Но его стремления больше не ограничивались высоким званием. «Мистер Дебрет с Пикадилли[12] мне пообещал: опубликую все, что вы сможете мне привезти из Нового Южного Уэльса, — писал Силк. — Так и сказал, и я его не разочарую!»

Рук видел: Силк не больше него похож на военного. Он тоже тянул время и ждал возможности исполнить свое призвание. Выходит, травя байки за офицерским столом, Силк не просто пытался

---

[12] Сноски: 12

Пикадилли — улица в историческом центре Лондона.

их развлечь. Для него весь смысл этого занятия заключался в самом рассказе — в умении подобрать фразы, облечь историю в нужную форму. Тяга переиначивать события так, что повествование казалось едва ли не правдоподобнее их самих, — вот чем Силк был одарен с рождения, как Рук — любовью к числам.

«Отказы не принимаются», — говорилось в письме.

* * *

Энн сохранила тот глобус, что Рук смастерил, когда ему было четырнадцать. Он покрылся пылью, а Южный полюс был чем-то заляпан, но сам глобус все еще крутился.

— Ночное небо там другое, — объяснил Рук. — Видишь? Земля завалена на бок. Там я увижу звезды, которых отсюда не разглядеть.

Энн обдумала его слова.

— А Луна, ее ведь будет видно? Только вверх тормашками?

Он заметил, что она сомневается, боится разочаровать его своей глупостью. Но она не глупа — напротив, достаточно умна, чтобы распознать границы своего понимания.

На улице не переставая шелестел дождь, словно

едва слышно что-то нашептывая. Поднявшись со стула, Рук встал у сестры за спиной и обнял ее за плечи, чувствуя рядом ее тепло. Она все крутила хлипкий маленький глобус.

— Я каждый вечер буду смотреть на Луну, — пообещала она, — и думать о том, что ты тоже на нее смотришь.

Она обернулась, и по ее лицу он понял, что ей на ум пришло нечто забавное.

— Правда, чтобы смотреть на нее под тем же углом, что и ты, мне придется встать на голову, но это, мой дорогой и глубокоуважаемый брат, — трудность, которую я готова преодолеть!

Когда он вновь достал из шкафа свой красный мундир, к горлу подкатила тошнота. Ткань все еще пахла потом его ужаса, а в воздухе повеяло порохом. И все же он его надел — новый мундир он себе позволить не мог — и полной грудью вдохнул этот запах, заново привыкая к роли солдата.

Он едва не умер. Был в шаге от гибели, так ему сказали. Но уцелел, и теперь судьба преподнесла ему нечто новое. Чем все обернется, он не знал, но готов был смириться с тем, что отныне его жизнь станет двигаться по этой орбите.

Часть вторая. Астроном

Отец всегда говорил: «как запряжешь, так и поедешь». Поэтому Рук позаботился о том, чтобы всем на борту «Сириуса» было ясно: он астроном. Притворяться нужды не было. Пока он возился с секстаном, сопоставлял результаты измерений с цифрами капитана Бартона и лейтенанта Гардинера и высчитывал среднее значение, проходила добрая половина дня. Затем требовалось рассчитать широту и долготу. А здесь спешка ни к чему.

Бартон, будучи капитаном флагманского корабля, поначалу с опаской отнесся к молодому солдату, возомнившему, будто он разбирается в навигации. Его лицо приняло угрожающе строгое выражение, и Рук уж было подумал, что его сейчас попросят убраться со шканцев, сочтя за выскочку. Но за суровостью Бартона скрывалось доброе сердце, и, убедившись в умениях Рука, он решил не держать на него зла за то, что он служит лейтенантом в морской пехоте, а не во флоте.

Правой рукой Бартона вот уже три года был лейтенант Гардинер — прежде параллельные

наблюдения тот всегда доверял именно ему. Окажись на его месте другой офицер, он мог бы невзлюбить Рука. Но Гардинер, этот дюжий, прокопченный солнцем моряк, был натурой широкой во всех смыслах, человеком большого роста и большой души.

В день знакомства он крепко обхватил ладонь Рука, глядя прямо ему в глаза:

— Добро пожаловать, мистер Рук. Теперь, когда нас трое, нам и океан — все равно что королевский тракт!

Сопротивляясь качке, они щурились в свои секстаны. Каждый раз полученные значения несколько отличались. Такова была особенность их работы. Но Бартон и Гардинер не пытались ревностно цепляться за результаты своих измерений, в отличие от штурманов с «Решимости», которые вели себя так, будто числа на латунной пластине служили мерой их мужественности. Гардинер, словно с девушкой, заигрывал с солнцем, то и дело прятавшимся за облаками, уговаривая его: «Ну же, покажись, красавица, не скромничай!» И никогда не упускал возможности заверить Бартона, что Рук очаровал «красавицу» твердой рукой и зорким глазом. «Она та еще вертихвостка, сэр, и сегодня ей по душе пришелся

мистер Рук».

В то время как Рук находился на борту флагмана, Силк путешествовал в хвосте вереницы из одиннадцати кораблей, на борту «Шарлотты». Они виделись, только когда заходили в порты по пути на юг.

— Вот неудача, черт возьми! — посетовал Силк, когда они встретились на причале в Рио.

— Да, не повезло, — согласился Рук, умолчав о том, что ему по душе общество прямолинейных флотских моряков, хоть они и не умеют так изящно изъясняться.

Силк достал из кармана потрепанную записную книжку.

— Я начал работать над книгой, Рук. Ну-ка, послушай, здесь я ссылаюсь на рассказ капитана Кука о том, как здешние дамы бросали ему цветы. «Мы испытали жестокое разочарование, не удостоившись ни единого букета, хоть и проходили под их балконами каждый вечер, а ведь нимф, как и цветов, повсюду было в равной степени предостаточно». Ну, скажи мне по-дружески, без обиняков — как тебе?

— Очень искусно, отличное владение словом, — оценил Рук. — Но ведь ты, кажется, бывал там не каждый вечер?

— Ох, Рук, человек науки! Назовем это поэтической вольностью, друг мой.

Руку это было чуждо — относиться к окружающему миру так, будто он не что иное, как исходный материал. Он был одарен талантом к измерениям, вычислениям, умозаключениям. Силк — умением отсечь все лишнее и приукрасить, превращая кусок гальки в драгоценный камень.

* * *

Курс прокладывал капитан Бартон, но над ним стоял коммодор, который и принимал окончательные решения. Джеймс Гилберт был худощав, сложения угловатого — одни локти да плечи на разной высоте, — он осторожно ступал по кренящейся палубе, словно бы вечно заваливаясь на бок, а с его лица не сходило кислое выражение. За все то время, что Рук провел на борту «Сириуса», в его присутствии на лице коммодора подобие улыбки появлялось лишь в тех случаях, когда того требовали формальности.

Вполне вероятно, что безрадостность коммодора объяснялась болями в боку, а вовсе не складом характера. «Они не проходят, только стихают временами, — как-то объяснил им хирург за об-

щим столом. — Почки, полагаю. Или желчный пузырь». Доктор Веймарк любил поесть и посмеяться — высокий мужчина с огромным животом, выступающим, как фигура на носу корабля. Но за его веселостью крылась сострадательность. Он испробовал на коммодоре все мыслимые лекарства, пускал ему кровь, ставил банки, каждое утро целый час прощупывал ему бок, пытаясь унять боль, и переживал, что ничего не помогает.

Когда коммодор поднимался к офицерам на шканцы, Гардинер замолкал, а Бартон напускал на себя подобающий его положению серьезный вид. Рук не понаслышке знал, что неутихающая боль творит с человеческим лицом, но к такому, как Джеймс Гилберт, который никогда не делился с другими своими мыслями, трудно было проникнуться симпатией.

Ежедневно, в полдень, все эти долгие месяцы в море, коммодор спускался по трапам вниз вместе с капитаном Бартоном и Руком, который уважительно держался позади, сопровождая их на правах астронома. Там, в недрах корабля, находилась каюта, которую день и ночь охранял караульный. Завидев их, он отходил в сторону и впускал их в единственное на всем переполненном судне помещение, не заваленное мешками,

бочками и всевозможными свертками и тюками. В этой пустующей каюте, на привинченном к палубе столе стояла коробка, в которой между двумя красными шелковыми подушками покоился хронометр работы мистера Кендалла[13].

Этот сверток с гринвичским временем должен был вместе с ними добраться до другой стороны земного шара, невредимый, точно горошина в стручке. Когда в Новом Южном Уэльсе стояла глубокая ночь, хронометр все так же показывал полдень по Гринвичу.

Внутренним устройством творение мистера Кендалла напоминало своего предшественника — то медленно бившее крыльями латунное насекомое, что доктор Викери показывал Руку в детстве, но по форме больше походило на обыкновенные карманные часы, разве что размером с тарелку для супа. Рук подумал, что со стороны мастера было весьма остроумно изготовить такие огромные часы, которым, казалось, самое место в кармане исполинского жилета.

В присутствии Бартона и Рука, которые стояли рядом, на случай если корабль накренится, коммодор извлекал хронометр из его кокона и

---

[13] Сноски: 13

Ларкум Кендалл (1719–1790) — британский часовщик, смастеривший ряд знаменитых морских хронометров.

вскрывал металлический корпус, обнажая сложный загадочный механизм, зубчатые колесики которого шаг за шагом толкали время вперед. Вынув заводной ключ из специального углубления в коробке, он вставлял его в отверстие на задней стороне механизма и поворачивал. Потом закрывал крышку корпуса и возвращал прибор на прежнее место между подушками.

Затем, согласно предписаниям, входил караульный, и все трое по очереди сообщали ему: «Хронометр подведен». Лишь услышав эти слова от каждого из них — и только тогда, — он отходил от двери и позволял им покинуть каюту.

Рук находил эти ненужные формальности крайне забавными. Если бы Силку довелось их наблюдать, он здорово развеселил бы офицеров, изображая, как Рук в третий раз чинно докладывает невозмутимому часовому, что «хронометр подведен», хотя тот уже дважды это слышал.

Но в ритуале подведения хронометра было еще кое-что особенное. Будучи самым младшим офицером, Рук не имел особого влияния. Но в те краткие минуты, что они проводили в той каюте, звание теряло всякое значение. На это время астроном Рук становился равным самому коммодору.

Когда стояла хорошая погода, вся эта процедура теряла смысл. Но когда секстаны не могли отыскать за облаками ни солнце, ни луну, или сильная качка мешала проводить измерения, один лишь хронометр, все так же показывавший гринвичское время даже спустя несколько месяцев в море, уберегал корабль от угрозы разбиться о скалы Нового Южного Уэльса.

* * *

То, что залив Ботани для поселения не годится, стало ясно сразу, и коммодор направил флот чуть дальше к северу. Путь до Нового Южного Уэльса занял почти девять месяцев — разве пара миль что-то меняла?

С моря казалось, что коммодор ошибся. Рук с Гардинером, опершись о фальшборт, смотрели, как «Сириус», накренившись на левый борт, повел флот к обыкновенной, казалось бы, выемке на теле высокого желтого утеса. В блоках, разворачивая паруса, заскрипели шкоты, и судно направилось туда, где у его подножия бурлили и пенились волны.

Но коммодор не ошибся. За утесом на запад плавной дугой уходила огромная, спокойная водная ширь. «Сириус» скользил мимо бухточек,

окаймленных серпами желтого песка, и поросших густым лесом мысов. В этом необъятном, скрытом от моря заливе, где за одной прекрасной бухтой появлялась другая, где один живописный мыс сменялся другим, было нечто, вгонявшее Рука в полузабытье. Он мог бы бесконечно плыть вот так к самому сердцу этой неизведанной земли. Главное — не добраться до места назначения, а двигаться вперед, глядя на пенящиеся у форштевня волны и уходя по этой расселине все дальше вглубь материка, будто и вовсе не придется останавливаться.

«Сириус» обогнул скалистый остров, и Рук увидел на берегу людей — они бежали, потрясая копьями. Ветер донес до него их голоса, раз за разом выкрикивавшие одно и то же слово: «Варра! Варра!» Вряд ли оно могло значить «добро пожаловать!» Рук предположил, что самый вежливый перевод — «убирайтесь к черту!»

С рокочущим стуком и всплеском спустили якорь. Когда Рук вновь взглянул на берег, там уже никого не было.

Судно встало у входа в небольшую бухту, укрытую с обеих сторон высокими кряжами. Там, где в нее впадала речушка, виднелась полоска песка. Чуть дальше вглубь суши уходила неглубокая

поросшая лесом долина.

Матросы подготовили шлюпку для высадки на берег. Первыми в нее спустились сержант и четверо вооруженных рядовых, потом коммодор и капитан Бартон. Доктор Веймарк, с неожиданным для человека его комплекции проворством, последовал за ними. Рук не стал дожидаться приглашения и поспешил спуститься следующим. Он не хотел упускать возможность оказаться среди тех, кто первыми коснутся этой земли, о которой ему известно не больше, чем о Сатурне.

Ступив на песок на дальнем конце бухты, Рук почувствовал, как земля качнулась у него под ногами. Он полной грудью вдохнул местный воздух — сухой, чистый, вяжущий, сладковатый и в то же время кислый, теплый и насыщенный запахами органики, которые сбивали с толку после стольких недель одного лишь безликого морского ветра.

Веймарк сделал шаг и, ощутив под ногами твердую землю, расхохотался так, что живот затрясся. Он хотел было что-то сказать, но тут из-за кустов вышли пятеро мужчин и встали вдоль кромки песка. Рук услышал за спиной знакомые глухие толчки: звук вскидываемых к плечам мушкетов.

— Спокойно! Спокойно… — в голосе сержанта

слышалось напряжение.

Мужчины были темнокожие, нагие, а на их лица, казалось, даже на солнце падала тень. «Туземцы, — подумал Рук. — Всего в паре шагов!»

Странные и вместе с тем вполне обыкновенные — в сущности, такие же люди, как и он сам: те же плечи, колени и срамные места — хотя они ничего срамного в них не находили. Впереди стоял поджарый седобородый мужчина, остальные — у него за спиной, у каждого в руках по копью и деревянному щиту. Кожа в солнечном свете — чернее черного. Они выжидали.

— Безделушки, сержант, давайте их сюда!

Коммодор обернулся к шлюпке, нетерпеливо протягивая руку за мешком, который ему подал сержант. Он потряс в воздухе бусами, и они заиграли на солнце.

— Ну же, друзья мои! — поманил он. — Смотрите, держу пари, такого вы еще не видели!

Даже на его осунувшемся лице отразилось радостное возбуждение. Впервые Рук увидел в нем того любопытного мальчишку, которым он, должно быть, когда-то был.

Веймарк пошел еще дальше: у него в руках сверкнула лупа.

— Взгляните, сэр! — воскликнул он. — Я готов

сей же час подарить ее вам, если вы изволите подойти ближе и взять ее! Боже, Бартон, вы только посмотрите, как они осторожны — точно кот, который заприметил сливки, но боится доярки!

Его раскатистый смех, казалось, придал чужакам смелости. Седобородый шагнул вперед.

— Вот, так держать, мистер Чернокожий! Давай, иди сюда!

Доктор грузно изобразил танцевальное па, и туземец вновь покрепче ухватился за копье.

Бартон не мог дурачиться подобно Веймарку на глазах у своей команды, но тоже достал бусы и стал крутить их в руках.

— Рук, дружище, возьмите что-нибудь, попытайте удачу! — выкликнул он.

Выбрав лупу, Рук шагнул к ближайшему туземцу — мужчине его возраста, настороженно, как борзая, шныряющего глазами с него на Бартона и обратно.

Рук приветственно поднял руку.

— Добрый день!

Все равно, что бросить камень в кусты, гадая, какая оттуда вылетит птица.

Туземец был хорошо сложен, держался очень прямо. Литые мускулы на его груди украшал аккуратный узор из бугристых шрамов, напоми-

навший отделку на одежде.

Он взглянул на Рука, приоткрыв рот, будто собирался что-то сказать. Белки его глаз резко выделялись на фоне черной кожи. Шагнув вперед, он одним быстрым движением схватил лупу и отступил обратно. Он показал ее соплеменнику, что стоял рядом, и оба принялись разглядывать ее, переговариваясь вполголоса.

Потом лупа им наскучила. Туземец бросил ее на песок — так же небрежно, как какой-нибудь портсмутский мальчишка мог бы швырнуть огрызок от яблока. Они отступили на несколько шагов назад и, казалось, чего-то ждали.

Более стоящего подарка? Другого жеста доброй воли?

Следующий ход сделал Веймарк. Должно быть, ему все это казалось развлечением, вроде театральной миниатюры с лупами и бусами. Он смело подошел к самому старшему туземцу, поджарому седому мужчине, взял у него щит — «только на время», жестами показал он — и воткнул его в песок. Потом зарядил пистолет, прицелился с короткого расстояния, взвел курок и выстрелил. Туземцы отпрянули от яркой вспышки.

Дым развеялся. В воздухе повис запах пороха.

Щит был крепкий — цельный кусок дерева в

полметра длиной и несколько сантиметров толщиной, но пуля пробила его насквозь, оставив рваную дыру и длинную трещину сверху донизу. Старик поднял свой щит, и тот развалился надвое у него в руках. Сложив половинки вместе, он провел длинными пальцами по тому месту, где пуля проломила древесину. Потом прислонил щит к животу, как бы спрашивая: она и с ним способна сделать то же самое?

— О, да, без сомнения, мой чернокожий друг! — охотно подтвердил Веймарк. — Раскроит от черепа до задницы, Богом клянусь!

Доктор нашел эту шутку крайне забавной, как и капитан Бартон, и Рук тоже засмеялся, словно это было заразно.

Чернокожие мужчины не разделяли их веселья. Нахмурившись, они торопливо о чем-то переговаривались.

— Ей-богу, Веймарк, — воскликнул коммодор, — вы же их напугали! И как вам это только в голову пришло?

Но хирург ничуть не сконфузился.

— Что ж, сэр, если им не по душе моя искусная стрельба, быть может, музыка придется им по нраву? Пусть сами убедятся: я человек крайне разносторонний.

Он вытянул губы и засвистел. Рук поймал себя на мысли, что только Веймарк мог столь развязно вести себя с коммодором, хотя на месте последнего всякий, вероятно, позволил бы некоторые вольности человеку, который день за днем прощупывал ему бок.

Музыкальное дарование доктора, по-видимому, впечатлило туземцев не больше представления с пистолетом. Они взирали на него с каменными лицами. Через минуту, прихватив с собой половинки разбитого щита, они скрылись в лесу.

* * *

Вскоре та маленькая бухта получила имя: Сиднейская. Все там, казалось, подчинялось иной логике, нежели в привычном Руку мире. Здесь, как и везде, росли деревья, но каждое было чуднее предыдущего. Одни напоминали швабры — голые, как столбы, с шапками листьев в нескольких метрах над землей. Другие, словно узловатые розовые чудища, тянули к небу свои изогнутые, подагрические пальцы. У реки росли приземистые белые деревца, с которых мягкими листами бумаги сходила кора.

По ветвям, щебеча и посвистывая, семенили красные попугаи. Рук раздумывал, нельзя ли

научить одного из них говорить или напевать мелодию, как та птица, что жила в гостиной у старого капитана Вира в Портсмуте. Сперва надо придумать, как его изловить. Птицы искоса, хитро на него поглядывали. Либо на птичий клей, либо сетью. У Рука ни того, ни другого не было. А мелодию он и сам мог напеть, хотя он вынужден был признать: было в лесах Нового Южного Уэльса нечто, от чего хотелось молчать.

Здесь Букстехуде с его фугами-беседами из другого мира казался представителем иного вида.

Даже скал, подобных здешним, Рук прежде не видал: исполинские плиты и осколки породы беспорядочно громоздились друг на друга. Как бы описать их Энн? Он представил ее лицо, вообразил, как она смотрит на него, склонив голову набок и терпеливо ожидая, когда он подыщет подходящие слова, и перед его внутренним взором возник тот французский десерт, что они вместе пробовали в чайной на улице Сент-Джордж за несколько дней до его отплытия. Его промазанные заварным кремом коржи чем-то напоминали каменистые уступы здешнего ландшафта.

Есть это пирожное было невозможно: стоило откусить немного, как отовсюду вылезал крем. Поначалу им с Энн было неловко, но в итоге они

от души посмеялись над тщетными усилиями друг друга. «Моя дорогая Энн, я оказался в землях, чрезвычайно похожих на тот десерт, который мы ели тогда в чайной „У Пенникука“ и которым стоило бы лакомиться в одиночестве. В остальном местность здесь сухая и каменистая».

Он представил, как она читает эти строки в их маленькой гостиной. Хотелось думать, что они заставят ее улыбнуться.

* * *

Уже на следующий день после того, как флот встал на якорь, разбитые на группы каторжане принялись рубить кусты и деревья. Через две недели в глубине бухты не осталось ничего, кроме взрытой желтой земли, испещренной кровоточащими пнями да покосившимися обвислыми палатками. Как только удалось расчистить достаточно земли, всех поселенцев собрали слушать обращение коммодора.

Сам он забрался на корабельный сундук под сенью раскидистого дерева, а каторжан согнали на каменистую площадку напротив. Они тихо переговаривались и переминались, равнодушные к значимости момента. Солдаты в красных мундирах окружали их неровным кольцом. Всего

около восьми сотен заключенных и двухсот морпехов. Теперь, когда они сошли на берег, такое соотношение сил показалось Руку ненадежным.

Рядом с сундуком сверкал золотыми галунами майор Уайат. Выступающая челюсть придавала ему некоторое сходство с карпом. Лицо было обращено к коммодору, но Рук заметил, как его глаза шныряли туда-сюда по толпе заключенных. Вокруг на одинаковом расстоянии друг от друга он расставил троих капитанов. Рук разглядел Силка: каким-то образом тому удавалось стоять по стойке смирно, сохраняя при этом такой непринужденный вид, будто он пришел танцевать. С капитаном Госденом Рук познакомился лишь по прибытии в Новый Южный Уэльс и пришел к мнению, что его вообще не следовало допускать к участию в экспедиции. Лицо у него было опухшее, бледное — если не считать чахоточных пятен на щеках, и ему явно стоило немалых усилий держаться прямо. В руке он, как всегда, сжимал платок, а в его взгляде читалось беспокойство человека, с трудом сдерживающего кашель. Третьего капитана по фамилии Леннокс Силк как-то раз назвал ходячим стручком фасоли, чем крайне развеселил Рука. Леннокс и его мушкет — два длинных, тонких военных орудия,

готовых исполнить свой долг.

Рук весь вспотел в своем красном мундире. Влажный воздух раскалился, а солнце так беспощадно палило с голубого неба, что в висках стучало. Рук щурился, завидуя стоящему в тени Гилберту.

Бартон и Гардинер, как и остальные офицеры флота, сошли на берег, облачившись по особому случаю в парадные синие мундиры, и теперь стояли поодаль. Им была отведена роль сторонних наблюдателей. Вскоре им предстояло отправиться в обратный путь. На мгновение Рук пожалел, что он не из их числа.

Уайат выкрикнул приказ, и Рук принял предписанную уставом приветственную стойку: мушкет на плечо, левая нога вперед. Положив палец на спусковой крючок и приготовившись к привычному хлопку, он на мгновенье ощутил прилив тошноты.

Прогремел залп — не такой дружный, как, вероятно, хотелось бы майору Уайату. С ветвей дерева неподалеку вспорхнула стая больших белых попугаев. Они принялись кружить над головами собравшихся у реки людей, хлопая крыльями и издавая резкие скрежещущие звуки, вторившие тому звону, что выстрелы пробудили

в памяти Рука.

Он опустил мушкет и поставил его на землю дулом вверх. Как бы он был счастлив, если бы сегодня, седьмого февраля 1788 года, ему пришлось стрелять из него в последний раз!

Коммодор с усилием выпрямился на своем сундуке, стараясь перекричать попугаев. Он вслух зачитал приказ короля Георга Третьего: общий смысл сводился к тому, что Джеймс Гилберт наделялся полномочиями монарха. Отныне жизнь и смерть его подданных находилась во власти новоиспеченного губернатора Нового Южного Уэльса, наместника Его Величества.

Каждый раз, когда губернатор Гилберт произносил имя Его Величества, в беспокойной толпе каторжан кто-то недвусмысленно харкал и сплевывал.

Белые попугаи улетели, и над долиной воцарилась тишина. От лица Его Величества губернатор провозгласил владычество над территорией, названной Новым Южным Уэльсом, которая с этой минуты обрела размеры и очертания. С севера на юг она протянулась с десяти градусов тридцати семи минут до сорока трех градусов сорока девяти минут южной широты. С востока на запад охватила все земли от того самого места,

где они стояли, до ста тридцати пяти градусов восточной долготы.

Рук произвел в уме пару любопытных вычислений. Тридцать три градуса широты равны расстоянию в две с лишним тысячи миль с севера на юг. Шестнадцать градусов долготы — это больше восьмисот миль с востока на запад. По примерным подсчетам, Его Величество только что приобрел кусок земли, вдвое превосходящий размерами Францию, Испанию и Германию вместе взятые.

Губернатор Гилберт все еще дочитывал приказ.

— К туземцам надлежит, как бы то ни было, относиться с дружелюбием и добротой, — кричал он поверх нарастающего гула среди каторжан.

Какой-то предмет полетел в него из гущи толпы и приземлился в кустах.

— Крайне важно установить с ними открытые добрососедские взаимоотношения, — не сдавался губернатор. — Отсутствие добрых намерений с их стороны поставит под угрозу развитие и даже само существование этой колонии. Его Величество поручил мне со всей возможной поспешностью установить с ними дружеские связи и, как только позволят обстоятельства, ознакомиться с мест-

ным наречием.

Об этой стороне жизни в Новом Южном Уэльсе Рук не задумывался: колонии требовался астроном, но ведь и языковед мог оказаться не лишним. И правда: за две недели, прошедшие с того дня с лупами и бусами, туземцы объявлялись всего пару раз, да и то ненадолго. Рук оба раза был на корабле и не застал их. Он лишь мельком видел на другом берегу, по ту сторону залива, каких-то людей, далекие столбики дыма то тут, то там, и очертания каноэ на фоне сияющей на солнце воды. Но до сих пор у него не было возможности проявить «дружелюбие и доброту».

Губернатор, казалось, спешил закончить собрание.

— А теперь я прошу вас вместе со мной преклонить колени, — воскликнул он. — Преподобный отец воздаст благодарность от имени всех нас. Прошу, мистер Пуллен.

Из толпы раздался хриплый женский гогот:

— Благодарность! За что это?

Рук узнал голос той недурной собой любительницы сквернословить, которую после отплытия из Рио окунули в море, чтобы она угомонилась. Теперь она всех распалила, и каторжане, вскочив на ноги, принялись кричать и свистеть, угрожая

прорвать цепь морпехов.

Рук собрался с духом, готовясь выполнить свой долг, но Уайат, вздернув бровь, сказал что-то Ленноксу, и тот окунулся в толпу. Каторжане, судя по всему, уже успели познакомиться с капитаном. Достаточно было ему слегка помахать прикладом, и они расступились, поэтому все, что требовалось от Рука, — это покрепче ухватить мушкет, всем своим видом показывая бдительность.

Но он знал: еще настанет пора — не раз и не два, — когда каждому солдату в красном мундире придется себя проявить. В море он всем дал понять, что отличается от других морпехов. И намеревался продолжать в том же духе. Высокий отдаленный мыс на западной стороне бухты мог сгодиться для обустройства обсерватории и уж точно обещал стать подходящим убежищем для человека, не желавшего играть роль надсмотрщика. Он решил наведаться туда при первой возможности и удостовериться, что всем ясно: лейтенант Рук слишком занят небесными светилами, чтобы уделять время земным обязанностям.

Тем временем преподобный отец забрался на сундук и как обычно пустился читать бесконечную витиеватую молитву. Для проповеди он

выбрал строку из Псалтири: «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?»[14] В голове у Рука мелькнула мысль, что едва ли можно было найти более подходящие слова, чтобы вывести из себя толпу мужчин и женщин, которых вопреки их воле привезли туда, где особых благодеяний ждать не приходилось. Губернатор слушал с непроницаемым лицом, но, казалось, крепче обычного сжав узкую челюсть.

Преподобный на мгновенье замолчал, переводя дух, и губернатор не преминул этим воспользоваться.

— Аминь, — провозгласил он, и Пуллену ничего не оставалось, кроме как перейти к благословению.

Все разошлись, работникам велели возвращаться к топорам и киркам. Рук поспешил ускользнуть, стараясь не встречаться ни с кем глазами, на случай если кому-нибудь вздумается его окликнуть: «О, лейтенант Рук! Не будете ли так любезны мне подсобить?» Но чтобы добраться до того многообещающего мыса, нужно было сперва пересечь не до конца еще расчищенный участок на западном берегу речушки. Майор

[14] Сноски: 14
Пс 115:3.

Уайат называл его плацем, хотя пока что он представлял собой обычный покатый склон, покрытый серой грязью и ощетинившийся пнями.

Быстро шагая вперед и делая вид, что у него есть срочное дело, Рук услышал узнаваемое рявканье майора и краем глаза увидел, как, раскрасневшийся от жары и ярости, он подошел к одному из заключенных и с силой ткнул его палкой между лопатками. Бедолага поднял топор и примерился к ближайшему дереву, а остальные еще ниже склонили головы, продолжая бездумно колоть да крошить. Один высокий малый колотил киркой по земле. Его полосатая роба явно была ему мала: брюки едва доставали до середины голени, рукава — до локтей, а куртка не сходилась на могучей груди. Он осаждал свой пень достаточно споро, чтобы не угодить под палку Уайата, но безо всякого прока.

Рядом с ним над другим пнем трудился мужчина, у которого за щеками не осталось ни единого зуба. Его кирка раз за разом обрушивалась на один и тот же корешок и отскакивала обратно, но он даже не пытался ударить по другому месту — просто поднимал и снова опускал кирку, с трудом удерживая ее в худосочных руках.

Глупость, подумал Рук, или равнодушие? В гла-

зах майора Уайата каждый выкорчеванный пень был шагом на пути к расчистке плаца. Но каторжанину это занятие, вероятно, представлялось таким же бесцельным наказанием, как ходьба по шаговой мельнице в тюрьме, откуда его забрали.

Слава Богу, на свете есть астрономия, подумал Рук, не останавливаясь.

Не он один пытался увильнуть от офицерских обязанностей. Усевшись на камень подальше от трудившихся каторжан, Силк с улыбкой на лице царапал что-то в записной книжке. Завидев Рука, он обходительно подвинулся.

«Туземцы, судя по всему, не поняли, какого мы пола, — вслух прочел он, — а стоило им это выяснить, как ими овладели безудержные приступы хохота». Ты не присутствовал при той встрече, Рук, но ведь это в высшей степени забавно, не правда ли? Одного из матросов попросили предоставить наглядное подтверждение, и оказалось, что он как никто другой подходил для этой задачи! Туземцы так изумились, что, как это ни прискорбно, почти сразу ушли. Теперь я бьюсь над тем, как сохранить комичность этой сцены, подобрав при этом слова, которые не заставят невинную деву зардеться румянцем.

— Да, превосходно, — ответил Рук, подумав про

себя: «Надеюсь, Силк не станет упоминать меня в своей книге». Но Силк не заметил сомнения в его голосе.

— Однако же, странно, что туземцы нас избегают, не находишь? Гардинер говорит, вчера они подплыли к нему, пока он рыбачил. Он дал им рыбы, но поболтать они не остались.

— Должно быть, пошли слухи. Ну, знаешь, о внушительном хозяйстве того матроса.

Но Силк уже решил, что шутка себя исчерпала.

— Рук, друг мой, не будешь ли ты так добр помочь мне?

— Помочь?

— Нет-нет, я не имею в виду работу над книгой. Но я ведь не могу успевать всегда и везде. Тебе наверняка доведется услышать то, что от меня ускользнет. Я надеюсь на тебя как на друга.

Он взял Рука за плечо.

— Ты ведь мне поможешь, старина? Поможешь превратить мое повествование в сияющий бриллиант, перед которым мистер Дебрет склонится в почтительном поклоне?

Рука удивила откровенность его просьбы. Он никогда не видел, чтобы Силк так о чем-то переживал. Все в этом мире — не считая разве что рядового Труби на палубе «Решимости» —

казалось ему не более чем темой для хорошей истории.

Он вдруг понял, что для Силка, как и для него самого, Новый Южный Уэльс — это не просто место, где ему предстоит провести четыре года с полноценным жалованием и возможностью продвинуться по службе, и ему важно не только избежать неприятных воинских обязанностей. Как и Руку, это место обещало Силку другие богатства. Новый Южный Уэльс стал частью его судьбы.

* * *

Жизнь на корабле не готовила Рука к тому, что придется карабкаться по каменистым склонам, которые напоминали пирожное с заварным кремом, так что, преодолев полпути к вершине мыса на западной стороне бухты, он остановился — чтобы передохнуть, а заодно и поглядеть вниз, на «Сириус», который служил ему домом весь последний год, а отсюда походил на игрушечный макет.

Над блестящей водной гладью разнесся звон судового колокола: длинный удар, короткий, длинный, короткий, длинный, короткий, длинный. Семь склянок. Половина четвертого. Хронометр

на борту показывает полшестого утра.

Значит, то же самое время сейчас показывают часы на каминной полке в гостиной на Черч-стрит. В комнате, скованной холодами поздней зимы, еще темно. В пустом суровом свете местного солнца, в невыносимой духоте трудно было в это поверить. Должно быть, все еще спят по своим комнатам, укрывшись несколькими пледами. А Энн дремлет в мансарде под его пуховым одеялом. «Буду греть его для тебя, — обещала она. — И непременно отдам обратно, только обещай, что вернешься домой целым и невредимым».

На мгновенье он почувствовал, как далеко от дома его занесло.

При мысли об очередном ужине за офицерским столом в кают-компании «Сириуса» ему стало тошно. Снова эти набившие оскомину лица, эти голоса, вечно повторяющие одни и те же слова, которые он слышал уже десятки раз. В тесноте корабельной жизни он до совершенства отточил умение прятаться в защитный кокон математики, на который никто не осмелился бы покуситься. Пока палаток и хижин на всех не хватает, ему придется и дальше жить на судне. Но ведь астроном должен всю ночь находиться рядом со своими инструментами, так что при

первой же возможности он переберется на мыс.

Вид, открывавшийся с вершины, стоил тяжелого подъема. На востоке к морю простирались сияющие воды бухты, изрезанной множеством мысов, заливов, россыпью островов. На западе виднелось еще больше мысов, больше заливов, больше островов…

Там, где кряж обрывался к воде, имелся плоский уступ размером с плац майора Уайата, опирающийся на невысокий утес. Здесь небо не заслоняли деревья. На месте гринвичской Королевской обсерватории, должно быть, тоже когда-то не было ничего, кроме голой вершины холма.

Поселение лежало всего в полутора километрах по прямой, и все же этот уголок казался уединенным. Самого лагеря Рук не видел, до него доносился только отдаленный стук топоров да изредка чей-нибудь громкий возглас. Тот, кем его видели окружающие, — младший лейтенант Рук, друживший с цифрами, но неловкий в общении с людьми — был личиной, которую он носил, словно неудобный костюм. Стоя на этом мысе, в одиночестве, которое вторило одиночеству в его душе, он чувствовал облегчение.

Поселившись здесь, он смог бы принимать

участие в жизни поселения без необходимости там находиться. Он будет здесь, но о нем забудут. Астрономия станет удобным заслоном для того «я», которым он не желает делиться ни с кем из высадившихся на это побережье вместе с ним.

Ветер стих. Западный горизонт скользил вверх навстречу солнцу, превращая бухту в лист сусального золота, испещренный очертаниями мысов и островов.

Рук уже собрался возвращаться в поселение, когда вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Неподалеку, неподвижные, как скалы, стояли двое местных. Их темная кожа сливалась с пейзажем. Они смотрели не на него, а вдаль, на воду.

Он вспомнил туземцев, встреченных в день высадки, и то, какое впечатление произвела на них стрельба Веймарка. Быть может, она оказалась красноречивее, чем того хотел доктор.

Теперь же Руку, казалось, выпал еще один шанс.

— Добрый день! Добрый день!

Он подошел чуть ближе.

— Рад знакомству!

Сущая нелепость, но ведь надо же что-то сказать.

Один из незнакомцев покрепче перехватил

копье. Ни у того, ни у другого ни один мускул на лице не дрогнул от того, что какой-то человек крикнул, что рад с ними познакомиться.

Наконец туземцы двинулись к нему, и Рук решил, что они все-таки откликнулись. Не тут-то было. Они прошли мимо, на расстоянии вытянутой руки, словно и вовсе его не заметили.

«Эй! — хотел было крикнуть он. — Эй, я здесь, знаете ли!» Он даже открыл рот, раздумывая, какой тон будет уместней: веселый, беззаботный, жизнерадостный… Но достоинство, с которым шагали эти двое, почему-то заставило его промолчать.

Они направились туда, где скалы круто обрывались к воде, и стали спускаться. Им не приходилось гадать, где спуск удобнее — здесь или вон там? Дорога была им так же хорошо знакома, как ему — тропа у Круглой башни.

Подойдя к склону, Рук посмотрел вниз. Один из туземцев лежал на камне, наклонив лицо к самой воде и положив на плечо копье. Другой по колено зашел в воду и на глазах у Рука молниеносным, почти незаметным движением метнул свой гарпун — на зубцах затрепыхалась блестящая рыбина. Сняв ее, он руками переломил ей хребет и заткнул ее за веревку, повязанную вокруг бедер.

Рук хотел ему помахать, поздравить с добычей. Но туземец уже наклонился обратно к воде.

И почему он не заговорил с ними, ведь они прошли так близко? Другой на его месте — скажем, Гардинер или Силк — заставил бы их обратить на него внимание. Силк уже спустился бы к ним и попробовал бы управиться с гарпуном, а заодно наверняка набросал бы заметки.

Вот поднимутся обратно, и уж тогда он не оробеет. Преградит им путь, не давая пройти, и предложит им что-нибудь — платок, например. «Добрый день!» — снова скажет он прямо им в лицо. Тогда они не смогут притворяться, будто его здесь нет. «Добрый день!» — так он и скажет и протянет им платок. «Не изволите ли принять это?»

Но пока он стоял и смотрел, туземцы обогнули мыс, направляясь к соседней бухточке, и скрылись из виду, так ни разу и не взглянув наверх.

* * *

Рук опешил, когда губернатор воспротивился его намерению заложить обсерваторию.

— Звезды подождут, мистер Рук, — отрезал он. — Доктор Викери поймет, что у нас есть более неотложные дела.

Между его сдвинутыми бровями пролегли две глубоких борозды. Этого Рук не ожидал. На «Сириусе» он был астрономом и вместе с губернатором ходил в каюту, где хранился хронометр мистера Кендалла, но, как оказалось, на суше дела обстояли иначе.

— Послушайте, лейтенант: я ответственен за тысячу с лишним душ, и пока что лучшее жилье, что я могу им предложить, это горстка палаток.

Губернатор уже почти отвернулся.

— Но, сэр, вы ведь помните, что королевский астроном снабдил меня инструментами. Он рассчитывал, что они будут использоваться на благо науки. И в первую очередь — для наблюдения за кометой, которая, по предположению доктора Викери, появится позднее в этом году, что он считает событием величайшей важности.

Губернатор, казалось, не меньше Рука удивленный таким красноречием, одарил его суровым взглядом.

— Разногласия с королевским астрономом мне ни к чему. Это определенно так. Но зачем же забираться так далеко, лейтенант? Я бы не хотел, чтобы поселение разрасталось — так будет безопаснее для всех его жителей. До тех пор, пока нам не удастся установить связи с туземцами, мы

не узнаем их истинных намерений.

Он вновь хотел было отвернуться, но Рук не мог уступить. Он был обязан заполучить тот одинокий мыс. Отчаяние окрылило его разум, подсказало нужные слова.

— При всем уважении, сэр, — он как-то слышал, как Силк использовал это дельное выражение в разговоре с губернатором себе на руку, — обсерватория должна находиться в полной темноте. Для наиболее плодотворной работы. Как вам наверняка известно.

Он дважды солгал — в первую очередь, предположив, что губернатору об этом, «наверняка известно». Будучи весьма опытным моряком, тот знал о ночном небе достаточно, чтобы переправить корабль из одного пункта в другой, но о нуждах астронома не имел ни малейшего представления. Что касается «полной темноты», это было правдой в лучшем случае отчасти. Костры и мерцающие огни поселения вряд ли помешали бы разглядеть звезды.

Рук вгляделся в узкое лицо губернатора — тот был недоволен, но колебался. Раздумывал, не стоит ли воспользоваться своим положением и попросту запретить.

— К тому же, сэр… — поспешил продолжить

Рук, надеясь, что пока он говорит, в голову придет еще какой-нибудь довод. — К тому же, сэр, вычисления — дело сложное. Особенно когда речь идет о комете… Для человека моих способностей… Скромных способностей.

Рук с трудом выдавливал из себя слова. Иногда он думал о том, что формулирует предложения так же, как некоторые люди умножают числа: тратя массу усилий, путем сложения. Он почувствовал, что краснеет, но продолжал:

— Отвлекаться, сэр — мне нельзя отвлекаться, ведь это отнимет у меня силы. Полностью и без остатка. Уединение и тишина совершенно необходимы.

В этом правды не было даже отчасти — чистая ложь. Он сам это знал, как знал это и губернатор. В кают-компании на «Сириусе» уединения и тишины было не найти. На одном конце штурманского стола Рук высчитывал долготу, вооружившись «Альманахом» доктора Викери и вспомогательными таблицами. На другом мичманы выполняли задания по навигации. У окна за отдельным столом сидел над своими бумагами и таблицами коммодор. В углу двое офицеров могли оживленно обсуждать, к примеру, кулинарные достоинства различных видов

рыбы, которую матросы ловили с палубы. Рука порой тоже просили высказать свое мнение, что он и делал, ни на мгновенье не отвлекаясь от вычислений.

Губернатор, вынужденный держаться особняком с одной стороны в силу своего положения, а с другой, вероятно, и нрава, мог понять человека, предпочитающего одиночество. Однако дав ему эту поблажку, он рисковал показаться излишне снисходительным, а потакание просьбам одного офицера могло обернуться недовольством остальных.

Губернатор подпер подбородок большим пальцем и потер указательным верхнюю губу. Рук видел, как он поспешно проводит в уме сложные подсчеты, соотнося необходимость приструнить своенравного младшего лейтенанта с вероятностью, что в будущем его расположение придется кстати. Рука охватила паника. Гилберт, обыкновенный капитан флота, особыми талантами не отличался, и был хоть старше него, но зато менее даровит. Неужели этот человек мог встать на его пути к достойной жизни?

— Что ж, хорошо, лейтенант Рук. Отправляйтесь на свой мыс. Будет королевскому астроному его комета. Но позвольте предупредить вас: при

первом же намеке на неприятности вам будет велено вернуться. У нас не так много людей. Возможно, придет время, когда каждый мушкет будет на счету. И еще, лейтенант, — понизив голос, добавил он, — раз уж об этом зашла речь: извольте всегда держать оружие наготове.

Тут к ним подбежал какой-то рядовой, и на этом разговор был окончен.

Убравшись подальше с глаз губернатора, Рук остановился и приложил ладонь к щеке, пылавшей жаром едва не постигшего его разочарования.

«Еле выкрутился, — мелькнуло у него в голове. — Еще немного, и как пить дать…» Пить? При чем тут питье? Рук испытал облегчение, задумавшись над смыслом этого занятного выражения, вместо того чтобы гадать, чем все могло бы кончиться, произнеси губернатор: «Сожалею, лейтенант, но это мое окончательное решение, извольте больше не обращаться ко мне с этим вопросом».

Нельзя забывать, как зыбко его положение. Быть может, ему и впрямь было предначертано оказаться здесь, но губернатору до этого дела нет. Знай он, что на уме у его лейтенанта, он бы ему напомнил, что Рук здесь не человек науки, «аст-

роном, подающий большие надежды», а всего лишь один из его подданных.

* * *

В отличие от гринвичской, местная обсерватория не могла похвастаться величественностью и наличием всех необходимых астроному удобств. Ближайшее подобие, которое удалось спроектировать Руку, представляло собой небольшую комнату, увенчанную конусообразной крышей из дерева и парусины и напоминающую жилища индейцев. В крыше он намеревался оставить вытянутую прорезь для телескопа, а вершину конуса немного сдвинуть от центра, чтобы производить наблюдения в зените.

Чертеж вышел необычный — таким же обещало получиться и само сооружение. Но было нечто чрезвычайно приятное в попытке переосмыслить представление об устройстве обсерватории по базовым принципам.

Майор Уайат дал понять, что не обязан потакать всякой прихоти (он не стал уточнять, была ли то прихоть лейтенанта или губернатора), но в итоге все же выделил Руку нескольких работников. Тяжело дыша, они взобрались на мыс, таща на себе парусину, жерди для палатки, которая должна

была стать Руку временным домом, складную кровать, стол и ящики с инструментами.

Показывая плотнику свой чертеж, Рук назвал крышу будущей обсерватории «куполом». Тут он, пожалуй, погорячился. Он попытался объяснить, почему вершину конуса следовало сдвинуть от центра, и детально растолковал, почему астрономические инструменты требовалось направлять четко вверх. Он старался изъясняться простыми словами, но во взгляде собеседника сквозило недоумение.

Чтобы работа шла быстрее, Рук трудился бок о бок с остальными. Управляться с киркой оказалось непросто, и он натер мозоли о грубую деревянную рукоятку. Но ему, в отличие от каторжан, тяжелый физический труд был в радость. Сосредоточившись на том, чтобы ударить по камню в нужном месте, под нужным углом, прилагая нужное усилие, он погружался в приятное бездумье.

На невысоком утесе разместилось помещение для наблюдений: крепкая скалистая порода хорошо подходила для установки инструментов. Хижина — будущее жилище Рука — располагалась внизу, куда вели выбитые в камне ступени. Чтобы выдолбить эту лестницу, которая на его

наброске выглядела так незамысловато, работникам понадобилось вдвое больше времени, чем на все остальное. Вот она, разница между евклидовым миром и настоящим.

Из-за дождей и того, что работникам приходилось отлучаться ради других обязанностей, на все про все ушли месяцы. Неровно сколоченные доски и топорщившаяся выбеленная парусина, прибитая к своду гвоздями, придавали сооружению небрежный вид. Смещенная верхушка крыши уязвляла самолюбие плотника: с виду казалось, что он допустил ошибку. В кровле красовалась грубая прорезь — чтобы двигать телескоп вверх и вниз. Закрывалась она простой ставенкой из теса и парусины. Плотник удалился, недовольно ворча.

Рук занес внутрь своего жилища складной столик, пододвинул к нему два стула. Полка была всего одна — на нее он пристроил бритву, перо с чернильницей и немногочисленные книги. В углу поставил складную кровать, застелил ее одеялом, положил на подушку томик Монтеня — прощальный подарок Энн — и воткнул в трещину в стене подсвечник, чтобы читать перед сном. Мушкет он поставил в темный угол за дверью, а мешочки с порохом и картечью повесил

над ним на крючок.

Плотник предусмотрел и окно — вернее, оставил в стене отверстие с деревянной ставней. Сидя за столом, Рук видел камни и пучки травы снаружи — его новый двор. Чуть дальше утес обрывался к воде, по которой гнал рябь дневной ветерок. Мимо с мощным взмахом крыльев — вверх-вниз — пронеслась чайка. На том берегу над деревьями колыхался шлейф дыма.

Дощатые стены хижины пропускали стылый зимний ветер, дранка на крыше местами уже расщепилась. Каменный очаг был сложен недостаточно плотно и промазан дрянным раствором, и как Рук ни трудился с киркой, пол все равно бугрился поверх изгибов и уступов твердой скальной породы. И все же ни одно место на планете еще не было ему так дорого. Впервые, если не считать мансарды на Черч-стрит, он обрел пристанище — свое собственное и уединенное. При желании он запросто мог поговорить сам с собой. Он и забыл, как приятно размышлять вслух. Здесь некому было его осуждать, напоминать ему, каких усилий порой стоит казаться обычным.

Все эти годы учебы и службы на корабле он чувствовал себя стесненным, точно перетянутая жгутом конечность. Теперь же он наконец смог

раскрыться и занять столько места, сколько нужно. Здесь, в этой глуши, наедине с собственными мыслями, он мог быть не кем иным, как самим собой.

Он сам… Мир столь же неизведанный, как и эта земля.

* * *

Доктор Викери предсказал, что его комета вернется во второй половине 1788 года — оставалось еще несколько месяцев. Она обещала оправдать присутствие астронома, ну а пока важно было удостовериться, что все видят в нем добросовестного человека науки.

Рук достал из ящиков метеорологические приборы, предоставленные Королевской обсерваторией: термометры из Королевского общества, барометр, анемометр, специальную бутыль с воронкой для измерения количества атмосферных осадков. Он был рад, что доктор Викери не видит, в какой обстановке оказались все эти инструменты. Ни к чему королевскому астроному знать, что его барометр и термометр — самые передовые во всей Европе приспособления подобного рода — свисают на веревке с карниза хижины, больше напоминающей загон для свиней. Он никогда не

увидит, что его дождемер стоит на пне — дерево постарались спилить как можно ровнее, и уж тем более не узнает, что тот же пень служит заодно туалетным столиком. Руку придется в одиночку наслаждаться тем, что грань между его жизнью и работой стерлась до такой степени, что при желании он запросто мог бы проводить исследования прямо во время бритья.

Единственное, что увидит доктор Викери — журналы с результатами измерений. Они станут истинным чудом перевода. С языка сумбура, разброда, неопределенности, на язык точности. Как жаль, думал Рук, что он не сможет разделить с доктором Викери восторг от этого превращения. «Ветер. Погодные условия. Барометр. Термометр. Примечания». Быть может, несколько необдуманно, Рук решил проводить наблюдения шесть раз в день — с четырех утра до восьми вечера. С чувством, что ему предстоит великое предприятие, он окунул перо в чернильницу и записал результаты первых замеров. «24 июня 1788 года. Ветер: зюйд-зюйд-вест, 4 узла. Погодные условия: сильная облачность, дымка. Барометр: 29 дюймов. Термометр: 60 градусов по Фаренгейту. Примечания: около 7 часов утра начался дождь, вскоре давление поднялось».

Наверху, в обсерватории, куда вели четыре кособокие ступеньки, едва хватало места даже для одного худощавого астронома, а парусина на крыше трещала на ветру, отвлекая от работы. Но скала, на которой стоял квадрант, не двигалась с места со времен самого сотворения мира. Рук чувствовал ее под ногами — эту каменную сферу, не прикрытую ни половицами, ни коврами, которая кружилась, мчась сквозь время и пространство и увлекая за собой и его самого, и все его инструменты.

Сквозь телескоп с незнакомой ясностью горели звезды — ослепительно яркие, живые, пульсирующие в черноте. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу»[15]. Должно быть, апостол Павел, думал Рук, лежал когда-то на земле и смотрел на точно такое же небо.

Теперь Рук знал южные созвездия ничуть не хуже тех, с которыми вырос. Пока судно огибало земной шар, всю дорогу от Портсмута до Нового Южного Уэльса, он наблюдал, как они еженощно карабкались все выше над южным горизонтом. Но в море он никогда не видел их такими яр-

---

[15] Сноски: 15
1Кор 13:12.

кими.

Луна резко выделялась на фоне черного неба, ее моря и горы были легко различимы, точно выгравированные — и, конечно же, перевернутые, с точки зрения человека, смотрящего на них из окна гостиной в туманном Портсмуте.

Рук запросто мог бы нарисовать ту гостиную — каждую складку на скатерти, каждое пятнышко на обивке кресла, истрепавшуюся бахрому половика… Мог бы рассказать, что в эту самую секунду — а там сейчас около полудня и, ясное дело, лето на дворе — отец вытаскивает из кольца салфетку, мать нарезает хлеб и передает его Энн, чтобы намазала маслом, а Бесси раскладывает куски по тарелкам, и все с урчанием в животе ждут, когда же горничная подаст полдник.

Он видел все это, точно наяву. Чувство голода воображать не приходилось, ведь губернатор велел урезать пайки до тех пор, пока из Англии не прибудут корабли с обещанными припасами. И вместе с тем все это было совсем не похоже на явь — скорее, на чей-то рассказ о людях, увиденных во сне.

Лежа на кровати, Рук слышал шум волн в бухте, их беспокойный плеск, доносившийся сквозь оконный проем. Вода всегда пребывала в движе-

нии, беседовала сама с собой и с берегом. Волны хлестали по скалам у подножия мыса, и Рук представлял себе, как они пенятся, омывая трещины в камне. Ничто не мешало капле этой воды проделать обратный путь туда, откуда он прибыл. Влекомая течениями, она могла добраться до самого Мазербанка, проскользнуть мимо Круглой башни. И наконец разбиться о берег Харда там, откуда год назад отчалил тендер «Сириуса» с Дэниелом Руком на борту, оставив на одном из камней темную отметину — приветствие из дальнего уголка планеты тому миру, что он покинул.

* * *

Даже поселившись в обсерватории, по воскресеньям Рук по-прежнему ужинал с другими офицерами. Он считал это повинностью, которую требовалось нести в благодарность за то, что в остальные дни трапезничать с ними ему не приходится.

Однажды вечером, в первую для поселения зиму, он явился в казармы — длинную темную хижину, почти целиком занятую несообразно роскошным столом красного дерева, во главе которого уже сидели губернатор и майор Уайат. Его превосходительство временами оказывал

эту честь своим офицерам вместо того, чтобы ужинать в уединении своей резиденции. Майор Уайат всегда рассыпался перед ним в благодарностях. Что касается остальных, в присутствии губернатора они осторожнее выбирали слова.

Рук уселся между Силком и молодым лейтенантом Тимпсоном, подальше от глаз майора Уайата и губернатора. Тимпсон вечно всем надоедал, понося каторжанок (все они — чертовы потаскухи, так он считал) и беспрестанно показывая портрет своей возлюбленной в ожидании восторга и восхищения со стороны других мужчин. В силу своей юности и простодушия он не понимал, что лицо чужой возлюбленной в овальной рамке мало кого волнует.

Силк полагал, что молодой лейтенант Тимпсон слишком уж любит возмущаться. «Помяни мои слова, Рук, — как-то сказал Силк, — и года не пройдет, как он вместе с нами зачастит к миссис Бутчер, и ни слова мы не услышим об этой Бетси». Рук был вынужден согласиться. Миссис Бутчер, судя по всему, когда-то держала заведение в английском городке Девицес и знала, как вести дела. Рук порой наведывался к ней в хижину — то один, то в компании Силка — и успел убедиться, что она гостеприимна, не болтает лишнего и

всегда готова предоставить на выбор несколько каторжанок приятной наружности и обеспечить уединение за занавеской из парусины.

Невинное ханжество Тимпсона утомляло, но Рук был рад в сотый раз восхититься портретом Бетси и подтвердить, что у нее невероятно милое и славное личико, лишь бы усесться в самом дальнем и плохо освещенном углу комнаты.

Во главе стола губернатор и Уайат с мрачным видом наблюдали, как юнга ставит перед ними тарелки с едой. Молчание нарушил Силк.

— Ох, опять эта богомерзкая стряпня!

Весьма смело с его стороны, подумал Рук, привлекать внимание к тому, что лежит у каждого в тарелке, но губернатор даже рассмеялся. Уайат, а следом и все остальные, последовали его примеру. Только Силку подобное могло сойти с рук, но он знал, что говорит: люди, разочарованные очередной скудной трапезой из куска старой солонины да ложки гороховой каши, были рады любому поводу отвлечься.

Королевский интендант предполагал, что жители Нового Южного Уэльса смогут хотя бы отчасти собственными силами обеспечить колонию пропитанием, но его надежды не оправдались. Сердцевину похожего на швабру дерева

прозвали капустой, хотя Руку она скорее напоминала паклю — такая же волокнистая, да и на вкус не лучше. У реки тут и там росла всякая зелень, а из листьев какой-то ползучей лозы, как выяснилось, получался сладковатый чай, который ему со временем полюбился. Этим и ограничивались успехи местного сельского хозяйства.

Были засажены огороды, но из-за вредителей, почвы, немногим плодороднее песка, и воровства среди каторжан, репа и картошка выросли не крупнее монеты.

Время от времени губернаторский охотник приносил из леса дичь. Его превосходительство щедро делился ею с офицерами, и Рук вместе со всеми смаковал нераспознаваемые куски жесткого, но вкусного мяса. В ход пускались все части тела животного, ведь доктор Веймарк платил охотнику за каждую голову. Рук видел акварельные наброски Веймарка, на которых шеи обезглавленных топором кенгуру и опоссумов были искусно скрыты за ворохами листвы.

Однако было очевидно: запасы на исходе.

Кок размазывал еду по тарелкам перед подачей, чтобы порция выглядела внушительнее. Эта уловка навела Рука на любопытные размышления: насколько большую окружность можно

прочертить с помощью заданного количества гороховой каши и солонины?

Но какой бы тонкой или толстой ни была эта окружность, каким бы ни был ее диаметр и как бы интересно ни было решать задачу с числом пи, еды не хватало, ведь кораблей с припасами не было и в помине.

— Эти мерзавцы о нас забыли, — вполголоса сказал Руку лейтенант Тимпсон, проведя пальцем по тарелке и облизав его. — Избавились от нас и рады. Ну или все корабли затонули. Господи, и зачем я только вызвался!

Тимпсон едва поступил на службу и еще не научился скрывать тоску по дому. За едой его тянуло вслух помечтать о любимых блюдах, особенно о материном рагу с тушеным луком. Рук тоже порой ловил себя на том, что грезит о тарелке молодого картофеля со сливочным маслом, петрушкой и солью и добром куске свежей баранины на кости в придачу.

Все тарелки вскоре блестели чистотой, и Рук поймал себя на мысли о том, что никто из присутствующих не верит, что новое поселение Его Величества протянет долго. Вопрос был лишь в том, исчезнет ли оно раньше, чем все они умрут с голоду.

После ужина губернатор поднялся со стула — такой тонкий и угловатый, что Руку вспомнился ньютонов Математический мост.

— Добрый вечер, господа, благодарю вас за гостеприимство.

Опустив взгляд на свою тарелку, он замешкался, словно жалея, что его слова могли прозвучать иронично.

— Я намереваюсь вести отряд из нескольких человек вглубь побережья. Там я надеюсь отыскать то, из чего можно было бы извлечь пользу.

«Извлечь пользу». Все знали, что скрывается за этой красивой фразой: «В Сиднейской бухте ничего не растет, а наши запасы на исходе».

— Я также убежден, что по пути нам попадутся туземцы, более расположенные к разговору, чем те, которых мы видели здесь.

Рук вспомнил тех двоих мужчин, что прошли мимо него, точно мимо камня или куста. Каждый день перво-наперво он выходил наружу поглядеть, не вернулись ли они.

Лицо губернатора растянулось в подобии улыбки.

— Я хочу знать, не желает ли кто-нибудь из вас, господа, присоединиться к отряду.

Рук не раздумывая вскочил на ноги.

— Лейтенант Рук, сэр! Я пойду.

«Птицы. Млекопитающие. Муравьи и их жилища». Вот он, его шанс увидеть, что еще скрывает Новый Южный Уэльс кроме уже знакомого ему уголка. А вдруг представится возможность побеседовать с туземцами — кто как не он, человек со знанием пяти языков, подойдет для этой задачи?

Силк не отставал.

— И капитан Силк, сэр, в вашем распоряжении, — подал голос он.

«В вашем распоряжении» — более удачный выбор слов. Рук решил приберечь их на будущее. Не то, что его мальчишеское «я пойду!»… Он почувствовал, что краснеет, но никто на него не смотрел.

— Благодарю, господа. Весьма признателен.

После ужина Силк задержался.

— Право слово, Рук, я-то думал, что во всем полку не найдется никого расторопнее меня, но, оказывается, не стоит терять бдительность!

Рук начал было раздумывать над ответом, но Силк не стал ждать.

— Колючки, солнечные ожоги, москиты и, конечно же, змеи! А может, и недружелюбные туземцы. Однако чем хуже нам придется в жизни, тем интереснее будет читать об этом на бумаге.

Туземцы — то, что надо. Жаль, что они такие осмотрительные. Кто знает, вдруг в этом походе мне выпадет шанс поболтать с их юрким народцем! И что бы из этого ни вышло, мы в любом случае сможем выгодно себя проявить.

Он подмигнул.

— Долгосрочные перспективы, друг мой — никогда не забывай о долгосрочных перспективах нашего пребывания в Новом Южном Уэльсе!

* * *

Непросто было думать о долгосрочных перспективах, осваивая Новый Южный Уэльс ярд за ярдом. Рук сидел в куттере[16] вместе с остальными членами отряда и слушал плеск и хлюпанье весел, пока матросы гребли на запад вглубь бухты. Губернатор, заняв отдельную банку на носу, глядел в подзорную трубу. Силк сидел наготове позади него и то и дело наклонялся вперед, чтобы ответить на его замечания, которых Рук не слышал. Примостившийся рядом с Силком лейтенант Уилстед тоже наклонялся вперед, готовясь что-то вставить — на его сухопаром лице отражалось рвение. Уилстед тоже прибыл

[16] Сноски: 16
Куттер — небольшое парусно-гребное судно.

на борту «Сириуса». На протяжении всего пути через Атлантику, через Великий Южный океан Рук наблюдал, как он безуспешно пытается выслужиться перед губернатором. Худощавое лицо лейтенанта чересчур явно выдавало его притязания, а заискивающая улыбка казалась слишком уж отработанной. У Силка притязаний было не меньше, но ему словно было все равно, поэтому губернатор, оборачиваясь, чтобы отметить нечто любопытное, всегда обращался именно к нему.

За спиной у Рука сидели двое рядовых, а между ними — крупный бородатый каторжанин — губернаторский охотник, которого, по словам Силка, взяли стрелять дичь им на ужин. Он и сам напоминал шмат мяса: огромные плечи, незаметно переходящие в мощную шею. Рук поймал его взгляд — ушлый, испытующий, подозрительный.

Управлял шлюпкой лейтенант Гардинер с «Сириуса». Пока матросы работали веслами, он стоял на корме и рулил, направляя лодку вглубь бухты. На северном берегу форштевнями нависали над водой высокие темные мысы, с которых вниз, к своему отражению, клонились тенистые заросли. Южный берег был ниже, каждый заливчик и выступ суши лоснился глянцевитыми

листьями мангровых зарослей. Тут и там они перемежались, словно знаками препинания, серповидными полосками желтого песка. Покачивающиеся на волнах чайки поворачивали головы, наблюдая за плывущей мимо шлюпкой, а пеликаны, казалось, тихонько посмеивались. Течение подталкивало лодку, разворачивая ее на каждой излучине, а берега все сужались до тех пор, пока бухта не превратилась в реку.

Обогнув длинный низкий мыс, они увидели поросший травой склон, а на нем — четверых или пятерых туземцев, сидевших вокруг костра и взиравших на лодку. Точно персонажи немой сцены на скользящих мимо театральных подмостках. И уж конечно, с точки зрения туземцев, такую же немую сцену напоминала проплывшая мимо и скрывшаяся из виду лодка, полная чужаков.

— Причаливайте, лейтенант, — крикнул губернатор Гардинеру с другого конца шлюпки. — Табань! Подплывайте к ним.

Лодка подошла ближе к берегу, и губернатор, встав на ноги, снял шляпу и помахал ею.

— Доброе утро! — крикнул он. — Доброе утро, друзья!

Туземцы не ответили на его приветствие. Персонажи немой сцены зашевелились — сидевшая

у костра женщина встала, взяла на руки ребенка и, прижав его к груди, скрылась в зарослях. Остальные один за другим поднялись и последовали за ней. Они не спешили, но к тому времени, когда лодка подошла вплотную к берегу, поляна опустела.

— Сойти на берег, сэр? — предложил Уилстед. — Я могу сойти на берег, сэр, пойти за ними…

Но было в его голосе нечто такое, от чего губернатор будто и не слышал его.

— Пусть гребут дальше, лейтенант Гардинер, — отрезал он. — Не будем терять время.

Река сузилась, превратившись в небольшую протоку, извивавшуюся между высокими берегами, и наконец путь им преградили груды громоздящихся друг на друга плоских каменных плит, по которым сверкающими струйками стекала вода.

— Конечная станция, господа! — возвестил Гардинер и причалил там, где одна из скальных плит резко уходила на глубину. Уилстед и Силк вылезли на берег и обернулись, чтобы помочь губернатору, но он и сам, со всей своей угловатостью и нескладностью, с завидным проворством перебрался через борт.

— Благодарю, господа, но, как видите, я спра-

вился.

Он окинул взглядом крутые берега по обе стороны реки, местами обточенные паводками до голых скал, и уже собрался в путь, через плечо раздавая приказы.

— Благодарю, лейтенант Гардинер. Я буду ждать вас на этом же месте через три дня. Итак, капитан Силк, извольте отправиться вместе со мной — мы пойдем во главе отряда. Лейтенант Уилстед, будьте любезны следовать за нами. Лейтенант Рук, вас я попрошу замыкать строй и отмечать маршрут. Сержант, вы с рядовыми пойдете вместе с нашим егерем.

Рук засмеялся, решив, что губернатор в кои-то веки решил сострить, но тот со свойственной ему неуклюжестью обернулся и остановил на нем холодный взгляд. Рук откашлялся в кулак.

«Егерь!» Это слово наводило на мысль о том обществе, принадлежностью к которому кичился его однокашник Ланселот Персиваль Джеймс: фазаны и олени бродят по угодьям, искусно засаженным таким образом, чтобы усилить впечатление от охоты, а жизнерадостные крестьяне приветственно приподнимают шапки, завидя молодого дворянина в седле.

Новый Южный Уэльс мало походил на гос-

подское поместье. Подданные Его Величества высадились на небольшую неприветливую поляну на краю неизвестности. Вокруг, казалось, простирался край, лишенный каких-либо животных или растительных ресурсов, а егерем у них был преступник, которому дали в руки оружие.

Отряд двинулся вслед за губернатором. Рук шел позади всех и видел перед собой вереницу покачивающихся рюкзаков и головы, склоненные, чтобы хлесткие ветви кустов не попали по лицу. Каторжанин плечами расчищал себе дорогу. Ростом он был выше всех, а ветхая клетчатая рубаха так и норовила порваться на могучем торсе. Он нес не только свой рюкзак, но и губернаторский, однако на его спине они смотрелись как сущие безделушки.

Изначально губернатор намеревался двинуться на запад, но отряд то и дело отклонялся то к северу, то к югу от заданного маршрута, огибая илистые ручьи, слишком широкие, чтобы перейти их вброд, и непроходимые заросли, где кустарник целиком поглотил упавшие деревья. Они спускались в овраги, по дну которых стелились ползучие растения, цеплявшиеся за щиколотки, но стоило вскарабкаться наверх по крутому скалистому склону на другой стороне,

как перед ними возникал очередной овраг.

Рук замыкал строй и, держа в одной руке компас, в другой — записную книжку и заткнув за ухо карандаш, отсчитывал шаги, отмечая каждую смену направления. Столбцы он расчертил заранее: «Количество шагов. Направление движения». Заполняя колонки, он понял, что слова «направление» и «движение» не отдают должного действительности.

Окружающая местность проплывала мимо безымянным размытым пятном. «Дерево. Другое дерево. Куст. Другой куст. Белый цветок. Желтый цветок. Красный цветок». Он вновь почувствовал себя ребенком, неспособным дать подходящих имен окружающим предметам. Ему вспомнилось, как он сидел на корточках на гальке у подножия Круглой башни и разглядывал свою коллекцию камешков: «Большой. Поменьше. Светлый. Темный».

У ручья, по берегу которого рос высокий тростник, губернатор объявил ночной привал. Рук сел и стащил прилипший к спине рюкзак — чащу накрыла вечерняя прохлада, и от пота было зябко.

Рук увидел, как сержант неохотно протянул каторжанину ружье и мешочек с дробью. Тот взял мушкет, казавшийся игрушечным в его ру-

ке, и привычным движением взвесил мешочек в руке. Его розовые губы растянулись в ухмылке посреди бороды.

— Если хотите поужинать, сэр, дроби тут будет маловато! — сказал он.

— А ну-ка, прикуси язык! — вспылил было сержант, но тут раздался голос губернатора: — Все в порядке, сержант, выдайте Бругдену то, что он просит.

Сжав губы в тонкую линию, сержант отсыпал еще горсть дроби. Бругден ухмыльнулся, обнажив крупные белые зубы.

— Благодарю, сержант, — сказал он. — От всей души, сэр.

Сержант проводил его взглядом, глядя, как он закинул ружье на плечо и с самодовольным видом пошел вдоль ручья, отбрасывая на траву длинную тень. Рук поймал себя на мысли, что на блокшиве[17] ему и перочинного ножа для хлеба не дали бы. Судя по кислой мине сержанта, тот думал о том же.

Губернатор заметил, как Рук смотрел вслед шагавшему прочь каторжанину.

— С волками жить, мистер Рук… — заговорил

---

[17] Сноски: 17

Блокшив — корпус старого несамоходного судна, используемый в качестве плавучей тюрьмы, склада или временного служебного жилья.

он. — Я познакомился с Бругденом еще на родине: он был егерем герцога Портленда, прежде чем злополучно преступил закон. Он малость неотесанный, зато я своими глазами видел, как он со ста шагов застрелил вяхиря.

— Но, сэр, вдруг он сбежит? — подал голос Уилстед.

Губернатор искоса взглянул на него.

— И что же, лейтенант Уилстед? Положим, сбежит. Куда он, по-вашему, тогда отправится?

Уилстед моргнул, но не нашелся, что ответить.

Рук присел на бревно и достал записную книжку, собираясь подсчитать общее количество шагов и соотнести его с показаниями компаса. Еще в Портсмуте он пробовал мерить шагами Черч-стрит, полагая, что это может пригодиться в дикой местности, а Энн семенила рядом с мелом в руках и помечала каждый его шаг. Как выяснилось, в среднем длина шага лейтенанта Дэниела Рука составляла тридцать три дюйма.

Но здесь, где он все время то спотыкался, то карабкался, то полз, такая точность теряла всякий смысл. Следуя примеру Евклида, он решил начать с постулата и, раз уж все равно приходилось выдумывать, упростить вычисления: «Положим, что длина одного шага равна тридцати шести

дюймам».

Закончив подсчеты, он прочертил маршрут на обзорной карте местности. Вышел причудливый зигзаг, скорее напоминавший движение насекомого, нежели отряда королевских вооруженных сил.

Он встал, намереваясь отнести карту губернатору, но тут у него на пути возник Силк.

— Сколько мы прошли, Рук? Далеко продвинулись на запад?

Рук показал ему то место, где обрывался зигзаг.

— Насколько я могу судить, мы на четыре целых и пять восьмых мили углубились на запад от места высадки, — ответил он.

— Четыре и пять восьмых? Вы меня просто поражаете, лейтенант!

Силк повернулся к Уилстеду, который уже снял башмаки и гетры и, сидя на бревне, осторожно ощупывал мозоли.

— Взгляните, Уилстед: Рук выяснил, что мы находимся в точности вот тут, представляете? — Силк нарочито аккуратно указал пальцем на то место, где обрывалась пунктирная линия.

Уилстед скользнул глазами по карте.

— Надо же, — отозвался он, — хорошая работа, Рук.

Он даже не пытался скрывать, что мозоли беспокоят его куда больше, чем какая-то пометка на листке бумаги. Силк задержал на нем взгляд, сжав губы и слегка втянув подбородок. Именно такое выражение принимало его лицо, когда Рук слишком уж дотошно рассуждал на какую-то тему. «Досада» — вот как это называется, подумал Рук, хотя в силу добродушия и благовоспитанности Силк не мог позволить себе большего, нежели едва заметно напрячь пару мускулов.

— Спасибо, Рук, — сердечно поблагодарил он, словно извиняясь за равнодушие Уилстеда. — Возможность так точно определить, где мы находимся, несколько успокаивает.

Он окинул взглядом покрытые зарослями склоны вокруг, и Рук задумался, стоит ли воспринимать его слова как похвалу или как подспудную насмешку.

Оставив остальных, он пошел вдоль ручья с компасом в руке. «Определяю направление течения, — объяснил он воображаемому собеседнику. — Пользуюсь случаем, пока еще достаточно светло». Решив спуститься к воде, он раздвинул кусты, и у него из-под ног взметнулась утка. Он в испуге отскочил назад. Птица упорхнула подальше и с похожим на смех кваканьем опустилась

на воду. «Кха-ха-ха! Кха-ха!»

Сама странность этих мест как будто сдирала с него кожу, оставляя лишь оголенную плоть.

Рук всем видом старался показать, что отмечает, как ручей заворачивает на север, но на самом деле он попросту хотел осмотреться. Эта беспощадная новизна напоминала слепоту. Словно в отсутствие знаний ему изменило зрение. Он надеялся, что без рюкзака и записной книжки его глаза быстрее научатся различать все эти деревья и кусты.

Трава у ручья нежно зеленела в сгущающихся сумерках, впитывая пологие лучи заходящего солнца — такая яркая, что почти жидкая на вид. Над ручьем клонились хвойные деревья. «Елки» — так их все называли. Но содрав горсть иголок, Рук увидел, что, в отличие от еловой хвои, они состоят из сочленений, которые ближе к кончику прилегают друг к другу плотнее. Что же это за лист, который проталкивается наружу частями, точно подзорная труба?

Он ведь хотел увидеть нечто необычное. Что ж, это место настолько необычно, что в голове не укладывается.

Егерь вернулся затемно, притащив пару попугаев и опоссума. Походив по лесу, он приобод-

рился.

Рук услышал, как он обратился к губернатору:

— Дичи здесь небогато, сэр, но коли что зашевелится, сразу стреляю!

Разрумянившийся и довольный, Бругден с гордостью наблюдал, как один из рядовых возится с мехом и перьями. Из его добычи получилось некое подобие рагу, и хотя выглядело оно не слишком заманчиво, но все же неплохо дополняло скромный паек старого черствого хлеба.

После ужина Рук, как и все, с радостью завернулся в свое одеяло. Ноги тряслись от целого дня нескончаемого карабканья вверх и вниз, кожа зудела тысячей укусов, а тонкое одеяло не спасало от ночного холода.

Но, погружаясь в сон, он подумал: «Нет на свете места, где я скорее предпочел бы оказаться».

* * *

Двигаясь на запад, они оставили реку позади, но на второй день вышли к ней снова. Вдоль берега шла тропа, протоптанная до них кем-то другим.

— Ага! — воскликнул губернатор. — Наконец-то мы встретим туземцев!

Рук попробовал представить себе, как начнет-

ся эта встреча. Пожалуй, надо выйти вперед и что-то сказать. В тот первый день на берегу ему следовало меньше беспокоиться о безделушках и больше — о словах. Позже, когда двое местных прошли мимо его хижины, он упустил еще один шанс.

В третий раз он не оплошает. Он все продумал: как положит на землю мушкет, как, безоружный, выйдет вперед, вытянув руки перед собой. Он не станет дожидаться приказа губернатора, сам сделает первый шаг. Но что потом? Как начать разговор?

Ответить на этот вопрос ему так и не удалось, потому что местные не объявились, зато еще сто тридцать четыре шага спустя они увидели на деревьях свежие надрезы, из которых, словно кровь, сочился красный сок. Еще через двести семь шагов показались несколько туземных хижин и тлеющий костер.

— Вряд ли они далеко ушли, — заметил Уилстед.

— Это определенно так, лейтенант, — отозвался губернатор. — Как жаль, что мы не знаем, куда именно!

За деревьями и кустами вокруг могла укрыться целая армия.

— Где же они? — раздосадовался губернатор. — Почему они от нас прячутся?

Уилстед поспешил ответить.

— Полагаю, сэр, сперва они хотят посмотреть, как мы о себе заявим. Они покажутся, убедившись в наших мирных намерениях.

Но губернатор был слишком раздражен для его заискиваний.

— И когда же, мистер Уилстед? Когда они изволят поговорить с нами?

Река расширилась, берега по обе стороны стали более пологими, деревья расступились, а подлесок исчез, уступив место траве. Сравнение с господскими угодьями уже не казалось таким уж нелепым.

Губернатор объявил привал.

— Капитан Силк, будьте добры подать мне лопатку.

Взрыхлив темную почву, он набрал горсть в кулак и внимательно оглядел получившийся рассыпчатый ком. Присмотрелся, понюхал. Уж не собрался ли он попробовать землю на вкус? Рук поймал веселый взгляд Силка, с почтительным видом стоявшего рядом с лопаткой в руках.

— Лейтенант Рук, — обратился к нему губернатор, обернувшись и тем самым заставив Силка

измениться в лице, — не будете ли вы так любезны отметить местоположение этого участка: полагаю, здешняя почва даст неплохой урожай.

Рук достал записную книжку и компас, снял показания, забравшись на ближайший холм, прочертил линию, обозначавшую реку, в общем, изобразил целое действо, выясняя, где они находятся.

Губернатор одарил его своей типичной вымученной улыбкой:

— Премного благодарен, лейтенант.

* * *

В тот вечер Бругдену вновь выдали ружье и дробь, и он стал кичиться, что в этот раз принесет что-нибудь повкуснее опоссума.

— Не стоит беспокоиться, господа, — заявил он перед уходом, обращаясь к Руку и Уилстеду. — Если в этом лесу водится хоть что-нибудь съедобное, обещаю: оно от меня не уйдет. Чуть что зашевелится, Богом клянусь, пристрелю!

С этими словами он двинулся прочь, закинув ружье на плечо.

— По правде говоря, я особо-то и не беспокоился, — сквозь зубы процедил Уилстед. — Как по мне, этому типу слишком многое позволено.

Он смотрел вслед Бругдену с нескрываемой враждебностью.

Через полчаса, сидя у костра, они услышали вдали ружейные выстрелы.

— Похоже, ужин подоспел, — обрадовался Силк.

Но вскоре с холма донесся жуткий треск, и из кустов выскочил Бругден: шапка съехала на ухо, в бороде полно листьев, под глазом налился синяк.

— Эти ублюдки забросали меня камнями! — ревел он. — Не при вас будь сказано, сэр, но эти чертовы ублюдки забросали меня камнями!

Он показал руку, на которой красовалась опухшая кровавая ссадина.

Губернатору до его руки дела не было.

— Что случилось, Бругден? — гаркнул он. — Выкладывай сейчас же!

Руку показалось, что каторжанин думает, как бы вывернуться. У него был вид человека, который четко осознает, в чем состоит его личная выгода.

— Я ничего не сделал, сэр, — оправдывался он. — Просто шел, уже пристрелил пару ворон и как раз целился в опоссума, как вдруг мне в спину прилетел булыжник, потом еще один — в руку,

а вокруг такие заросли, что и не видать ничего, сэр, совсем!

Как и Руку, губернатору показалось, что слишком уж яро он возмущается.

За бородой трудно было разглядеть выражение лица Бругдена.

— Они собирались напасть на меня — с копьями, с дубинками! Я спасал свою жизнь, сэр…

— Значит, ты их все-таки видел! Ты стрелял?

Бругден отводил глаза, потирая больную руку и ушиб на шее. Его глаз едва открывался.

— Да, сэр! — воинственно подтвердил он. — Пальнул туда, где они стояли, сэр. Не сделай я этого, живым бы ноги не унес!

Губернатор уставился в землю, словно пытался сдержать ярость.

— Значит, ты стрелял. Ранил кого-нибудь? Или убил?

— Так ведь, сэр, я выстрелил и сразу деру… Я и сам не понял, что к чему, сэр — спустил курок, да и был таков, страх божий охватил…

— Бругден, ты ведь помнишь: я тебя предупреждал.

Губернатор говорил так тихо, что Руку пришлось податься вперед, чтобы расслышать его слова.

— Я тебя предупреждал, я тебе говорил, а теперь скажу еще раз. Будущее этого поселения и всех его жителей в немалой степени зависит от поддержания дружественных взаимоотношений с туземцами. Ты меня понял? Нас слишком мало, а сколько их — одному Богу известно.

— Да, сэр, — промямлил Бругден.

Его розовые губы, словно маленькое живое существо, выглянули из густой темной бороды, выговорили слова и вновь скрылись.

После рассказа Бругдена настрой отряда изменился. Рук заметил, как губернатор обменялся парой фраз с Силком, тот переговорил с сержантом, и один из рядовых заступил в караул. Сержант потихоньку собрал ружья, зарядил их в тени, подальше от костра, потом принес назад и разложил рядком.

Вероятно, был повод испугаться. Остальные, судя по всему, оробели — каждый по-своему. Бругден стал угрюм, постанывал при каждом движении и щурился опухшим глазом. Уилстед снова надел гетры и башмаки и, сидя на бревне у костра, то и дело откашливался, будто готовился произносить свадебную речь. Силк прихлопывал москитов, замахиваясь яростнее обычного.

— Богом клянусь, они размером с воробьев!

А ведь, казалось бы, прохлада должна их отвадить! — возмущался он. — Рук, не сомневаюсь, ты надеялся на природные причуды, неизвестные науке, но буду откровенен, друг мой, какими бы удивительными ты их ни находил, я бы охотно отказался от радости знакомства с ними.

Все это напоминало театр: освещенная поляна с костром походила на сцену, где разворачивался спектакль, который мог бы называться «Солдаты Его Величества бросают вызов врагу».

Рук жевал свой паек, стараясь растянуть удовольствие. Даже вороний суп пришелся бы кстати. Что-то произошло там, в лесу, о чем Бругден умолчал. Но если местные и впрямь готовятся на них напасть, пара мушкетов их не спасет. Страх свойственен человеку, способному на что-то повлиять. Им восьмерым, оказавшимся посреди огромных неизведанных просторов, оставалось только ждать и надеяться.

Ночь выдалась тревожная, но без происшествий. Когда все проснулись, по траве между деревьями тянулись длинные безмятежные полосы солнечного света, пели птицы, приветствуя новый день. При свете дня заряженные и выставленные рядком мушкеты выглядели нелепо.

В тот день они, петляя, прошли оставшуюся

часть пути и, описав неполный круг, вернулись к месту высадки. Когда среди деревьев показалась шлюпка, губернатор обернулся к Руку.

— Вы превосходно ориентируетесь на местности, лейтенант Рук. Отличная работа.

Гардинер уже причалил, развернув шлюпку кормой к берегу. Заметив выражение на лице губернатора, он понял: обещанный край сочных пастбищ и разговорчивых туземцев им найти не удалось. Он ненароком многозначительно взглянул на Рука, как бы говоря: «Не хотел бы я оказаться на вашем месте».

Рук рад был отдохнуть, усевшись в лодку, вместо того чтобы тащиться вперед, взвалив на спину рюкзак. Зато он зарекомендовал себя как человек, умеющий «превосходно ориентироваться на местности». А это ему совсем не повредит. И потом, все эти блуждания по безымянной земле походили на встречу с незнакомцем: они таили в себе обещание чего-то лучшего.

Силк достал карандаш и с улыбкой черкал что-то в записной книжке. Уилстед умудрился занять место рядом с губернатором, но когда тот что-то говорил, то неизменно обращался к Силку.

— Тот плодородный участок у реки — именно то, что я надеялся отыскать, — донеслись до Рука

его слова. — Он вполне мог бы стать житницей колонии, как вы полагаете, капитан Силк?

— В самом деле, сэр, — согласился Силк. — И впрямь очень обнадеживает, весьма многообещающе.

Он встретился глазами с Руком, но, поскольку рядом сидел губернатор, то даже Силк не решился подмигнуть.

Глаз Бругдена обрел царственный лиловый оттенок, а сам он был молчалив и мрачен. И дело не только в боли, подумал Рук. Его унизили, и он этого не забудет.

* * *

Вопреки обыкновению, губернатор и в следующее воскресенье явился на ужин в казармы. Не успели еще офицеры рассесться, как он встал, подавшись вперед, опершись пальцами на стол из красного дерева и едва сдерживая нетерпение.

— Господа, — начал он, не дожидаясь, когда все усядутся. — Господа!

Майор Уайат постучал вилкой по бокалу и зыркнул на другой конец стола, откуда доносился кашель Госдена.

— Я должен сообщить вам о чрезвычайно важном открытии, совершенном во время нашего

недавнего похода, — провозгласил губернатор. — А именно — об участке земли, который как нельзя лучше подходит для возделывания. Тамошняя почва исключительно плодородна и щедро орошается славной рекой. Я дал этому месту название Роуз-хилл — Розовый холм.

«Розовый холм»? — опешил Рук. Этой дикий край, где не выросло ни единой розы? Где почву можно назвать плодородной разве что в сравнении с серым песком Сиднейской бухты?

— Я намереваюсь основать там еще одно поселение под охраной небольшого гарнизона. Капитан Леннокс оказал мне честь взять на себя эту задачу.

Все взгляды обратились на тот конец стола, где сидел Леннокс — он встал, склонил свое длинное костлявое тело в поклоне и снова сел. Рук отметил про себя, что Леннокс не касался спинки стула. Он даже сидел по стойке «смирно».

— Капитан Леннокс поведет туда отряд из нескольких солдат и каторжан, как только позволят обстоятельства. Возделывание земли будет начато при первой же возможности. Я полон уверенности, что это место вскоре станет кормить нашу молодую колонию.

Леннокс моргнул, сохраняя непроницаемое

выражение лица. Все сидели неподвижно, кроме Силка. Он поднял руку и пригладил волосы, откинув их со лба. Он встретился с Руком глазами, и его лицо дрогнуло в едва заметном движении, в котором никто не распознал бы подмигивания.

«Уверенность» — вот как можно описать воодушевление губернатора, подумал Рук. А еще можно назвать это «самообманом». Но ведь губернатору платят за положительный настрой. Если поселение опустеет, полторы тысячи фунтов в год ему не видать. Полторы тысячи фунтов в любого вселят уверенность.

Губернатор поднял пустую тарелку.

— И тогда, господа, обещаю вам, такого мы больше не увидим!

Уайат выдавил из себя громкий смешок, дабы продемонстрировать, что губернатор пошутил. К нему присоединились еще несколько человек. Зная, что от Уайата ничто не укроется, Рук тоже приподнял уголки губ, и хотя выражение его лица скорее напоминало ухмылку, даже самая никудышная улыбка лучше, чем ничего.

Губернатор, казалось, был доволен тем, как все восприняли его остроту. С каждой неделей он становился все бледнее и нервознее. Все знали: он тоже живет на скудном пайке, и даже пожерт-

вовал часть своих личных запасов муки в общие закрома.

— Ну а пока, дабы чем-то дополнить эту богомерзкую стряпню, — он кивнул Силку, — я решил назначить еще двоих заключенных егерями в помощники Бругдену. Он уверен, что им удастся регулярно обеспечивать нас свежим мясом в достаточных количествах.

Рук вспомнил расхаживающего по лесу Бругдена, его широкую грудь, легкость, с которой он закидывал на плечо ружье, словно оно было частью его тела. Он отлично подходил на роль живодера. Рук вообразил себе лес, словно водную гладь, по которой во все стороны все шире и шире разносятся волны вызванного Бругденом разорения. Теперь, когда эту работу поручили троим, скоро в округе совсем не останется дичи.

— Что касается местных, — продолжал губернатор, — весьма прискорбно, что они так упорно не желают выходить к нам. Я совершенно уверен: решившись, они бы удостоверились, что мы желаем им только лишь добра. Разумеется, до сих пор помехой оставалось то, что нам не выпадало возможности выразить свои благие намерения. Однако я уверен, — Рук заметил, как он замешкался, видимо, заметив, что повторился, — это

положение вещей вскоре удастся исправить.

Рук ему сочувствовал, наблюдая, как отчаянно он старается сохранять положительный настрой. С каждым срубленным деревом, с каждым ярдом вскопанной и засаженной земли он все острее чувствовал необходимость втолковать местным, что в их владения явились новые хозяева этой земли. Рук понимал: пока не будет внесена ясность относительно того, как поменялось положение дел, присутствие в этих краях тысячи подданных Его Величества таит в себе опасную неопределенность. А ясности этой нельзя было достичь без общего языка и человека, которому можно было бы сообщить эту новость. И все же молчание, казалось, могло длиться бесконечно.

Губернатор не желал войны, но Рук полагал, что он принял бы ее с пониманием. Война — тоже своего рода разговор. А вот молчание — это не мир и не война. Это неопределенность, связывавшая руки маленькому, болезненному человеку, которому стоило усилий держаться прямо перед своими офицерами.

* * *

Насколько было известно Руку, радость скрупулезности не воспел еще ни один поэт, но он

всякий раз переживал миг восторга, записывая результаты полуденных измерений в специально отведенное место в учетном журнале. «14 сентября 1788 года, 4 часа пополудни. Ветер: норд-ост, 8 узлов». Если он однажды решит сочинить стихотворение, то посвятит его точности.

Но как срифмовать те слова, что придется использовать? Может, именно поэтому никто еще не написал оду термометру или дождемеру.

Погрузившись в мысли о том, что Силк наверняка придумал бы подходящую рифму, он на мгновенье растерялся, увидев, что по скалам к нему спускается вовсе не Силк, а Гардинер.

Рук встал поздороваться. Гардинер, вероятно, даже меньше него знал о том, как подобрать рифму к слову «термометр», но мысль об этом могла его позабавить.

Вопреки своему обыкновенному добродушию, Гардинер отрешенно поздоровался, сел за стол и одним махом опрокинул целый стакан разбавленного водой бренди.

Гардинер порой вел себя странновато. Рук, о котором можно было сказать то же самое, не торопил.

Наконец Гардинер заговорил, но голос его подвел, ему пришлось откашляться и начать заново.

— Нехорошо это было, Рук, — сказал он. — Просто безобразно.

— В чем дело, старина? Выкладывай, — приободрил его Рук. — Я тут, в своей берлоге, ни о чем не слышу. Придется тебе рассказать.

Гардинер глубоко вздохнул.

— Ты ведь знаешь, что губернатор хочет побеседовать с местными, а они к нам близко не подходят. Он придумал, как быть. В своей несравненной мудрости он велел схватить одного или двух силой. Обучить их английскому, освоить их язык. Обходиться с ними хорошо, чтобы они рассказали другим. А грязную работу поручил мне.

Он так долго молчал, что Рук засомневался, стоит ли ждать продолжения.

— Он разъяснил все очень обстоятельно, — проговорил наконец Гардинер. — Было велено взять шлюпку и отправиться вглубь бухты, к северной оконечности — накануне там видели группу туземцев. Сказали прихватить с собой рыбы, чтобы их выманить. Ты ведь знаешь, как они обожают рыбу…

Он провел ладонью по лицу.

— Подошли мы к мелководью, причалили, выставили напоказ улов. Им-то, правда, хватило ума поначалу проявить осторожность. Но мы

давай их подзывать, размахивать этой чертовой рыбой… Ну и схватили двоих бедолаг — они извивались, как угри, боролись что есть мочи, но со мной было восемь крепких ребят, так что в итоге мы их связали.

Рук так и видел перед собой эту картину: раскачивающаяся лодка, на дне плещется вода, в ней барахтаются туземцы, на которых, матерясь, навалились матросы. Ему хотелось услышать, что было дальше — как туземцы вырвались, прыгнули за борт, доплыли до берега и скрылись в лесу.

— Поверить не могу, что губернатор… — начал было он, но Гардинер не слушал.

— Они кричали, Рук! — воскликнул он. — Бог мой, слышал бы ты, как они кричали, это разбило бы тебе сердце! А те, что остались, вопили с берега, пока мы отплывали. Эти бедолаги в лодке звали своих… Боже… Может, они и дикари — мы зовем их дикарями. Но чувствуют они то же, что и мы.

Он вдруг вскочил, будто на стуле выросли шипы, и подошел к окну. Рук видел лишь его широкие плечи и затылок. В хижине повисла тишина. Даже волны у подножия скал затаили дыхание.

Рук привстал было, не зная, что делать, по-

нимая только, что нельзя оставлять Гардинера стоять вот так в одиночестве. Но стоило ему пошевелиться, как Гардинер глубоко прерывисто вздохнул, закашлялся, достал носовой платок и высморкался. Потом снова подошел к столу и дрожащими руками налил себе выпить.

— Так что теперь они сидят в хижине за губернаторским домом. Он велел заковать их в кандалы. Рад, что мне не пришлось на это смотреть.

— Ты просто исполнял свой долг.

Как же натянуто это прозвучало! Разве есть дело до долга человеку, охваченному переживаниями?

— Ты проявил все возможное сострадание. Насколько позволял приказ. Ведь надо было исполнить приказ.

— Сострадание! — повторил Гардинер. — Именно так он все преподнесет, можешь не сомневаться. В Лондоне все это подтвердят. Какое сострадание! Отличный малый, надо бы накинуть ему еще пятьдесят фунтов в год.

Рук неплохо знал Гардинера, но никогда бы не подумал, что тот способен говорить с такой жгучей язвительностью. Или что внутри него самого что-то отзовется с такой остротой. Он и не осознавал, насколько сильно успел невзлю-

бить губернатора, этого скрытного, угрюмого человека.

— «Привели» — так он говорит. Туземцев якобы «привели». Неважно, что мы их похитили. Силком утащили. Против воли. Они плакали, Рук. Я пытался им втолковать, что мы не хотим причинить им вреда, но они выли так, будто сердце того и гляди вырвется из груди! Кто теперь расскажет, как все было на самом деле? Кто расскажет правду?

— Уж точно не двое лейтенантов, которые знают, что им за это будет! — Рук пытался разрядить обстановку, но уж лучше бы молчал.

— Это определенно самый отвратительный приказ, что мне когда-либо доводилось исполнять.

Гардинер стыдливо понизил голос. Рук подумал: «А я? Мне когда-нибудь приходилось исполнять приказ, который потряс бы меня, пристыдил бы?» В голову ничего не приходило. Стреляя вслепую с борта «Решимости», он не видел людей, которых могла настигнуть его пуля, если таковые и были. В Новом Южном Уэльсе он умудрялся уклоняться от воинских обязанностей, прикрываясь благим делом астрономии. Но это везение, не более. Он ощутил внутри холодок,

осознав: один лишь случай отделял его от того, что случилось с Гардинером.

На крыше постукивала оторвавшаяся дранка, ветка куста царапала по стене. Где-то пропела птица — один раз, второй.

— Господи, как я сожалею, что сделал это! Он не должен был отдавать такой приказ, но как же мне жаль, что я подчинился!

Гардинер сорвался на крик, и его слова эхом разнеслись по хижине и вылетели в окно.

— Бога ради, думай, что говоришь!

Кроме них на мысе никого не было, но, роняя такие слова, нельзя было надеяться, что их никто не услышит. Тот лейтенант, что дергался в петле в Английской гавани, не нарушал приказа — до этого не дошло. Как и те двое, которых на глазах у Рука отправили в изгнание. Слов оказалось достаточно. Здесь, где поддерживать порядок губернатору помогала лишь горстка офицеров, даже малейший намек на неповиновение был недопустим.

— Наш долг, — начал Рук, — наш воинский долг… — но его друг уже замкнулся в себе. Гардинер опорожнил свою кружку, и его загорелое лицо бывалого моряка растянулось в ухмылке.

— Да, мистер Рук, я знаю. Именно так: все мы

здесь — слуги губернатора, и к черту любого, кто скажет иначе!

Рук ничего не ответил. В голове у него крутился вопрос, которого он не желал слышать: «Что бы сделал я на его месте?»

* * *

На следующий день рано утром Рук спустился в поселение. Он чувствовал, что предает Гардинера, но любопытство пересиливало. Он пытался выдумать хитроумный предлог, чтобы взглянуть на схваченных туземцев, но, как оказалось, в этом необходимости не было. Шагая через плац, он увидел, как по склону холма спускается губернатор, а с ним ковыляют в кандалах двое мужчин. Капитан Силк бодро вышагивал рядом с губернатором с записной книжкой и карандашом в руках.

Туземец, что покрупнее, был лет тридцати, хорошо сложен. В его взгляде мерцала лукавая искорка. В голове у Рука мелькнула мысль, что если бы Силка похитили и привели к какому-нибудь воображаемому вождю местного племени, он точно так же оглядывался бы по сторонам с видом человека, которому все любопытно, и с улыбкой того, кто переживает величайшее при-

ключение в своей жизни.

Второй был сложен иначе, более коренастый и угрюмый, он являл собой сгусток уязвленной гордости. Для него это никакое не приключение, подумал Рук. А вызов его достоинству.

Худощавое лицо губернатора преобразилось за одну ночь — округлилось и сияло радостью. Сегодня он был совсем не похож на Математический мост. Он поднял руку и повертел ею в воздухе, показывая ее дружелюбно настроенному туземцу.

— Итак, Бойнбар. На нашем языке это «рука». А по-вашему как она называется?

Бой-н-бар. Рук представил это имя на бумаге, отпечатал его в своей памяти. Его первое слово на местном наречии.

Силк послюнявил кончик карандаша, готовясь записать, как местные называют руку. «Во всем полку не найдется никого расторопнее». И как только Силк умудрился оказаться на этом месте с записной книжкой в руках! Раз уж колонии Нового Южного Уэльса понадобился языковед, не разумнее ли было предложить эту роль лейтенанту Руку?

Быть может, губернатору по душе общество офицера ему под стать, подумал Рук и сам се-

бе удивился. «Придет мое время, — успокоил он себя. — Силк не языковед, однажды обо мне вспомнят».

Между тем губернатор уже пытался завладеть вниманием второго туземца: он поднял вверх большой палец и слегка им подергивал.

— Варунгин? Варунгин! Это палец — по-нашему это называется «палец». А теперь скажи, как вы его называете.

Ва-рун-гин. Уже два слова на местном наречии.

Но Варунгин отказывался смотреть в глаза губернатору и не обращал никакого внимания на его палец. Хоть ему и мешали кандалы, он шагал, выпрямив спину и глядя прямо перед собой, в пустоту, будто и не замечая губернатора.

Эти люди были похожи на тех, что Рук видел на острове Антигуа, и вместе с тем отличались от них. Ростом они были ниже рабов, кожа не такая иссиня-черная. Более теплого, коричневатого оттенка. И губы не настолько пухлые — поразительно пухлые — как у африканцев.

Помимо этих врожденных отличий были и другие, которым их, вероятно, научила жизнь. Эти двое обитателей Нового Южного Уэльса держались гордо и прямо, ни перед кем не склоняясь. Оторванность от остального мира спасла их от

участи оторванных от родной земли африканцев, которых он видел в Английской гавани, — безликих черных шестеренок в огромном механизме империи.

Бойнбар посмотрел прямо на Рука, на его красный шерстяной мундир с латунными пуговицами и золотыми галунами, причесанные волосы и гладко выбритые щеки, бледную кожу. Под его взором Рук вдруг понял, какими странными, должно быть, кажутся со стороны эти волосы, эта кожа. Эта манера обвешивать тело тканью и блестящими побрякушками.

Он поймал взгляд Бойнбара и едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Он увидел в лице этого человека отражение собственного любопытства, то же непреодолимое желание окунуться в неизвестное, восхититься непривычным.

Но губернатор уже взял Бойнбара под руку и повел его к резиденции.

— Идемте, друг мой, пора обедать.

Он стал чавкать, жестами показывая, как подносит ко рту еду, и Бойнбар весьма охотно пошел с ним. Силку пришлось подгонять Варунгина, чтобы тот шагал следом, — он даже дотронулся до его руки, но Варунгин тут же ее отдернул. С трудом передвигая ноги в кандалах, он двинулся

вперед с каменным лицом, всем своим поджарым телом выражая негодование.

* * *

В течение следующих двух недель Рук несколько раз находил повод спуститься в поселение, надеясь вновь увидеть туземцев, но так их и не застал. По словам юного Тимпсона, большую часть времени они проводили в доме губернатора, где их учили сидеть на стульях и есть с тарелок. Но бедняга Тимпсон так скучал по дому, что его волновала одна только Бетси, так что больше ничего выведать не удалось.

Рук мечтал об уединении и нашел-таки способ поселиться особняком от остальных. Он уже было обрадовался, что ему это удалось. Но подобно царю Мидасу, завладев богатством, он стал беднее. Обособленность лишила его возможности стоять рядом с Силком и беседовать с местными.

Он принялся выдумывать предлог, чтобы наведаться в резиденцию. На ум не пришло ничего лучше учетного журнала. Он решил попросить о встрече с губернатором и притвориться, что хочет посоветоваться относительно улучшений, которые, по мнению его превосходительства, следовало внести, прежде чем заполнять остальные

страницы. Скажем, не следует ли ему помимо направления ветра и погодных условий отслеживать еще и высоту прилива?

Довольно жалкая уловка, но кто знает, сколько придется ждать, прежде чем ему вновь удастся увидеть неизведанные планеты под названием Бойнбар и Варунгин?

На другой день, когда Рук вписывал в соответствующие столбцы результаты последних измерений, намереваясь завтра же отнести журнал губернатору, он услышал снаружи чей-то голос: вниз по скалам пробирался капитан Силк.

— Рук! — позвал он. — На твоем зачарованном острове гости!

Проворно прыгая по камням, Силк преодолел последние несколько ярдов, потерял равновесие, чуть не упал, споро перескочил с ноги на ногу и очутился внизу.

— Боже мой, ну и укромное же ты нашел местечко! — слегка запыхавшись, воскликнул он. — Горным козлом надо быть, чтобы сюда добраться!

Уверенный, что ему рады, он не стал дожидаться ответа и направился прямиком в хижину.

— Ну что, друг мой, угостишь чем-нибудь бодрящим, чем можно горло промочить?

Усевшись за стол с чашкой разбавленного водой бренди, он откинулся на спинку стула, и тот угрожающе заскрипел.

— Ну, что нового? — спросил Рук.

— Да так, грустим там, в резиденции. Вместе с губернатором. Должен сказать, это тяжелый удар. Может, ты слышал? Туземцы сбежали прошлой ночью — сняли кандалы и наутек.

— Сбежали!

— К сожалению. Варунгин так и не примирился с нашим обществом. Бойнбар с виду был всем доволен — помнишь его, тот, что повыше и повеселее? Губернатор крайне разочарован. Мы успели добиться больших успехов в изучении местного наречия.

— Вот как?

Силк нарочито медлил. Руку было знакомо это выражение лица: он готовился отпустить какое-то бонмо.

— Наш приятель Бойнбар — тот еще чертяка — всеми силами пытался научить меня столь важным словам, как «мочиться», «испражняться», ну и еще кое-что. «Заниматься продолжением рода» — так я приукрасил это выражение в разговоре с губернатором.

Рук рассмеялся, представив, с какой чопорной

гримасой тот выслушал эту формулировку.

— Помимо этих чрезвычайно полезных оборотов речи мы составили довольно богатый словарь. Нам, к примеру, известно, что северный ветер называется *боор-роо-вай*.

Он тщательно выговаривал каждый слог.

— Погоди, или северный ветер — *боу-ван*?

Силк вытащил из кармана записную книжку и принялся ее листать.

— Честно говоря, мы, похоже, не до конца уверены. Но восточный ветер точно называется *гонье-мах*. Солнце — *ко-инг*, мышь — *бо-гул*, хорошо — *бу-дие-ри*. А суффикс — *гал*, видимо, означает «племя». Или, возможно, «место».

— Ясно, «племя». Или все же «место»?

Если Силк и заметил иронию в его словах, то предпочел не обращать на нее внимания.

— Похоже, с помощью этого суффикса Бойнбар проводит какое-то различие. Себя он называет *кади-гал*, а потом показывает на ту сторону бухты и произносит что-то вроде *каммера-гал*.

— Ясно.

— Так что, Рук, мы с губернатором добились немалых успехов, хотя до того, чтобы свободно овладеть их языком, пока далеко. Однако его превосходительство уверен: возможность еще

представится. Мы обращались с ними по-королевски, Рук, и уж конечно не дали им повода думать, что у нас не хватает провизии — они вдвоем за день уплетали столько же, сколько мы растягиваем на неделю! Варунгин ни к чему, кроме рыбы, не притрагивался, а вот Бойнбар попробовал все и, похоже, весьма пристрастился к вину. Мы даже научили его поднимать тост за короля — невероятно забавное зрелище. Мы полны уверенности в том, что он скоро вернется.

Силк выпрямился и стал заучивать слова из списка, прикрыв рукой английский перевод и глядя наверх, на изнанку покрытой дранкой кровли.

– *Ко-инг* — солнце. *Бо-гул* — мышь, — бормотал он, словно добросовестный ученик за уроками. — *Бу-дие-ри* — хорошо. *Будиери* — хорошо.

Он закрыл записную книжку и с показной непринужденностью вытянул вперед ногу. Рук понял: сейчас что-то будет.

— Должен сказать, Рук, тесные взаимоотношения с местными неизмеримо ценны для моего скромного сочинения. История выходит чрезвычайно занимательная. Но мне нужен зачин — как именно их поймали. Гардинер ничего не рассказывает. А ведь это самое значимое, что произошло

с тех пор, как мы сюда прибыли! Мне нужны подробности, рассказ очевидца, а он наотрез отказался говорить.

Силк подался вперед, облокотившись на стол.

— Ты что-нибудь знаешь, Рук? Гардинер, должно быть, обсуждал это с тобой?

Рук отстранился, словно его обдало жаром и, воспользовавшись тем, что стол качался, спрятался под ним, притворяясь, будто возвращает на место подпиравший его клинышек. Когда он поднялся, у него наготове уже были нужные слова.

— Разве только сказал, что все прошло отлично!

Он почувствовал, как по щекам разливается румянец. Лгать он так и не научился. Встав из-за стола, он принялся возиться с хворостом.

— Так значит, Гардинер тебе ничего не говорил? — настаивал Силк. — Ни тогда, ни после? Совсем ничего, с тех самых пор, как это случилось?

Из него вышел бы отличный адвокат, подумал Рук.

— Мы о многом разговариваем, — ответил он, ломая о колено пучок хвороста. Он так старался сохранить невозмутимое выражение лица, что мышцы вокруг рта одеревенели.

— Что ж… — проговорил Силк. Он помолчал, приглаживая волосы на затылке, над воротом, где они курчавились гладкой волной.

Рук ощущал на себе тяжесть его пристального взгляда, его немой настойчивости. Ему вдруг стало неуютно в собственной коже от этой неуклюжей попытки утаить правду. Хотелось бы ему знать, способен ли писатель, сочиняющий истории, почуять, что в чьем-то рассказе скрывается нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Все, чего жаждал Силк, так это увлекательного дополнения к своей истории. Но разузнай он подробности того, о чем Гардинер поведал Руку с глазу на глаз в его хижине, и предай он это огласке, последствия были бы ужасными.

Губернатору пришлось бы принять меры. В колонии не хватит офицеров, чтобы созвать трибунал, но Гардинера отлучат от исполнения воинских обязанностей, и он будет жить в этом подвешенном состоянии до тех пор, пока не прибудет корабль, который заберет его назад в Англию, где он предстанет перед судом.

А потом? Гардинер не нарушал приказ, лишь сожалел, что исполнил его. Вешать его не станут. Скорее всего. Но офицеру, поставившему под сомнение приказ, не место на службе у Его

Величества. Лучшее, на что мог надеяться Гардинер, — что его лишат звания. А это все равно, что потерять конечность. Или же с позором сошлют, как тех повстанцев в Английской гавани. Как бы то ни было, имя Гардинера будет запятнано до конца его дней.

— Честное слово, Силк, ты меня переоцениваешь, — выдавил Рук, — полагая, что мне что-то известно. О том, чего даже ты не знаешь.

Снаружи галдели белые попугаи, гнездившиеся на дереве, что росло на краю кряжа. Они устремлялись вниз и снова взмывали, пронзительно крича, словно от боли.

«Господи, как мне жаль, что я это сделал!» Рук выслушал эти слова, и выслушал их с сочувствием. И они подвергли его большой опасности. Лучше ему забыть, что он их слышал.

* * *

С прибытия поселенцев прошло девять месяцев — настал самый ранний срок, когда могла появиться комета доктора Викери. В распоряжении Рука были результаты его подсчетов: возвращение кометы ожидалось с октября 1788 по март 1789 года.

Каждую ночь Рук ощупью поднимался в об-

серваторию. Он жалел, что не сделал ее чуть просторней: с установленным на скале квадрантом и телескопом на подставке самому астроному едва хватало места.

Он никогда еще не видел кометы. Та, за которой наблюдал Галлей, появилась за четыре года до его рождения, а с тех пор ему каждый раз мешало то отсутствие необходимых приборов, то сильная облачность. Доктор Викери показывал ему зарисовки кометы Галлея, но он не поверил, что ее сияющий хвост мог озарить полнеба, и решил, что художники слегка преувеличили.

Небосвод Сиднейской бухты в Новом Южном Уэльсе ничто не озаряло. Рук старательно рассматривал путь, по которому, согласно подсчетам доктора Викери, должна была проследовать комета. Он был внимателен, не спешил, проверял, правильно ли рассчитана траектория. Впервые заметив на черном небе мутное пятно, он так разволновался, что окуляр телескопа запотел, и ему пришлось протереть линзу и отдышаться, чтобы прийти в себя. Весь следующий день он метался между надеждой и намерением не обнадеживаться слишком сильно, а вечером, вновь обнаружив на небе то же мутное пятно, обрадовался, что не стал возлагать на него черес-

чур больших чаяний. Оно не сдвинулось с места относительно окружающих звезд. Вовсе это не комета, а обыкновенная туманность, призванная его подразнить.

День и ночь для него поменялись местами. Когда на небе брезжил рассвет, он спускался по корявым ступенькам к хижине, ложился на кровать и, укутавшись одеялом, засыпал, ожидая, когда день пройдет, вновь наступит вечер, и он вернется к наблюдениям.

Октябрь сменился ноябрем, и длинная череда облачных ночей лишила его возможности продолжать наблюдения, но Рук все равно почти не спал — сидел в темноте и ждал, когда облака рассеются. На смену ноябрю пришел декабрь, и небо прояснилось, но кометы не было и в помине.

К Рождеству он стал не на шутку беспокоиться. Прежде ему и в голову не приходило, что комета не объявится. Теперь же это казалось ему высокомерием, за которое он был наказан. Лишь благодаря комете его освободили от воинских обязанностей. Таков был уговор доктора Викери с майором Уайатом. Только поэтому губернатор позволил ему поселиться на мысе, а его мушкет пылился в углу. Раз нет никакой кометы, где место астроному, как не в рядах сослуживцев, где

он сможет исполнять свой долг?

В поселение Рук спускался только по воскресеньям, чтобы пообедать в казармах — борясь со сном, он слушал, как вокруг льется разговор: корабли с продовольствием до сих пор не прибыли, какой-то мужчина скончался от голода — осмотрев тело, доктор Веймарк подтвердил, что в желудке у него было совсем пусто. С огородов каждую ночь воруют овощи, а Бругден уходит все дальше в поисках дичи и каждый раз приносит все более скудную добычу. Местные осмелели. Двоих каторжан до смерти забросали камнями, когда они ушли собирать сладкий чай[18]. Другой пропал без вести — осталась только искромсанная шапка. Какой-то рядовой заблудился в лесу, а когда доковылял до поселения, у него из плеча торчало прошедшее насквозь копье. Губернатор запретил ходить в лес под каким бы то ни было предлогом всем, кроме Бругдена и других охотников.

Поговаривали, что нападения начались в ответ на похищение тех местных. Госден и Тимпсон полагали, что губернатору не следовало отдавать тот приказ. Леннокс и Уилстед, напротив, счита-

---

[18] Сноски: 18

Вслед за аборигенами первые поселенцы стали заваривать листья местных растений, таких как чайное дерево и сарсапарилла.

ли, что необходимо более наглядное проявление силы. Мнения разделились, но итог был ясен: караулы пришлось усилить, а морпехи теперь несли двойные дежурства.

Рук забеспокоился, как бы губернатор не велел ему покинуть мыс. Он так и слышал его слова: «Раз кометы нет, лейтенант, я вынужден настаивать на вашем возвращении».

Можно было попросить совета у Силка, но Рук не мог довериться человеку, который так сильно пекся о своей книге. Поэтому он обратился к Гардинеру. Никто из них ни разу не упоминал о том дне, когда Гардинер произнес слова, способные разрушить его судьбу. Но с тех пор их связывали узы доверия.

— А как же! — воскликнул Гардинер. — Вне всяких сомнений, нам нужно достать тебе эту комету, Рук. Иначе губернатор непременно велит тебе свернуть лавочку.

Он принес с «Сириуса» старый экземпляр таблиц Баркера[19], и они принялись сообща пересчитывать предположительный путь кометы, устроившись за маленьким столом в хижине Рука. Неужели доктор Викери ошибся? Ни Рук,

---

[19] Сноски: 19

Томас Баркер (1722–1809) — английский метеоролог и астроном, исследовавший траектории движения комет.

ни Гардинер не произносили этого вслух, но оба в тайне радовались возможности перепроверить расчеты королевского астронома.

А комета все не появлялась: ни на траектории, предсказанной доктором Викери, ни на той, что высчитали они с Гардинером. Рук не отрывался от телескопа с того момента, когда с наступлением сумерек на небе появлялись звезды, и до тех пор, пока они не тускнели с приближением рассвета. Днем он беспокойно ворочался на кровати и, несмотря на страшную усталость, лишь ненадолго проваливался в сон, а на закате вставал, не чувствуя себя отдохнувшим. Минул январь. Из зеркала на него смотрело лицо, изможденное нескончаемыми поисками.

Как-то ближе к вечеру, когда Рук готовил телескоп для очередной ночи за работой, к нему на мыс поднялся Гардинер.

— Бросай это, приятель. Взгляни на себя! Никогда не видел тебя таким уставшим. Бросай все и пойдем со мной рыбачить. Сейчас прилив — отличное время для ловли мерланга, у меня и лодка тут недалеко, внизу.

Он дружески, но непреклонно взял Рука за плечо, и тот уступил.

Солнце висело низко над горизонтом, а в бухте

нарастал прилив, когда Рук занял свое место на корме небольшого ялика и Гардинер с легкостью погреб прочь от берега. Укрывшись от ветра у ближайшего острова, он бросил якорь. Оба закинули в воду удочки и молча принялись рыбачить.

Сумерки сменялись ночной темнотой, очертания берега были едва различимы, бесцветное небо целиком обратилось в свет, о борт лодки плескалась непроглядная вода. Должно быть, Гардинер прав: он слишком долго сидел, уставившись в темную трубу.

Гардинер вдруг дернул удочку — трепыхнувшись в воздухе, на дно лодки упала рыбина.

— Еще три таких, и не придется нам давиться этой чертовой солониной! Или теми безымянными тварями, которых приносит Бругден. Ну-ка, полакомьтесь…

Он нацепил на крючок склизкую желтую мидию и снова закинул удочку.

— Можно написать доктору Викери, — продолжил он, будто и не менял тему. — Польстить ему малость — ты сообразишь, что сказать. Ну а губернатор… как-нибудь да выкрутишься. А пока я бы на твоем месте не попадался ему лишний раз на глаза.

Гардинер поймал четырех мерлангов, Рук —

двух. В обсерваторию он вернулся в более спокойном расположении духа. Поджарил пойманную рыбу на костре и съел голыми руками — он так проголодался, что ему не было дела до приличий, потом сел за стол, взял лист бумаги и пододвинул поближе свечу.

«Досточтимый сэр, — написал он, — я высматриваю комету еженощно, при первой же возможности, но до сих пор мне не удалось ее отыскать; погода на протяжении последних недель стояла такая облачная, в особенности по ночам, что в мой ум закрались сомнения относительно того, не могла ли она и вовсе пролететь незамеченной; с другой стороны, когда погода стоит ясная, то длится она обыкновенно ничуть не меньше, сменяясь время от времени легкой облачностью, хоть и не слишком сильной и не так чтобы очень надолго».

Вышло многословно и путано, но Рук все же запечатал письмо. Одним небесам известно, когда прибудут корабли, которые смогут доставить его послание в Англию. Остается надеяться, что до тех пор у него появятся более радостные вести. А это письмо он порвет. И тогда никто не узнает о тех неудачах, что предшествовали его успеху. Но, как и предполагал Гардинер, стоило излить

свои мысли на бумагу, как вместе с ними ушла и тревога.

Небольшая передышка в приглушенном свете бухты его умиротворила. В кои-то веки он не стал подниматься в обсерваторию, а вместе этого улегся на кровать и забылся сном.

* * *

К апрелю стало ясно: как бы упорно он ни корпел над вычислениями, комета не объявится. Вот уже почти год, как Рук поселился на мысе. Он выдумал новое оправдание тому, что и он, и его инструменты все еще там, и старался не думать о том, надолго ли его хватит.

В Северном полушарии казалось само собой разумеющимся, что место, в которое упирается воображаемая ось земного шара, отмечено сияющей звездой, словно сам Всевышний решил прийти на помощь морякам. На юге такой подмоги не было. На месте Южного полюса мира невооруженному глазу представала лишь кромешная тьма.

Рук счел отсутствие южной полярной звезды очередным напоминанием, что если Всевышний и существует, то людям явно угодить не старается.

Но звезды на южном небосводе все же были — видные в телескоп, и сорок лет назад француз по фамилии Лакайль нанес их на карту. Еще во время учебы в академии, узнав, что Лакайль скончался в тот самый день, когда он сам появился на свет, Рук ощутил некую связь с этим человеком, будто тот ему что-то завещал. И теперь Рук задался целью продолжить его неоконченное дело. Он рассмотрел в телескоп созвездие Октанта — точь-в-точь такое, каким Лакайль изобразил его на своей карте, и его Сигму — бледную точку в том самом месте, вокруг которого вращался земной шар. Но он увидел и другие звезды, не отмеченные на карте Лакайля.

Рук знал, что скажет губернатор: разговорами о светящихся точках, которые может разглядеть только астроном, сыт не будешь. Не будучи ученым, его превосходительство не ценил знание как таковое. И все же, Рук терпеливо трудился, вооружившись квадрантом и микрометром и отмечая местоположение каждой новой звезды.

Мелкие события и даты, значимые для поселенцев, больше не были для него мерилом прошедших месяцев. Он жил по небесному времени, еженощно наблюдая, как одно созвездие ускользает из поля зрения, скрываясь за краем

прорези в крыше, а с противоположной стороны показывается другое.

Он исполнялся трепета, глядя на звезды, коих ни доктор Викери, ни даже доктор Галлей никогда не видели, о коих Гиппарх и Птолемей не могли и догадываться… Можно ли утверждать о существовании того, чего никто никогда не видел? И если его глаз, глядящий в телескоп, есть то единственное, благодаря чему существует та или иная звезда, не значит ли это, что он — создатель? Где-то в глубине его души, куда ему не позволяла заглянуть скромность, таилась даже мечта о том, что однажды он, Дэниел Рук, соединит новые открытые им звезды и, подобно Лакайлю, даст имена неизвестным доселе созвездиям его собственного творения.

Рук видел куда больше, чем было доступно Лакайлю с его ныне устаревшими приборами, и потому невольно задавался вопросом: появится ли когда-нибудь невообразимо мощный телескоп, способный открыть человеческому глазу еще больше звезд, таящихся в темноте, что разделяет уже знакомые ему светила, а потом и еще, и еще… Бывали ночи, когда ему казалось, что он черпает из этого небесного кладезя. Неужели ему и впрямь нет конца? И конечно лишь доступное

человеческому взору?

Часть третья. Имена вещей

Как-то днем, на второй год после высадки, Рук увидел, что к его хижине по скалистому склону бежит полковой барабанщик, и сердце у него ушло в пятки. Наверняка, у паренька в кармане записка. «Лейтенант Рук, окажите мне честь явиться в резиденцию завтра к девяти часам утра».

Вот и кончилась отсрочка, не быть ему больше создателем звезд.

Но парнишка что-то торопливо бормотал — затвердил послание наизусть и теперь неразборчиво повторял его, зардевшись от поспешного подъема, точно девица. «Меня послал капитан Силк, сэр. Он выражает вам свое почтение, сообщает, что вам наверняка будет интересно узнать о прибытии туземцев, и приглашает встретиться с ним у реки».

Рук поспешил за ним в поселение, и когда они, миновав лазарет, шагали вдоль плаца, навстречу им показалась группа из трех или четырех местных. Вслед за ними шел Силк.

Контраст между облаченными лишь в соб-

ственную кожу туземцами и капитаном в узких штанах и мундире сбивал с толку, точно неверно решенный арифметический пример. Силк выглядел ненастоящим: филигрань пуговиц и золотых галунов не имела никакого отношения к человеческой груди под нею. Неудивительно, что местные захотели убедиться, не скрывается ли под этим покровом птица или насекомое, а не человек.

Подойдя ближе, он услышал, что Силк решил опробовать одно из выученных слов на старшем из туземцев — стройном мужчине с порослью седых волос на груди.

– *Будиери? Будиери,* — ну же, старина, у тебя ведь есть уши!

Мужчина не отвечал.

— Ей-богу, Рук, они так же скупы на слова, как самый последний скряга — на золото! — пожаловался Силк. — Здравствуй, кстати говоря. Я решил, ты не захочешь такое пропустить. Они стали приходить вчера вечером. Сперва Бойнбар, а потом мало-помалу и остальные. Варунгин тоже где-то тут. Полагаю, они настроены остаться, и губернатор со мной согласен.

Рук никогда еще не видел Силка в таком восторге.

— Идем, Рук, я не намерен пропустить ни секунды!

Он взял Рука под руку и повел его за туземцами. Они не выказали никакого удивления при виде домов, бочек для сбора дождевой воды, группы закованных в кандалы каторжников. Как-то раз Руку довелось наблюдать, как герцог Ричмонд и его свита осматривали достопримечательности Портсмута. Они вышагивали в точности так же — глядя по сторонам с милостивым, незлобивым равнодушием.

Мужчина с седыми волосами на груди подошел к одной из хижин. Он не стал стучать в дверь или задерживаться на пороге: просто пригнулся, чтобы не удариться о низкую притолоку, и вошел, а за ним и остальные.

Силк подошел поближе и заглянул внутрь, Рук последовал его примеру. В хижине у очага, прижимая к груди младенца, стояла женщина, еще двое ребятишек уткнулись ей в фартук. Она была напугана не меньше их, но спрятаться было негде. Туземцы ходили по комнате, брали в руки разные предметы — чашку, вилку, глиняную трубку — и клали их на место, тихо переговариваясь между собой. Один взял со стола кусок хлеба и понюхал. Потом окунул палец в чашку с чаем,

облизал, поморщился. Другой поднял фарфоровую тарелку, постучал по ней длинным толстым ногтем, попробовал на зуб, поставил обратно.

Они впервые увидели чашки и вилки. В первый и последний раз захотели попробовать на зуб фарфоровую тарелку. Первого раза больше не будет. Рук понимал, что на его глазах происходит нечто неповторимое и необратимое. Он смотрел, как одна вселенная сталкивается с другой.

Удовлетворив любопытство, туземцы направились к двери. Рук и Силк отошли в сторону, пропуская их. По всей улице из хижин выглядывали люди.

— Дикари пожаловали! — послышался из какого-то окна мужской голос. — Иди скорей, Мег, погляди!

Егерь Бругден стоял посреди улицы, широко расставив ноги, с мушкетом на плече и какой-то мохнатой тушкой в руке, и смотрел на идущих навстречу туземцев. Завидев его, они свернули в сторону — из-за него или нет, об этом оставалось лишь догадываться.

Местные подошли к хижине знакомого Рука — цирюльника по фамилии Барбер. На стуле у двери сидел рядовой с намыленным лицом и полотенцем на плечах. У него за спиной стоял

хозяин — рука, в которой он держал скользившую по белой пене бритву, замерла на полпути, а сам он уставился на обнаженных мужчин, направлявшихся к его дому. Седовласый наклонил голову и коротким жестом попросил: «Прошу, продолжайте». Цирюльник снова занялся щеками своего клиента, картинно придерживая его за кончик носа, чтобы он не мотал головой.

Туземцы внимательно следили за происходящим, а Рук — за ними. Их лица не отражали никакой тревоги или опаски. Будто белые люди, как бродячие актеры, устроили представление им на потеху.

Цирюльник, казалось, подхватил этот настрой. Закончив с бритьем рядового, он с театральным взмахом сдернул с его шеи полотенце. Солдат вскочил со стула и тоже угодил публике: шутовски похлопав себя по щекам, он показал туземцам, как гладко его побрили, и пригласил их убедиться самостоятельно, но они отказались.

Барбер жестом предложил одному из местных сесть на стул. Он уже и полотенце держал наготове. Туземец прекрасно его понял, засмеялся и погладил заросшие густыми черными волосами щеки. Его тянуло согласиться, но один из его спутников попробовал острое стальное лезвие

пальцем и, судя по всему, его отговорил.

К собравшимся присоединился Уилстед.

— Боже, ну и дикари, — сказал он. — Да такие грязные, вы только поглядите!

Рук заметил, что от туземцев не укрылся его тон. Старший что-то сказал, и они двинулись дальше.

— Ну что, Рук, — подал голос Силк, глядя им вслед, — давно пора, верно? Я уже почти истощил свои писательские способности, рассказывая об изготовлении кирпичей да строительстве дорог. Бог даст, сегодня начнется новая глава повествования о нашей жизни в Сиднейской бухте.

— Чудесно, — отозвался Рук.

— Наконец-то я смогу продвинуться. Мистер Дебрет с Пикадилли все же получит обещанное блестящее творение.

Рук кивнул, потому что этого ждал от него Силк. Но ему было не понять, как человек, ставший свидетелем события столь же потрясающего, как если бы звезда сдвинулась с места, отведенного ей на небесах, мог видеть в нем лишь повод рассказать историю. Лишь теперь он понял, насколько они с Силком разные. Тот стремился сделать чуждое знакомым, превратить в стройные гладкие фразы.

Ему же хотелось окунуться в эту чуждость и потеряться в ней.

* * *

На следующее утро, выйдя из хижины, Рук увидел на фоне озаренного жемчужным рассветом неба очертания двух людей — несомненно, местных. Они смотрели вниз, на его хижину.

С той самой встречи с рыбаками несколько месяцев назад он сожалел о своем жизнерадостном приветствии — «Добрый день!» — и глупой, навязанной условностями улыбке. Он уже придумал другой способ выразить гостеприимство и теперь пустил его в ход. Посмотрев наверх, он остановил на них взгляд, как бы говоря: «Я вас вижу». Потом сел, опершись спиной о стену хижины, глядя чуть в сторону, но не отворачиваясь. И стал ждать.

Ему не терпелось, чтобы они подошли. Он с трудом сопротивлялся желанию посмотреть наверх. Глядя на восток, на облака, озаренные лучами восходящего солнца, он занял ум размышлениями о том, как выглядит верхушка облака. Действительно ли оно такое округлое, каким кажется, или выглядит так только снизу? Спустя какое-то время нужда притворяться исчезла: он и впрямь забыл о тех людях наверху.

Потом он вдруг понял, что они спустились и стоят неподалеку. На него они не смотрели, но и не спешили пройти мимо. Не поворачивая головы, Рук взглянул в их сторону и узнал в одном из них Варунгина.

Их взгляды встретились, и это стало своего рода знаком. Варунгин вышел вперед и сел рядом с ним. Можно даже сказать, вместе с ним.

Вытянув вперед руку, Варунгин что-то сказал. Потом еще раз. И посмотрел на Рука, будто ждал, что тот повторит. Слово, казалось, начиналось на букву Б, но в этом звуке была своеобразная тягучесть. Рук попытался повторить услышанную мешанину из слогов, но не смог их выговорить.

Варунгин произнес то же самое еще раз. Он пришел не ради праздной болтовни. А ради важного дела: он пытался втолковать новое слово человеку, неспособному его расслышать. Рук вновь попробовал повторить его, точно отрывок мелодии.

– *Бооуррал*, — услышал он собственный голос. Изо рта вырвался бесформенный комок звуков, которые мог издать разве что младенец. Варунгин вновь повторил, и Рук попробовал еще раз.

– *Бере-вал*.

Туземец коротко кивнул, словно подумал: «Луч-

ше у него все равно не выйдет».

Потом он начал изображать, как прикладывает к глазу подзорную трубу и смотрит в нее. Должно быть, ему доводилось их видеть, подумал Рук. Может, пока его держали под стражей, губернатор показал ему такую вместе со стульями, тарелками и бокалами для вина. В одной руке Варунгин словно бы держал трубу, а другой настраивал ее, ловя фокус. Плотно прищурив один глаз, вторым он пристально смотрел в воображаемый окуляр. Жестикулируя, он показал: труба, что-то приближается издалека. И вновь повторил то же слово.

Рук прислонил невидимую трубу к собственному глазу, подвигал туда-сюда.

– *Беревал*.

Варунгин нетерпеливо пошевелил узловатыми пальцами, показывая, что расстояние сокращается.

Так речь не о самом предмете, а о том, что он делает! «Беревал» значит не «подзорная труба», а нечто вроде «далеко».

– *Беревал*, — вновь произнес Рук и, подражая Варунгину, загребающим жестом охватил лежащее впереди расстояние, спеша доказать, что он, вообще-то, не так уж и глуп.

Но Варунгин, которому не было дела до того,

какой способный ему достался ученик, не улыбнулся, не кивнул в знак одобрения. Он показал на ту сторону бухты, на залитые золотистыми лучами утреннего солнца верхушки деревьев на северном берегу.

– *Каммера-гал*, — проговорил он — медленно, чтобы Рук расслышал каждый слог. Потом, положив руку на свою испещренную шрамами грудь, произнес: — *Кади-гал*. — И повторил: — *Кади-гал*.

Рук вспомнил, что этот суффикс был в списке Силка. «*Гал* — племя или место». Должно быть, Варунгин имеет в виду: «Я из племени или места под названием Кади».

Подавшись вперед, Варунгин положил ладонь на прикрытую красным мундиром грудь Рука. И сказал:

– *Беревал-гал*.

Он не убирал руку, словно понимание могло передаться через нее, просочиться сквозь красное шерстяное сукно прямо в сердце человека под ним. Рук чувствовал вес его руки на своей груди. Вот оно — первое прикосновение двух столь чуждых друг другу людей. Казалось, сейчас полыхнет вспышка, точно молния между небом и землей.

И тогда, чувствуя руку Варунгина на своей груди, укрытой красным шерстяным сукном, Рук

понял. *Беревал* — далеко. *Гал* — племя. Варунгин только что объяснил ему, как называется его собственный народ. *Беревал-гал* — племя, прибывшее издалека.

Он был рад получить имя — своего рода дар. И вместе с тем, это его потрясло. Никакие загадочные приспособления и впечатляющие умения белых людей — ни корабли, ни мушкеты, способные рассечь надвое щит, ни подзорные трубы, ни золотые галуны — ничто не делало их особенными. Лишь очередное племя, не более. *Беревал-гал* — племя, прибывшее издалека.

Рук жаждал большего. Как сказать: «доброе утро», «добрый день», «пожалуйста», «спасибо», «до свидания»? Как попросить: «Вы научите меня своему языку?»

Но убедившись, что Рук его понял, Варунгин поднялся на ноги, отвернулся и пошел в направлении кряжа. Он не дал знака, не проронил ни звука. Но на скалистом склоне тут же показалась кучка местных: еще двое мужчин, три женщины и трое детей.

Они спустились со скал и встали у хижины Рука, не обращая на него внимания. Словно он был так же непримечателен, как и все вокруг — хижина, скалы, деревья, мужчина, сложивший руки у

паха, точно священник перед проповедью. Вряд ли они многого ждут от человека, который даже не знает, как называется его собственное племя.

Они смотрели на Варунгина, который произносил небольшую речь. Он мотнул головой в сторону хижины, потом на Рука, на раскинувшееся внизу поселение. Поток его слов напоминал веревку с узелками: отрывок, пауза, еще отрывок. Рук слушал во все уши. Не только сами слова были ему непонятны, но даже ритм, с которым они произносились, совсем не похожий на звучание тех языков, что ему доводилось слышать прежде. Каждая фраза начиналась выразительно и постепенно сходила на нет. Пытаться разобрать ее форму было все равно, что хватать руками текущую воду.

Потом все мужчины, присоединившись к тому туземцу, что явился вместе с Варунгином, сели — кто наземь, кто на корточки, положив копья рядом с собой. Рук подошел поближе. Не стоит ли присоединиться к ним? Но тут одна из женщин — поджарая, с иссеченным морщинами лицом, длинными обвисшими грудями и худосочными бедрами, направилась к двери в его хижину. Рук, театрально размахивая руками, пригласил ее войти. «Прошу, заходите! Добро пожаловать!» Он

обрадовался, что никто этого не видел. Женщина никак не ответила на его пантомиму. Она держалась с таким достоинством, что на ее фоне его рвение казалось фальшивым.

Зайдя в хижину, она огляделась с таким видом, будто смотреть там было особо не на что. Потом через плечо окликнула других женщин — пара коротких слов, и вот они уже столпились внутри. Тихо переговариваясь, они принялись разглядывать его утварь. Одна приподняла уголок серого одеяла, расстеленного на кровати, поднесла его к щеке и удивленно вскликнула — видимо, не ожидала, что шерсть окажется такой грубой. Они погладили своими длинными пальцами блестящую деревянную столешницу, пощупали латунные петли на складных ножках стола. Одна открыла томик Монтеня и стала его листать.

Рук гадал, о чем они говорят: «Смотрите, у него тут какой-то квадратный кусок коры».

Имеют ли они представление о том, что такое квадрат? Быть может, и у них был свой дикарь-Евклид, размышлявший о чудесных свойствах треугольника?

Даже в этой тесной комнатушке им каким-то невероятным образом удавалось избегать его взгляда. Глядя, как они снуют мимо, он догадался:

они говорят так тихо, потому что он рядом. И вместе с тем его как будто нет.

Дети все это время прятались за ногами женщин, украдкой выглядывая и тут же снова исчезая, стоило Руку посмотреть в их сторону. Ему удалось поймать взгляд маленького мальчика, крепенького пацаненка лет пяти-шести — тот сразу нырнул за ногу матери, но потом показался снова. Рук улыбнулся и даже решился ему подмигнуть, и мало-помалу мальчик настолько осмелел, что выскочил и потрогал латунную пуговицу на его мундире, осторожно постукивая по ней пальцем, словно боялся, что она горячая. Убедившись, что пуговица его не укусит, он совсем перестал стесняться и принялся плясать вокруг Рука, дергая его за рукав, хватая за пуговицы и, судя по всему, крича что-то вроде: «А это что? А зачем они? А где ты их взял? А можно мне такую?»

Женщины осмелели, поднимали разные предметы и что-то восклицали, показывая их друг другу, точно товары на рынке. Обращались они и к Руку, повторяя уморительные на их взгляд слова, которые они, вероятно, слышали от поселенцев: — До свидания! До свидания! Как поживаете! Мистер! Миссис!

— Доброе утро, доброе утро, — отвечал Рук, чем

смешил их еще больше. — У меня все чудесно, благодарю. А у вас?

На столе лежали его бритвенные принадлежности и одна из женщин — высокая, крупная, такая роскошная в своей наготе, что Рук слегка смутился — взяла в руки бритву и раскрыла ее. Ринувшись на другой конец хижины, Рук выхватил ее из рук туземки — веселью тут же пришел конец. В попытке объяснить, какая она острая, Рук подошел к очагу и перерезал прутик, твердя: «Видите, какая острая? Очень острая, что угодно порежет, вот, смотрите, я ею бреюсь…» Чутье подсказало ему, что бесконечный поток слов напугает их меньше, чем молчание.

В хижине, куда единственное окно даже в солнечный день впускало мало света, стало темно. Небо затянули низкие черные тучи, и начался дождь: крупные капли так тяжело били по крыше, что дранка дрожала. Воздух наполнился запахом холодной сырой земли.

Рук подошел к двери и выглянул наружу. Струи дождя пенились, яростно обрушиваясь на скалы. Под властью стихии ветви кустов хлестали во все стороны, а бухта была едва видна за плотной, как туман, пеленой дождя. Рук поймал несколько капель на ладонь и протянул ее гостям.

— Как это называется? Как будет «мокро»?

Две девочки до сих пор держались в стороне, но теперь одна из них шагнула вперед и коснулась его ладони кончиком указательного пальца. Рук посмотрел на нее. Ей было лет десять-двенадцать. Худощавая и бойкая, с длинной изящной шеей и выразительным подвижным лицом. Руку показалось, что он увидел в ней тот же порыв, которым был движим он сам: сдерживаемый опаской восторг, стремление к новому, гасимое страхом допустить оплошность.

Он заглянул ей прямо в глаза, и она скривила рот — то ли от досады, то ли от веселья. Рук и сам в ответ невольно пошевелил губами и заметил, что она за ним наблюдает — за его глазами, ртом, за выражением лица, изучая его точно так же, как он ее.

В голове мелькнула мысль: она почти как Энн, когда той было лет десять-двенадцать. Темнокожая и нагая, она была совсем не похожа на Энн, и все же он узнал в ней сестру: достаточно взрослую, чтобы смело смотреть в глаза другому человеку, но еще слишком юную, чтобы испытывать при этом страх.

Она вновь дотронулась до его руки — на этот раз кончиками всех пальцев — и погладила его

кожу, словно хотела узнать, какая она на ощупь. И произнесла что-то поверх шума дождя. Рук, словно глухой, смотрел, как шевелятся ее губы, рождая поток слов. Потом она выжидающе замолчала, прикусив нижнюю губу так, что выражение ее лица яснее всяких слов говорило: «Ну? Что ты на это скажешь?»

Силясь вычленить отдельные звуки, он уцепился за те, которые расслышал достаточно хорошо, чтобы повторить.

– *Мар-рай*, — выговорил он.

Все ее лицо озарилось улыбкой. Сначала ему показалось, что глаза у нее черные, но теперь он разглядел их глубокий коричневый оттенок. Столь открыто смотреть в глаза другому человеку было не менее страшно, чем прыгать с большой высоты. Он поразился своей безрассудности.

– *Маррай*, — вновь повторила она и кивнула на дождь. Заметив, что Варунгин и остальные мужчины ушли — видимо, чтобы укрыться от дождя, Рук почувствовал стыд нерадивого хозяина, не пригласившего гостей в дом, когда начался ливень.

Маррай. Что это значит? «Мокро» или что-то в этом роде?

Руку было неловко молчать, стоя совсем рядом

с девочкой и глядя, как струи дождя водопадом стекают с козырька над дверью и обрушиваются на землю.

— Надо же, льет как из ведра! — заметил он, стараясь перекричать шум дождя. — Ну и ненастье, да?

Он с горечью почувствовал, как салонно это прозвучало. Одна из тех пустых фраз, что редко ему удавались, когда это было уместно, и тут — нате вам! Перед публикой из шести обнаженных женщин и детей, с которыми он пока обменялся всего одним словом, это вышло у него не менее ловко, чем у Силка.

Девочка подняла на него прямой, бесстрашный, полный уверенности взгляд той, что уже в достаточной мере овладела навыками поведения, которых требовал ее мир.

– *Пайе-валлан-илл-ла-бе*.

Она нарочно говорила медленно, чтобы ему было проще. Он попытался разбить услышанное на отдельные звуки, но смог осилить только начало. Тогда она вновь произносить каждый слог по отдельности, а он повторял за ней. Его словно взяли за руку и вели вперед в кромешной темноте.

– *Пайе-валлан-илл-ла-бе*.

Наконец у него получилось, но все-таки не

совсем как у нее. Она выговаривала слова приглушенно и неясно, словно проглатывая или сливая звуки между собой, и это Руку воспроизвести не удавалось. Он слышал отличие, но повторить не мог.

Гости все равно улыбнулись и закивали, что-то восклицая — вероятно, нечто вроде: «Молодец! Отлично!»

Итак, слово он повторил. А может, несколько слов. Но что же оно — или они — обозначают? Что-то связанное с дождем, но что именно? «Надо же, льет как из ведра! Ну и ненастье, да?»

Ливень стих и прекратился так же внезапно, как начался. Тот храбрый малец протолкнулся мимо Рука и выбежал на улицу. Две женщины, помешкав, последовали за ним. Рук и его собеседница наблюдали, как они, шлепая, поднимаются по тропе — она превратилась в бурный поток, который поблескивал в лучах выглянувшего из-за туч солнца.

– *Йен-нар-ра-бе*, — сказала девочка. — *Йеннаррабе*.

Он повторил:

– *Йеннаррабе*.

Она скривила губы — должно быть, ее повеселило то, как он это произнес. Они обменялись

этой фразой несколько раз. Пока что этого было достаточно — эхом вторить друг другу. И пусть значение слов оставалось непонятным, сам факт их произнесения служил сообщением: «Я не прочь говорить с тобой».

У нее было такое выразительное лицо, такой живой характер, что Руку невольно хотелось отступить на шаг назад и отвести взгляд. Но он сдержался. Тем временем старушка уже чувствовала себя, как дома, — раздувала затухшие угли в очаге, а вторая девочка подавала ей хворост из корзины. С таким чувством, будто он безрассудно прыгает в пропасть, Рук приложил руку к груди, к тому месту, которого коснулся Варунгин.

— Рук, — представился он. — Дэниел Рук.

Она тут же запомнила его имя и смогла достаточно точно его выговорить. Потом приложила руку к собственной худенькой груди. И произнесла несколько слогов, которые ему не удалось толком расслышать.

– *Та-ра*, — попробовал повторить он.

Вторая девочка, стоявшая у очага, хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и он услышал, как она передразнивает его неудачную попытку.

Он закатил глаза и состроил гримасу. «Да-да, я болван. Зато безобидный».

Потом попробовал еще раз — его собеседница проговорила то же слово чуть медленнее, и бесформенные звуки сложились в цепочку слогов: *Та-га-ран*.

Ему так и не удалось в точности за ней повторить. Но ее лицо просветлело от радости, что чужеземец назвал ее имя и что это она его научила.

Итак, он запомнил ее имя и еще две фразы, но ведь ясно: эти ни с чем не связанные звуки быстро сотрутся из памяти. Пусть это и не «ветер», «погодные условия» или «показания барометра», но тоже часть здешних мест — сведения, которые следует записать.

Чувствуя на себе ее взгляд, он достал с полки чистую записную книжку, сел за стол, окунул перо в чернильницу и открыл первую страницу. Ровным почерком астронома он написал: «*Тагаран* — имя девочки. *Маррай* — мокро. *Пайевваллан-илл-ла-бе…* — здесь он на мгновенье замешкался, — о сильном дожде».

Он вслух зачитал ей написанное, водя пальцем по строчкам и с трудом выговаривая каждый слог. Она улыбнулась — все ее лицо преобразилось, озарившись восторгом.

Старушка что-то громко говорила. Должно

быть, нечто вроде: «пойдемте, девочки, нам уже пора», потому что вскоре все трое удалились. У подножия скалистого склона Тагаран обернулась.

– *Йениоо! Йениоо!* — крикнула она и Рук откликнулся: — До свидания! До свидания! — Разве она могла иметь в виду что-то другое?

— Приходите еще! — добавил он. — Возвращайтесь скорее, я всегда вам рад!

Но их уже след простыл. Он махал кустам, раскачивавшимся на ветру.

* * *

С их уходом тесная хижина показалась Руку большой и непривычно пустой. Вон на кровати томик Монтеня, который они листали. А вон одеяло — так и осталось лежать комом после того, как та роскошная девица приложила его к щеке.

В тишине гулко разносился стук падающих с крыши капель.

– *Маррай* — мокро, — вслух произнес Рук. — *Пайе-валлан-илл-ла-бе* — о сильном дожде.

Он отчеркнул написанное, проведя поперек страницы длинную ровную линию. Она означала: «Это то, что я знаю». Под ней ждал своего часа чистый лист. Рук вспомнил, что у Силка есть

похожая записная книжка и такой же список слов, только чуть длиннее. *Будиери* — хорошо. *Богул* — мышь.

Но ведь язык — нечто большее, чем список слов, набор составных частей, перемешанных, словно гайки и болты в коробке. Язык — это механизм. И чтобы понять принцип его работы, нужно разобраться, как все его детали взаимодействуют между собой.

Для этого нужен тот, кто способен не только записывать слова и бездумно их запоминать. Кто сможет разобрать механизм, выяснить, как он работает, и найти ему применение: человек с системным мышлением, ученый.

Рук смотрел на написанные на бумаге слова и не сомневался — точно так же, как не сомневался, какое число считать простым, — что именно он станет этим человеком.

Вся его жизнь вела к этому. Он видел это очень ясно, словно перед ним лежала карта — карта его жизни и его личности. Он явился на свет с врожденным стремлением разобраться, как устроен мир. Умеет читать на пяти языках. Неизведанное для него — хлеб насущный, ведь астрономия — занятие для тех, кто любит загадки. Чуждое его не страшит. Он знает: все странное становится

обыкновенным, стоит лишь к нему привыкнуть.

И главное — он прекрасно подходит для этой задачи по душевному складу. Те самые качества, из-за которых он так стеснителен в обществе других людей, делают его превосходным слушателем.

С той же уверенностью, с какой он мог бы назвать свое имя, он был убежден, что именно ради этого и приехал в Новый Южный Уэльс: изучить местный язык.

Погрузившись в такие мысли, он позволил им улететь еще дальше и представил, как однажды, почистив мундир и прихватив свои записи, отправится в резиденцию губернатора. «Сэр», — скажет он… Или, может быть, лучше сказать «ваше превосходительство»? Силк упоминал, что губернатору нравится, когда к нему обращаются именно так. Возможно, стоит попросить Силка, чтобы он пошел с ним в качестве посредника.

«Сэр, есть основания полагать, что лейтенант Рук выяснил, на чем основаны законы местного наречия!»

Основания будут самые что ни на есть весомые, но некоторая степень скоромности приличествует обыкновенному младшему лейтенанту. Завладев вниманием губернатора, Рук найдет

нужные слова.

«Я чрезвычайно рад сообщить вам, сэр, что отныне могу беседовать с туземцами, так что мы вольны приступить к плодотворному общению с ними».

Губернатор будет потрясен. Трудно вообразить, чтобы его лицо выразило восхищение, изумление, восторг, но разве сможет он не восхититься, не изумиться, не прийти в восторг? Ведь Рук обеспечит ему не только способ воплотить в жизнь собственные притязания относительно службы в Новом Южном Уэльсе, но и нечто большее. Губернатор первым узнает о том, что богатства всемирных знаний пополнились открытием не менее впечатляющим, чем совершенные Галилеем и Кеплером! «Земля вращается вокруг Солнца». «Гравитация — это сила, действующая на расстоянии». Путь открытий, на который он ступил, не менее значителен — он ведет не только в глубины языка, на котором изъясняется неизвестная доселе раса людей, но и в недра их космоса: к способам их общественной организации и богам, которым они поклоняются, к их мыслям и надеждам, страхам и желаниям…

После такого скачка в знаниях мир никогда не будет прежним.

* * *

Первую трудность являли собой не значения слов, а их звучание — способ передать эти иноземные звуки с помощью знакомого алфавита. Думать, с чего начать, было все равно что растягивать давно отвыкшие от нагрузки мышцы.

Рук перевернул первую страницу записной книжки. Те первые заметки послужили ему почином, но продолжать он решил иначе. Открыв чистый лист, так и манивший что-нибудь написать, он начертил четыре колонки: «Буква. Наименование. Звук. Как в английском слове…».

Рука охватило приятное волнение — физически ощутимое предвкушение сродни голоду.

Ему вспомнилось то, о чем он не думал много лет: его старая «Грамматика латинского языка» Уильяма Лили — потрепанная бордовая обложка с похожими на тучи следами воды, оторвавшийся от переплета корешок (отец купил ее по дешевке у уличного торговца в Саутси[20]) и гравюра на титульном листе с изображением людей, степенно и театрально собиравших фрукты.

Рук без оглядки переворачивал страницы одну

---

[20] Сноски: 20
Саутси — пригород Портсмута.

за другой, озаглавливая каждую очередной буквой алфавита, прямо как некогда делал Лили: «с местного языка на английский», а затем — наоборот, «с английского на местный».

Потом взял вторую записную книжку и написал на форзаце: «Грамматические формы языка Н. Ю. Уэльса». Слова — это замечательно, но, не зная ничего кроме них, так и будешь повторять названия предметов, точно ребенок. Грамматика — вот тот механизм, что позволяет извлечь из них пользу.

Для начала придется ограничиться действиями, которые легко изобразить: «есть», «идти или ходить», «пить», «зевать», «ползти». Ведь эти люди, пусть они и чужеземцы, тоже ходят и пьют, едят, зевают и ползают.

Лучше не спешить и начать с изъявительного наклонения. «Я ем. Ты ешь. Он, она, оно ест». Не зная прошедшего и будущего времени, о многом не поговоришь, так что их тоже стоит затронуть: «Я поем, ты поешь. Я поел, ты поел». И, конечно, непременно пригодится повелительное наклонение: «Ешь!»

Левый край страницы Рук заполнил английскими словами. А рядом с каждым из них оставил пустое место, чтобы позднее планомерно запол-

нить его переводом на неизвестное наречие. В надежде собрать недостающие пока что сведения он озаглавил страницу рядом с пустующей глагольной таблицей: «Другие окончания того же глагола».

Потом положил обе записные книжки бок о бок на столе. «Словарь» и «Грамматические формы». Они напоминали тиски какого-то хитроумного станка. С их помощью он расколет тайну этого неизвестного языка, точно орех.

Задача не из легких. Ни Кеплеру, ни даже Ньютону не приходилось иметь дела с *tabula rasa*[21], ведь они основывались на чужих достижениях. Ему же, в отличие от них, предстояло отправиться навстречу неизвестному, имея в своем распоряжении лишь собственные уши, перо да эти маленькие записные книжки.

Незнакомое доселе чувство сжало Руку грудь. Он не сразу понял: именно это испытывает человек во власти мечты. Судьба — возвышенное слово, но, быть может, вполне применимое к тому, что ему предстояло.

---

[21] Сноски: 21
Tabula rasa (лат.) — чистая доска.

* * *

Туземцы не объявлялись почти неделю. Рук коротал время, считывая показания дождемера и барометра и ровным почерком записывая наблюдения о Южном полюсе мира. Кипятил чайник, собирал хворост на растопку. Но, занимаясь делом, он уголком глаза наблюдал, не покажется ли кто-нибудь на вершине кряжа. Ветви деревьев и быстрые тени облаков дурачили его. Он вставал и принимался махать им, но пустеющий кряж отвечал насмешливым молчанием.

Поэтому когда они наконец явились, Рук успел слегка рассердиться. Но потом уже знакомый мальчонка бегом спустился по скалистому склону, спеша к нему, и из его уст полился бурный поток слов.

И как тут сердиться? В конце концов, они ему ничего не обещали.

Следом не спеша спустились женщины с маленькими детьми на руках, а за ними и девочки — та, застенчивая, и вторая, по имени Тагаран.

— Добрый день! Добрый день! — восклицал Рук. — Рад снова вас видеть!

Просто слова, он произносил их тысячу раз.

Но сейчас он вкладывал в них смысл, которого обычно не придавал.

Женщины принесли с собой тлеющую ветку и теперь принялись разжигать около хижины костер. Они двигались так неспешно, почти рассеянно, переговариваясь между собой, что казалось, ничего у них не выйдет, ведь поленья, пожалуй, великоваты, да и хворост лежит слишком далеко от дымящейся ветки… Одна из женщин нагнулась и подула — совсем легонько, Рук был уверен, что это ничем не поможет, но вскоре костер уже горел, и гостьи расселись вокруг него, уложив младенцев на колени, и словно бы приросли к земле.

Дети постарше зашли в хижину — маленький парнишка все кричал что-то Руку, точно надеялся, что тот его поймет, если кричать достаточно громко.

— Что ж, хорошо, мой юный друг, — ответил Рук, — а не мог бы ты называть слова по отдельности? Скажи, что это такое?

Он показал пальцем на свое ухо, но мальчик согнулся пополам от смеха, прикрыв ладошкой ровные белые зубы. Девочки обменивались какими-то восклицаниями — в этой мешанине Рук не мог разобрать ни единого звука. Дети, похоже,

были чересчур малы и им было слишком весело, чтобы из разговора с ними смог извлечь пользу тот, кому каждое слово нужно произносить по слогам.

Девочка по имени Тагаран стояла у стола, где лежал вынутый из коробки секстан. Она потянулась было к нему, но Рук жестом остановил ее, испугавшись, что она его сломает. С учтивостью благородной дамы на салонном приеме, она убрала руку. Потом повернулась к нему и произнесла что-то вопросительным тоном.

— Секстан, — ответил он. — Это секстан.

Сложив большой и указательный пальцы в колечко, он приложил его к глазу и посмотрел сквозь него наверх. Она с серьезным видом наблюдала, а потом вслед за ним подняла взгляд на изнанку кровли.

— Нет-нет, — поправил Рук. — С его помощью измеряют вертикальный угол между горизонтом и небесным телом. Солнцем, например. Или Луной.

Он договорил и умолк. Она смотрела на него.

— Дэниел Рук, — представился он. — Рад нашему знакомству. А ты… — он показал на нее, — ты — Тагаран. Ну а твои друзья? Как их зовут?

Он показал на мальчика и другую девочку, и

Тагаран поняла, чего он хочет. Она сказала что-то своей соплеменнице, указывая на Рука — тот поклонился и тоже показал на себя.

— Дэниел Рук.

Но девочка отказывалась смотреть на него, и уж тем более отвечать. Неужели она настолько его боится?

Должно быть, так и есть. Высокий мужчина, незнакомец, облачен в какие-то неведомые покровы: везде что-то висит и морщинится, выпирает и топорщится — вроде и похоже на кожу, но не кожа.

Девочка что-то пробубнила, обращаясь, скорее, к своей подмышке.

— Ты не могла бы повторить?

Тагаран поняла, в чем дело, и произнесла:

– *Во-ро-ган. Вороган.*

Она уже сообразила, что каждое новое слово придется проговаривать четко и по слогам.

Мальчик нисколько не боялся. Скакал перед Руком, с нетерпением ожидая своей очереди. Он попробовал — произнес что-то, но слишком быстро. Тагаран что-то ему сказала, и он повторил, но все же недостаточно медленно. Наконец Рук расслышал: *Бо-не-да.*

Открыв записную книжку на той странице, где

уже было написано «*Тагаран* — имя девочки», он окунул перо в чернильницу. Тагаран внимательно следила за каждым его движением, словно за игрой в наперстки. Он написал: «*Вороган* — имя девочки. *Бонеда* — имя мальчика».

Тагаран показала, что хочет подержать перо, и Рук помог ей обмакнуть его в чернила. Ее маленькая, худощавая ладошка лежала в его руке. Она вывела на странице пять ровных черточек, а потом еще две — поперек.

Мальчик удивленно вскрикнул при виде появившихся на бумаге черных пометок, но сам пробовать не захотел. Вороган не решалась подойти достаточно близко, чтобы взглянуть, будто перо заключало в себе некую грозную силу.

Рук намеревался начать словарь с раздела «Части человеческого тела». Показывая пальцем на свою голову, он вопросительно посмотрел на Тагаран.

— Может, скажешь мне, — попросил он, — что это? Как это называется?

Тагаран сразу его поняла.

– *Куббура*.

Она повторила это несколько раз, пока Рук не смог записать и вслух повторить. Потом принялась показывать на разные части своей головы и

лица — так быстро, что он едва за ней поспевал, и вскоре он уже знал слова «рот», «лоб», «бровь» и даже «ресница». Но ее язык, судя по всему, проводил разграничения, чуждые английскому. Помимо слова *куббура* в нем имелись понятия *нгулу* — «лоб», *камура* — «макушка» и *куру*, что Рук перевел как «задняя часть головы» — он знал, что в английском такого слова нет, если не считать грязной деревушки с проложенными по оврагам дорогами, что называлась Хайнд-хед[22] и находилась где-то между Портсмутом и Гринвичем.

Руку не терпелось перейти к рукам и ногам, стопам и ладоням, но, как ему показалось, Бонеде и Вороган наскучило подробное перечисление всех частей человеческого тела. Опасаясь, что они уйдут, он взял кусок хлеба и сделал вид, что ест, и Тагаран тут же произнесла нечто вроде *патаджиуми* — вероятно, «ты ешь». Отдав ей хлеб, Рук жестом предложил ей съесть его. Как и он, она лишь притворилась и сказала *патаджиу*, что, как он понял, означало «я ем».

Ого, а она смышленая!

Значит, в этом языке есть спряжение, и слово

---

[22] Сноски: 22

Хайнд-хед (англ. *hind head*) — в переводе с английского «затылок».

это, вероятно, образовано от корня *nata*. Странное чувство сжало Руку грудь, словно дыхание сперло. Одним махом они перешли от обычного называния предметов к обозначению действий. Вот и первое грамматическое правило, первый способ связать слова между собой и выразить мысль!

Он откинулся на спинку стула, лучезарно улыбаясь Тагаран. В ответ она тоже просияла улыбкой. Было видно, что ей все это доставляет не меньшую радость, чем ему.

Потом Рук принялся изображать глаголы, для которых заранее оставил пропуски, чем немало всех развеселил. Он ходил, пил, зевал, чихал и щипался.

Представление вышло столь увлекательное, что даже Вороган позабыла о стеснении. К тому времени, как он начал ползать на четвереньках, дети катались со смеху и по их темным щекам текли слезы. Бонеда едва не визжал, задыхаясь от хохота.

Рук повалился наземь. Он так неудержимо рассмеялся, представляя, как выглядит со стороны, ползая на четвереньках, что даже в боку закололо. Как странно, что он наконец научился дурачиться и вести себя как ребенок, которым

ему не удалось побыть в детстве, в обществе этих трех ребятишек, с кем он едва мог обменяться парой слов.

Перевалило за полдень, солнце припекало, и вши, оживившись на жаре, принялись кусать его под мундиром. Дети наблюдали, как Рук снимает его, по одному стаскивая рукава. Увидав выпрыгнувшую из мундира вошь, они забрали его у Рука, вывернули наизнанку, поймали насекомое и раздавили его ногтями.

Взглянув на Тагаран, Рук пальцами изобразил выпрыгивающую из мундира вошь.

– *Буруду*, — сказала она.

Он записал под буквой Б очередное слово: «*Буруду* — вошь». Взяв в руки его мундир, Тагаран что-то произнесла, и Рук догадался, что она спрашивает: «Как это называется?»

— Мундир. Это мундир.

Она коротко кивнула, и сделала вид, будто что-то с себя снимает.

– *Миньин бунилбангадьими мундир?*

Рук с удивлением отметил про себя, как быстро она внедрила в свою речь иностранное слово. Должно быть, она спрашивает: «Зачем ты снял мундир?»

— Чтобы избавиться от вшей, — ответил он. —

Буруду.

– *А! Бурудин!*

Он ответил на ее вопрос, и она была готова двигаться дальше. Но он так восторженно захохотал, что она осеклась. Теперь он знает, что в этом языке есть не только спряжение глаголов, но и склонение существительных, как в латыни или греческом. Слово *буруду* означает «вошь», а *бурудин*, похоже, подразумевает нечто вроде «из-за вшей» и служит формой аблатива.

Не это ли чувствовал Галилей, обращая телескоп к ночному небу и глядя на звезды, которых никто прежде не видел?

Это напоминало исполняемый ими парный танец или многоголосие фуги. Рук решил шагнуть чуть дальше и, забрав у Тагаран мундир, набросил его на плечи, а потом снова снял.

— Так, посмотрим, а как ты опишешь то, что я сейчас сделал? — спросил он. — У вас ведь нет мундиров, какими словами ты будешь пользоваться?

Он не ждал, что она поймет, но она проделала все то же самое, повторив каждое его движение, с собственным воображаемым мундиром: стащила его с обеих сторон, приподняла правое плечо и потянула левой рукой за обшлаг правого рукава.

– *Бунилбанга*.

Рук повторил за ней и собрался было записывать, но она его остановила.

Потом сделала вид, что снова надевает мундир.

– *Банга*, — сказала она и взглянула на него, чтобы убедиться, что он понял.

Потом снова сняла невидимый мундир. Можно было подумать, что она всю жизнь только и делала, что снимала да надевала мундиры на свое худощавое тельце.

– *Буни*.

С изумлением и даже чуть ли не с испугом Рук понял, что *банга*, судя по всему, значит «делать» или «помещать» — наподобие французского *faire* или немецкого *machen*[23], а *буни* или *бунил*, видимо, подразумевает отрицание или обратное действие. Да такими темпами он овладеет этим языком за месяц!

– *Бунилбанга мундир*, — повторил он, с удовольствием смакуя новые слова. В ответ ее лицо, такое серьезное из-за густых бровей, выступающих скул и глубоко посаженных глаз, озарилось улыбкой.

---

[23] Сноски: 23

Faire — в переводе с французского «делать», «создавать», «выполнять». *Machen* — немецкий глагол, обозначающий «делать», «совершать».

– *Будьери карага*, — сказала она, сделав паузу между словами, чтобы он понял.

Карага — «рот». А слово *будьери* упоминал Силк. Она сказала «хороший рот», что, без сомнения, может значить лишь одно: «Ты хорошо говоришь».

Удивительно: от ее похвалы у Рука потеплело на сердце.

Солнце клонилось к горизонту, и женщины стали собираться — брали на руки младенцев, подзывали детей постарше. Вороган и Бонеда пошли с ними, и Тагаран хотела было отправиться следом, но Рук жестом остановил ее.

— Завтра?

Он показал ей, что имеет в виду, поочередно перебирая руками.

— Придешь завтра?

Она что-то сказала, повторяя его движения. Рук надеялся, что она имеет в виду: «Да, я понимаю, я вернусь завтра». Объяснившись таким образом, они посмотрели друг на друга. Рук открыл было рот, намереваясь что-то сказать… но что он мог сказать ей, да и как бы она его поняла?

Тут с подножия склона ее окликнула Вороган, она отвернулась, крикнула что-то в ответ, и момент был упущен.

Рук махал, стоя в дверях.

— До свидания! До свидания!

Все они выкрикивали это слово — и женщины, и девочки, и мальчуган. Даже когда они скрылись за скалами, до Рука все еще доносился ясный голос Бонеды:

— До свидания! До свидания! До свидания!

В тот вечер, разувшись, Рук даже в свете очага разглядел, какие грязные у него стопы — на каждом пальце темный ободок. Он понял: все дело в башмаках. У местных пальцы на ногах — такие же прямые, как и на руках, — не пачкались. Должно быть, грязь облетала с их стоп, не скапливаясь в обуви.

Рук принес таз и нагрел в чайнике воды, думая о том, какая чудесная за этим скрывается сообразность. У человека, которому доступно такое удобство, как обувь, есть и таз с теплой водой. Если же обуви у него нет, то пропадает и надобность в тазу с теплой водой, чтобы смывать грязь.

Как местные называют ноги? В следующий раз он спросит об этом Тагаран. А потом непременно выяснит, как образуется множественное число — на случай, если это исключение. Он представил, как, стараясь показать, какой он сообразительный ученик, со всей серьезностью

заявляет: *нога — но́жи!* Девочки почему-то избегали смотреть друг на друга и все время смотрели в землю — он начал подозревать, что таким образом они проявляют вежливость, стараясь над ним не смеяться.

Он лег и поднес поближе свечу, собираясь читать. «Тот, кто изобличит меня в невежестве, ничуть меня этим не обидит. Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются. Я излагаю их так, как они есть»[24].

Монтеню понравилось бы здесь немногим меньше, чем ему.

* * *

Судя по всему, представление о завтрашнем дне у людей племени *кадигал* было весьма гибкое. За целую неделю в гости к Руку наведался только Силк. Его лицо, обычно столь учтивое, омрачала досада.

— Леннокс отслужил положенный срок в гарнизоне на Роуз-хилл, — без предисловий сообщил он. — И даже пробыл там дольше положенного, о чем он при каждом удобном случае напоминает губернатору.

---

[24] Сноски: 24

М. Монтень, «Опыты». Цитируется в переводе Ф. А. Коган-Бернштейн.

Рук понял, что многое пропустил.

— Леннокс? Отслужил?

— Да, а бедолага Госден совсем ослаб от чахотки — уже две недели не встает с постели, так что не осталось больше капитанов морской пехоты, кроме меня! Можешь себе представить?

— А, вот как?

— Да ради всего святого, Рук! Роуз-хилл — гарнизону на Роуз-хилл нужен капитан, и если его превосходительство не решит вдруг назначить тебя или еще кого-то из лейтенантов, остался только я. Леннокс говорит, что уже внес достаточный вклад в развитие житницы нашей колонии. Надо отдать ему должное, под его руководством дела на фермах шли отлично.

Сквозь дверной проем виднелся край тропы. Рук поглядывал на нее, надеясь, что туземцы выберут другое время, чтобы его навестить.

— Его превосходительство согласен, что это весьма неудачное стечение обстоятельств, — продолжал Силк. — Но он прав, у него связаны руки: послать туда человека ниже званием он не может.

— Ну, знаешь, Силк. Зато, может, заслужишь повышение.

— Да, — неохотно согласился Силк. — Возмож-

но. Надеюсь. Думаю, это весьма вероятно.

Рук знал: годом раньше от этой мысли он ощутил бы укол зависти. Звание — в каком-то смысле он понимал, что это важно, но теперь оно казалось ему чем-то безжизненным и ненужным.

— Отказаться я не могу, остается только надеяться, что не придется прозябать в этом захолустье слишком долго. Работа над книгой идет полным ходом, я разогнался и со всей должной скромностью хочу сказать, что местами выходит… Что ж, не подберу более подходящего слова, кроме как «блестяще». Но, как ни прискорбно, в Роуз-хилл писать мне будет не о чем. Что занятного может случиться с сотней унылых каторжан, копающихся в земле, да с двадцатью еще более унылыми рядовыми, которые их охраняют?

Тут ему в голову пришла какая-то мысль, и его настроение переменилось.

— Если только каторжане не устроят бунт! Или на нас не нападут туземцы!

Сам тон его слов подтверждал нелепость этой идеи.

Тут всего естественнее было бы сказать: «Ах да, к слову о туземцах: на днях они заглянули ко мне в гости».

Рук уже набрал было в грудь воздуха, но про-

молчал. Они не просто «заглянули в гости». Он не знал, что именно произошло и почему ему не хотелось об этом рассказывать. Знал только, что это личное. То, что возникло между ним и Тагаран, еще не успело познать собственную природу. Он боялся, что, взрастая на глазах у Силка, оно зачахнет, не успев расцвести.

— Ради твоего же блага, надеюсь, не будет никакого бунта. И нападений тоже, — ответил Рук. — Уповаю лишь на твое скорое возвращение. К цивилизации.

Но будь Рук честен с самим собой, он признал бы, что испытывает вовсе не надежду. А облегчение. Наконец-то он останется наедине со своим мысом и тем, что там происходит.

Силк не заметил, как его друг обдумывал слова, которых так и не произнес. Закончив разговоро Роуз-хилл, он завел речь о другом.

— Полагаю, тебе известно, что «Сириус» на время отправляют к острову Норфолк? А с ним, разумеется, и твоего приятеля, лейтенанта Гардинера.

— К острову Норфолк? — Рук был потрясен. — Гардинера? Отправляют туда?

— Ну да, — подтвердил Силк. — Капитан Бартон готовится отплыть завтра. Судя по всему, почва

там более плодородная, и «Сириус» должен переправить туда часть каторжан, чтобы облегчить здешнее положение дел… Уверен, ты будешь скучать по Гардинеру, но, право слово, Рук, ты побелел так, будто привидение увидел!

— Да… — отозвался Рук. — То есть нет. То есть… Я просто удивлен, вот и все.

В голове у него пронеслось: «Гардинер — лейтенант флота, и его судно отправляется к острову Норфолк». Обычное дело для военного. Не изгнание. Не наказание.

Однако в сознании Рука, точно во сне, уже слились воедино два обстоятельства: слова, что столь беспечно обронил Гардинер, и его отбытие, напоминающее ссылку.

— Я и сам разочарован, — продолжал между тем Силк. — Как тебе известно, я надеялся убедить любезного лейтенанта рассказать мне о том случае, к которому он был причастен. Но у него, как и у тебя, отлично выходит не показываться на глаза.

«Не показываться на глаза». Рук мысленно поздравил себя с тем, что до сих пор ему это удавалось, но новость о Гардинере напомнила ему, каким ничтожным могло оказаться это достижение. Он позволил себе на время позабыть о долге

«служить и повиноваться». Поверить в то, что он сам себе хозяин, обеими руками ухватиться за это новообретенное место и лично открыть все его двери.

Вот только Новый Южный Уэльс — не дверь в новое будущее, и он себе не хозяин. Новый Южный Уэльс — владение короля Георга Третьего. И полномочия, которыми он наделил губернатора, дают последнему власть над любым человеком — черным или белым, любой вещью — большой или малой, и любыми взаимоотношениями, что возникают между жителями его державы.

Рук, сам того не сознавая, намеревался сохранить в тайне все, что происходило в уединении его мыса: и беседы с туземцами, и записные книжки, и чувство, будто он удостоился особого дара. Но попытка это утаить могла возыметь последствия. Какие — он пока не знал, но, глядя вслед шагавшему по тропе Силку, он поймал себя на мысли, что этот райский уголок, как и любой другой, не вечен.

* * *

Рук выучил имена некоторых женщин, что наведывались к нему вместе с детьми. По крайней мере, он предполагал, что это их имена. Баррин-

ган — так звали красивую высокую женщину, которая явилась одной из первых и приходилась Бонеде то ли матерью, то ли тетей — он так до конца и не понял. Старушка, судя по всему, пользовавшаяся большим уважением, звалась Мауберри, но про себя Рук называл ее бабулей, потому что своей неколебимой уверенностью во всем и манерой искоса лукаво на него поглядывать она напоминала ему родную бабушку.

Явившись в гости, они, как и другие женщины — те, что приходили лишь изредка, — здоровались с ним, а потом усаживались поодаль вокруг костра, уложив детей на колени. Они коротали время, мастеря рыболовные крючки из изогнутых ракушек и плетя веревки из древесной коры. Они показали Руку ее волокнистое лыко и объяснили, что оно называется *дтурадураланг* — как он подозревал, главным образом для того, чтобы посмеяться над его попытками это выговорить.

Рук помнил своих сестренок маленькими, но они, вечно завернутые в одежду и пеленки так, что видно было только личико да ручки, лежали в деревянной люльке, похожие на почтовые бандероли. Он не помнил, чтобы они вот так валялись голышом на ничем не прикрытых бедрах матери, как местные дети. Впервые это увидев,

он был потрясен, но теперь задумался: уж не для того ли и даны женщине бедра — чтобы служить живой люлькой, в которой ребенок может забыться сном?

Иногда во главе небольшой вереницы туземцев по скалам спускался Варунгин. Дети издали наблюдали, как он садился рядом с Руком на землю у стен хижины. Иногда он с полчаса не издавал ни звука. Если Рук пытался вспомнить что-то из недавно выученных слов или брал в руки какой-нибудь предмет, желая выяснить, как он называется, Варунгин едва заметно ерзал, но ничего не отвечал. Видимо, он не находил молчание неловким.

Руку же казалось, будто он смотрит в какое-то причудливое зеркало. Прежде среди себе подобных он сам смущал других своей немногословностью. Сидя вот так, ничего не делая, он учился смирению.

Порой Варунгин приводил с собой других мужчин. Тогда Рук, точно ребенок, бессловесный и оставленный без внимания, сидел и слушал, как они разговаривают — слишком быстро, чтобы он мог уловить в этом потоке звуков хоть одно знакомое слово. В окружении соплеменников Варунгин утрачивал свою обычную серьезность и

принимался развлекать остальных пространными историями. Ему с поразительной точностью удавалось изображать других. Рук не раз узнавал черты майора Уайата — Варунгин мастерски передразнивал его бурное негодование — и бедняги Госдена с его неотвязным кашлем.

Хотелось бы Руку знать, развлекает ли Варунгин своих соплеменников, изображая, как мистер Рук шевелит губами, пытаясь выговорить очередное новое слово.

Временами Варунгин приходил, чтобы дать Руку очередной урок местного языка. Он раскладывал перед собой на земле все свои принадлежности и орудия: зазубренное копье, еще одно — с гладким наконечником, острогу с четырьмя зубьями, деревянную палку вроде меча, к концу которой смолой была приклеена устричная раковина. Он поочередно рассказал Руку, как называется каждый предмет. *Дооул* — копье с двумя зазубринами. *Вуданг* — костяной наконечник копья. *Йелга* — зазубрина на копье. *Йара* — затачивать наконечники мутинга или рыболовной остроги. Рук держал рядом записную книжку, не выпускал из рук карандаш. Что-то — он и сам не знал, что именно, — подсказало ему, что Варунгин не одобряет всю эту писанину. Но тот был

терпелив, повторял слова и показывал своему ученику разные предметы до тех пор, пока не убеждался, что тот понял.

Когда Варунгин, собрав свои принадлежности, вставал, подходили дети. Почти всегда среди них были Тагаран, Вороган и Бонеда, а иногда приходили еще две девочки, которых Рук с трудом отличал друг от друга — должно быть, сестры, Тугеар и Нгалгеар. Их так развеселили его попытки разобраться, кто есть кто, что Бонеда в буквальном смысле обмочился. Рук с любопытством отметил, что это никого не смутило. Просто заключительная сцена комедии и вместе с тем хвалебный отзыв, не более.

Он сидел рядом с Варунгином, как ученик, из вежливости обменивался парой слов с женщинами и радовался обществу детей, но по-настоящему беседовал лишь с Тагаран. Она никогда не приходила одна, но другие дети быстро уставали от их словесных игр. Им не хватало терпения, ведь Руку мало было понять смысл слова: требовалось повторить сказанное столько раз, чтобы он смог записать. Через какое-то время остальные разбегались и оставляли Рука и Тагаран вдвоем.

Рук не заметил, как она дала ему имя — *камара*. Он предположил, что это значит «мой друг» или

что-то вроде того. Он не знал, слышала ли она, как англичане называют друг друга близким по значению обращением *comrade*[25] или схожесть этих иностранных слов была совпадением. Сколько всего он не знал!

Тагаран была самой старшей из детей, но не одно лишь это выявляло в ней предводителя. Всю жизнь Руку встречались люди, отличавшиеся такой внутренней силой, что они безо всяких усилий вызывали у других уважение. Причем звание и общественное положение не имели к этому отношения: губернатор этим качеством был обделен. И Рук тоже — он это знал, а вот Силк им обладал, как и Гардинер.

И Тагаран. За этим скрывалось нечто большее, чем ум, хотя ум ее был подвижен, как ртуть. Нечто большее, чем стремление стоять на своем, хотя Руку доводилось видеть, как она раздает указания другим детям. За этим стояло умение бесстрашно взаимодействовать с миром.

Она никогда не уставала ни учить его новым словам, ни в свою очередь осваивать английский. Как и Варунгину, ей превосходно удавалось изображать, и она явно радовалась, увидев, что

---

[25] Сноски: 25
Comrade (англ.) — товарищ, приятель.

Рук ее понял.

Когда на коленях у одной из сидевших вокруг костра женщин заплакала девочка, Тагаран объяснила: *бредо тунга* — «она просит хлеба». Рук дал ей краюху, чтобы она отнесла ее малышке — пожертвовал большей частью своего ужина, не упомянув, что сам останется голодным. Выщипывая мякоть, Тагаран произнесла слово, которое, насколько он понял, подразумевало «нечто мягкое, что легко съест ребенок» — твердую, как камень, корочку она оставила, объяснив, что та «жесткая, трудно крошится».

Тагаран рассказала ему, как назвать «живот», «спину», «кожу», «волдырь», что надулся у него на руке, научила слову, означавшему то ли «палец», то ли «пальцы», то ли «ладонь». А еще словам «трава» и «песок», хотя последнее могло переводиться как «пыль» или «сухая земля». Однажды она взяла в руки его складной нож, и он записал за ней фразу, вероятно, служившую вопросительным «что?» или «что это?», а потом, открыв нож и снова закрыв его, узнал слова, которые он перевел как «покажи» или «дай посмотреть». Как-то раз Бонеда прикатил по земле деревянную колоду, и остальные дети стали кидать в нее камешки. Тагаран пояснила: *карагадьера*. Колода? Катить?

Рук не понял, но слово все равно записал.

Махнув рукой на системность, он карандашом — для быстроты — царапал в записной книжке: «открой дверь», «я ставлю его на огонь», «подмышка» — а может, и «щекотать». Тагаран и Вороган так смеялись, что не могли толком ничего объяснить. В спешке Рук набрасывал перевод сокращенно, чтобы позднее вспомнить, что имелось в виду. Когда речь зашла о солнце — Тагаран пожаловалась, что он загородил ее от согревающих лучей, он по привычке астронома нарисовал кружок с точкой посередине. Не выдержав такого обилия слов, карандаш треснул пополам, и он под пристальным взором Тагаран перевязал его бечевкой.

Он к такому не привык. Даже самые быстрые планеты давали время все перепроверить и начисто переписать. Работа в таком темпе, когда некогда остановиться и подумать, была сродни головокружительному веселью, опьянению.

Не он один осваивал язык. Не имея под рукой ни записных книжек, ни перевязанных бечевкой карандашей, местные не только выучили много английских слов, но даже успели внедрить их в собственную речь, приспособив их к требованиям своей грамматики. Английское слово

bread — «хлеб» — превратилось у них в *бредо*: они не просто выучили его, но сделали своим.

Когда Рук, сам того не заметив, проделал то же самое, то словно оставил позади очередное препятствие. Варунгин принес с собой на урок нечто вроде копьеметалки под названием *вомера*. Он показал Руку, что недавно заменил *каадиан* — приклеенное к ее концу лезвие из ракушки. «*Каадианмадьоу*», — сказал он, и Рук записал: «*Каадианмадьоу* — я его закаадианил». Лишь увидев это на бумаге, он осознал, что только что сделал. «Я его закаадианил» — предложение, которое доселе не могло существовать в его родном языке. Он не просто учил чужой язык. Но и переделывал свой собственный. Он пересек и стер некую грань. На его глазах один язык растворялся в другом, словно чернила в воде.

* * *

Как-то раз Тагаран прибежала к нему в хижину — она вся покрылась мурашками, а на ее коже и волосах поблескивали капли воды. Рук встал было из-за стола, но она мокрой рукой оттолкнула его в сторону.

– *Нгйинадьиминга!*

Он понял, что она говорит: «Ты загоражива-

ешь огонь!», и пропустил ее. Тагаран принялась крутиться у очага, поворачиваясь к пламени то одним боком, то другим — ее трясло, а губы приобрели лиловый оттенок. Рук подбросил в огонь дров и подул, чтобы тот разгорелся.

– *Богидиоу*, — сказала Тагаран, и он машинально перевел: от корня *боги*, что значит «купаться» или «плавать». Видимо, она говорит: «я купалась» или «искупалась».

— О, милое дитя, сейчас неподходящая погода, чтобы купаться!

Вряд ли она поняла точный смысл его слов, но тон явно уловила — тон старшего брата, который решил, будто лучше знает, как следует поступать. Тагаран бросила на него недовольный взгляд, прямо как Энн, когда в холодное утро он советовал ей надеть теплую, но некрасивую шаль.

В очаге ревел огонь, но Тагаран все равно дрожала, поэтому Рук снял с крючка свой мундир и накинул на нее. На мгновение он почувствовал в своих руках ее узкие плечи, ощутил кипящую в ней жизнь, ее дыхание. Потом она извернулась, словно исполняя менуэт, скинула мундир и, взяв его за воротник, протянула Руку.

Он тут же пожалел о том секундном прикосновении к ее плечам. Может, он и видит в ней

сестру, но Тагаран ему не сестра. Он хотел было объяснить: «У меня есть младшая сестра, и ты напоминаешь мне ее». Но потом подумал: разве этого достаточно, чтобы оправдать такую фамильярность? Что бы почувствовал он, вздумай кто-нибудь из местных мужчин, скажем, Варунгин, подойти вот так к Энн и положить руки ей на плечи?

Он отступил на шаг назад.

— Я прошу прощения.

Быть может, еще не поздно все исправить. Он повесил мундир обратно на крючок, потратив на это куда больше времени, чем требовалось, и встал поближе к двери — как можно дальше от Тагаран, насколько позволяли размеры хижины.

В очередной раз развернувшись, она встала спиной к огню, к нему лицом. Рук видел, как она думает, переводя взгляд с висящего на стене мундира на мужчину, что стоит на другом конце комнаты, сложив руки на груди.

– *Горедьу тагарин*, — сказала она, и принялась изображать какую-то сценку, включающую в себя огонь, мундир и ее саму, дрожащую от холода, из чего Рук сделал вывод, что она пытается объяснить: оставшись голой, она согреется быстрее.

А ведь она права и, судя по всему, лучше по-

нимает, как с мокрой кожи испаряется влага и как греет огонь, нежели люди из его мира, которые без конца кутаются в одежду. Она дала ему понять, почему вывернулась, когда он ее едва не обнял. Но кроме того, она объяснила еще кое-что. Она заметила его неловкость и поняла ее причину.

И все же Руку было не по себе. Хуже того: он знал, что краснеет. Чувствовал, как кровь жаркой волной разливается по лицу, бьется под кожей. Отвернувшись к столу, он принялся рыться в поисках записной книжки и пера, притворившись, что ему срочно нужно что-то записать.

«*Горедьу тагарин* — я это больше (то есть я уберу больше) от холода. То есть согреюсь. В это время Тагаран стояла нагая у огня, и я предложил ей надеть что-нибудь из одежды, на что она ответила *горедьу тагарин*. Целиком это означает: я буду или предпочитаю оставаться обнаженной, чтобы быстрее согреться, поскольку у огня приятнее стоять без одежды, нежели если бы теплу пришлось проникать сквозь нее».

Вышло многословно, зато пока он писал, с его щек спал румянец, а Тагаран перестала дрожать.

Она пошла за ним наружу, к яме, которую он вырыл для сбора сочившейся из скалы воды. Рук

принялся черпать, наполняя чайник, а когда к ним подбежал Бонеда — поглядеть, чем это они занимаются, то и ему дал попробовать. Вернувшись в хижину, он поставил воду на огонь, и дети тут же смекнули, что понадобится больше хвороста — они знали то, чему его когда-то научила бабушка: «тонкие прутики горят лучше всего», так что вскоре в очаге ярко пылал огонь, и вода быстро вскипела.

Прихватив чайник, Рук вышел наружу и направился к пню, на котором рядом с дождемером стоял эмалированный таз. Меж двух концов воткнутой в пень ветки было втиснуто зеркальце, и теперь, глядя в него, он приступил к ритуалу бритья, который всегда очень веселил детей: им нравилось наблюдать, как он правит бритву на кожаном ремне, взбивает помазком пену, наклоняет голову на бок, силясь разглядеть свое отражение в покосившемся зеркальце, и скользит лезвием по вымазанной белой пеной щеке. Вороган показала на его незапачканный пеной нос.

– *Миньин биал канга?* — спросила она. А это ты почему не мажешь?

Она посмеивалась, косясь на Тагаран. Ее застенчивость улетучилась, и Рук стал замечать,

что его бритье, его нос, да и вообще все эти озорные подшучивания над мужчиной — да к тому же белым — их очень веселят. Глядя в чересчур маленькое зеркальце, он подпер щеку языком, чтобы лезвие лучше скользило. Он понимал, что никогда не узнает, над чем они смеются, но улыбнулся — в основном, глазами, чтобы мыло в рот не попало.

Закончив бриться, он сложил бритву, вытер лицо полотенцем и вылил воду. Тагаран взяла чайник и потрясла его, давая понять, что там осталось еще немного воды, потом, жестом попросив разрешения, вылила ее в таз и погрузила в нее свои тонкие руки. Ее бархатно-темная кожа резко выделялась на фоне белой эмали. Рук поднес к ее руке свою — розовая, усеянная веснушками, в сравнении она казалась неполноценной.

Взяв ее руки в свои, он намылил их, а в довершение туалета намочил уголок полотенца и протер ей лицо. Она наблюдала за его действиями. Большего он себе не позволил: лицо открыто для всех, но тело, каким бы детским оно ни было, не для чужих рук.

Он отдал ей полотенце.

— Умойся. Ну же, давай.

Тагаран взяла полотенце и, следуя его примеру,

обмакнула уголок в теплую воду.

Наблюдая за ней, за ее лицом, на котором отражались самые разные переживания — удивление от непривычного ощущения теплой воды на коже, опаска, радостное любопытство при виде чего-то нового — он осмелился пошутить.

— Если будешь часто мыться, станешь белой.

Он не знал, поймет ли она его слова или его попытку передать их смысл движениями: понарошку помыв свое предплечье, он поднес его к руке Тагаран, точно сравнивая белую кожу с темной. Ему казалось, это хорошая шутка — нелепость, которую наверняка оценит ребенок, — а от того, что его кожа казалась такой безжизненной по сравнению с ее собственной, было еще смешнее.

Но Тагаран, потерев руку, внимательно на нее посмотрела и с обидой швырнула полотенце наземь.

– *Тьерабаррбоварьаоу!*

Должно быть, она имела в виду нечто вроде: «Не стану я белой!»

Надув нижнюю губу, она насупилась и встала в позу, всем своим видом выражая отчаяние. Рук в ужасе проклинал себя за такую неосмотрительную остроту.

Но тут она ему подмигнула, и он понял: она не играет, а переигрывает. Он пообещал ей это в шутку, а она ее подхватила и пошла чуть дальше, выкрутив ее так, что стало еще смешнее.

Увидев на его лице облегчение, Тагаран перестала супиться и с удовольствием рассмеялась над их общим творением. Рук последовал ее примеру, поражаясь, какая емкая и многослойная вышла шутка.

Но она оставила странный осадок — понимание того, как легко что-то может пойти не так. Нужно быть осторожнее. Между ними легко возникло взаимопонимание, но не стоит спешить с выводами. Слишком многое на кону, и речь не только о праве зваться первым, кто освоит местный язык.

День клонился к вечеру. Женщины у костра брали на руки младенцев и подзывали детей постарше. Но Тагаран и Вороган все болтали, поглядывая на Рука. Они что-то задумали.

– *Матигарабангун нангаба,* — сказала Тагаран и, приложив ладони к щеке, показала на пол у своих ног.

Нангаба — в этом он узнал знакомое слово, *нанга* — начальная форма глагола «спать». Он уже слышал формы *нангадиоу* — я спал, и *нанга-*

диеми — ты спал. Может, *нангаба* — это будущее время? Выходит, Тагаран спрашивает, нельзя ли им с Вороган переночевать у него в хижине?

Рук пошел к сидевшим у костра Мауберри и Барриган, и попытался объяснить, спросить, найти подтверждение своей догадке. Да, согласились они, пускай Вороган и Тагаран ночуют в хижине мистера Рука. Они от души смеялись. Он и не надеялся разобрать смысл их громких восклицаний, но был почти уверен, что они обсуждают его. Быть может, и хорошо, что он ничего не понял.

Он знал, как это волнительно — ночевать на новом месте. Должно быть, это чувство знакомо всем детям. Даже он когда-то умолял родителей разрешить ему провести ночь под парусиновым навесом в уголке сада за домом на Черч-стрит.

До недавних пор Дэниел Рук чувствовал себя одним целым с тем ребенком, которым себя помнил. Теперь же тот маленький мальчик казался ему совсем другим человеком, нежели взрослый мужчина, который махал на прощание группе смеющихся обнаженных женщин и их пухленьких темнокожих ребятишек, не видя в этом ничего странного, точно на их месте с равным успехом могли оказаться его соседи из Портсмута.

Свой ужин он разделил с девочками, хотя ему показалось, что они едят скорее из любопытства, а не ради удовольствия. Да и лакомиться было особо нечем — черствый хлеб да немного солонины. Зато Рук заварил сладкий чай — они удивились, увидев, как он кладет кожистые листья в чайник и заваривает в кипятке. Насколько он понял, они тоже собирали эти листья и называли их — а может, отвар из них или само растение — словом *варрабурра*. Манеру пить этот настой из чашек они нашли чрезвычайно забавной и необычной.

Рук тоже потягивал *варрабурра* из своей чашки. Этот напиток полюбился ему больше настоящего чая — его анисовый, слегка терпкий, сладковатый вкус освежал, а голова после него прояснялась.

Рук испытывал странную радость от того, что эти девочки гостят у него. А доводилось ли ему прежде выступать в роли хозяина? Он не мог такого припомнить. Он многого ожидал от Нового Южного Уэльса, но уж точно не предполагал, что научится вести хозяйство и развлекать гостей.

Где они предпочитают устроиться на ночь? У очага, разумеется. Вороган сразу улеглась на циновку и свернулась калачиком поближе к теплу, но Тагаран показала на кровать, недвусмысленно требуя одеяло, так что Рук и его расстелил на по-

лу. Вороган сомневалась, но Тагаран заставила ее встать, чтобы они могли вместе лечь на одеяло. Какой своевольный ребенок! Оставалось лишь надеяться, что ему никогда не придется ей ни в чем отказывать.

Девочки улеглись бок о бок, а Рук сел за стол и, открыв записную книжку на букве В, записал: «*Варрабурра* — сладкий чай».

Но Тагаран не засыпала.

– *Бообанга*, — приподнявшись, сказала она. — *Бообанга камара*!

По ее движениям он понял, что это просьба: «Укутай меня одеялом, друг!»

Рук знал, что ей вряд ли понравится колючая шерсть, ведь она вообще не привыкла ничем укрываться, но перечить не стал. Пусть сама узнает, что такое одеяло, как он в свое время — в ту ночь, под навесом — на собственном опыте убедился, что дома уютнее. Должно быть, его отец, как и он сейчас, испытывал смешанные чувства — стремление оберегать и вместе с тем понимание, что нужно остаться в стороне.

Он взял второе одеяло и накрыл им девочек. Ночевать под навесом в саду на Черч-стрит было неудобно, но дело ведь не в удобстве. А в том, что Тагаран хочет собственной кожей ощутить,

какой он, мир белого человека.

Девочки притихли, и он вернулся к записной книжке. Как бы рассказать о той шутке, что они придумали сегодня днем?

Он записал: «*Тьерабаррбоварьаоу*, что значит „я не стану белой”».

Может, так оно и есть, но это и рядом не стояло с тем, что случилось на самом деле.

«Это произнесла Тагаран, в отчаянии бросив на землю полотенце, — добавил он, — после того, как я сказал ей, что если она будет мыться, то станет белой».

Уже лучше, чем сухой перевод, но все же эти слова не отражали самого важного. То, что произошло сегодня между ним и Тагаран, выходило за рамки «Словаря» и «Грамматических форм». В том была сама суть беседы — не слова и их значения, а то, что два человека пришли к взаимопониманию и начали открывать для себя истинные названия вещей.

Но как записать истину на бумагу, когда она представляет собой нечто куда большее, чем слова или действия? Он ведь даже на английском не смог бы выразить того, что произошло между ними!

Рук понял: чтобы хоть как-то передать смысл

пережитого на бумаге, надо взять пример с Силка. Придется выйти за рамки буквализма — шагнуть туда, где слова перестают служить целям описания и обретают самостоятельную жизнь.

Вот только он — не Силк. Его слова совсем не отражают сути их разговора. И записал он их лишь затем, чтобы позднее они помогли ему вспомнить. Остаток жизни он будет перечитывать их и мысленно возвращаться в это «здесь и сейчас». К этому счастью.

Он снял с крючка шинель и, растянувшись под нею на кровати, взял в руки Монтеня. «О большом пальце руки». Рук перечитывал его немногочисленные сочинения столько раз, что почти уже выучил их наизусть, но всякий раз охотно возвращался к главе «О большом пальце руки».

Обычно ночами ему чудилось, что хижина затерялась на краю Вселенной. Тихие поскрипывания и шорохи, доносившиеся снаружи, лишь углубляли тишину и усиливали его одиночество. Бывало, что он лежал в темноте на своем мысе и чувствовал себя единственным человеком на всей планете.

Теперь, в присутствии девочек, пространство в стенах его хижины преобразилось. В очаге мягко мерцали угли. Сегодня, как никогда прежде, хи-

жина стала уютным суденышком, плывшим по течению ночи.

Рук выбрал это место, надеясь найти там уединение, но на сей раз ему было радостно, что он не один. Может, он вовсе не одиночка. Такого он о себе прежде не знал. Неужели это свойство всегда таилось в нем и лишь ждало подходящего случая, чтобы проявиться? Или воздух Нового Южного Уэльса так на него повлиял?

Он успел прочитать не больше страницы о большом пальце руки, когда заспанная Тагаран приподнялась на локте и тихо окликнула его: *камара!*

– *Миньин биал нангадьими?* — старательно выговорил он. Почему ты не спишь? И услышал в ответ:

– *Ньиманг бланкет, камара.*

Она что, сказала: «потуши одеяло»? Так он и думал. Он поднялся и стал было стягивать с нее одеяло. Вороган не проснулась, но Тагаран схватилась за его край, удивленно и возмущенно уставившись на Рука. По ее лицу пробежала череда мыслей.

– *Кандулин!*[26] — сказала она, показывая паль-

[26] Сноски: 26
От англ. *candle* — свеча.

цем. Свеча!

Свет не дает ей уснуть.

Она так редко допускала ошибки в речи, что Рук решил над ней подшутить — наклонился над одеялом и подул на него, словно пытался затушить пламя. Она улыбнулась, давая понять, что уловила смысл игры.

– *Тариадьаоу*, — прошептала она.

Рук распознал форму прошедшего времени и часть слова, которое вроде бы означало «ошибка». Видимо, она спросила: «Я ошиблась?»

— Да, — шепнул он в ответ, вглядываясь в ее лицо — обернутое одеялом, оно казалось таким детским. — Но людям свойственно ошибаться.

Отец когда-то говорил ему подобные вещи с той же нежностью, что он услышал сейчас в собственном голосе. Рук сомневался, что Тагаран поняла его последние слова, но она уже закрыла глаза, засыпая.

Он снова улегся, накрылся шинелью и задул свечу, с улыбкой думая про ее просьбу «потушить одеяло». Тагаран редко ошибалась, но и он не имел обыкновения шутить над ошибками.

Что ж, быть может на лейтенанта Рука это и не похоже, но для человека, который зовется *камара*, это столь же естественно, как дышать.

Должно быть, *камара* жил внутри него все это время, но если бы не поразительная и случайная встреча с Тагаран, он так бы до сих пор и молчал.

Лежа на боку, Рук слушал, как мягко потрескивают и осыпаются угли в очаге и невинно посапывают, забывшись сном, девочки. Их силуэты мерно поднимались и опускались в темноте. Тагаран высунула руку из-под одеяла ладонью вверх, мягко согнув пальцы.

Что это — что за тепло в груди? Рук не знал, как назвать или описать новое чувство, знал только, что оно как-то связано с тем, что Тагаран ночует под его крышей и ее ладонь доверительно повернута к нему.

Свет от углей затух. В хижине стало темно, хоть глаз выколи. Рук знал: скоро поднимется полная луна. Как и много ночей до этого, он встал и укутался в шинель. Сегодня он будет смотреть на луну не как астроном, а как любой другой человек, которому не спится. Нащупав в темноте стол и полку над ним, он достал бутылку бренди, налил себе немного, полагаясь, в основном, на звук, и, прихватив с собой стакан, вышел наружу.

Вокруг лежала сплошная темень да чернота. И только воды бухты шевелились в этой черноте. Никто, кроме астронома, знавшего, куда

смотреть, не разглядел бы тусклое свечение на горизонте. Привыкший сидеть в темноте, Рук стал ждать, когда небо озарится светом точно там, где должно. Спиртное его согрело — бренди было скверное, ядреное, но даже им он редко себя баловал.

Над горизонтом полоской света показался тончайший краешек луны. Рук смотрел, как она поднимается, пока ее диск не стал виден почти целиком. Выплыв из-за горизонта, она словно бы распростерлась, цепляясь за землю, точно не хотела подниматься.

Влияние атмосферы, не более, но как же странно и любопытно, что человеческий разум способен узреть в этом красоту! Знание о причинах явления лишь добавляло ему великолепия. Рук готов был сидеть вот так, прикованный к месту, слушая, как над ухом пищат москиты, и ожидая, когда морская гладь расступится и позволит Луне отправиться в свободное плавание по просторам космоса цвета индиго.

Сегодня Тагаран опять его похвалила: *камара будьери карага*, сказала она — *камара* хорошо говорит. Ему нравилось, что она зовет его *камара*.

Он заметил у нее привычку искоса бросать на него насмешливый взгляд, когда он долго сообра-

жает. За исключением сестры, во всем мире одна только Тагаран не сомневалась, что он умеет смеяться над собой.

Быть может, именно это чувствуешь, когда у тебя есть собственные дети, с которыми можно вот так беззаботно дурачиться. Наверное, когда-нибудь он женится, как и большинство мужчин. И тогда, если у него, как ни сложно это вообразить, появятся дети, он вспомнит этот момент. Он попробовал представить себе, как однажды расскажет им: «И вот как-то раз две местных девочки остались ночевать в моей хижине».

Кто знает, может, и нет на свете слов, чтобы описать то, что происходит между ним и Тагаран. Подобно языку племени *кадигал*, который он пытался освоить — слово за словом, с трудом улавливая смысл, язык того, что он испытывал по отношению к ней, выходил за рамки его понимания. Он мог лишь наугад идти вперед, доверившись судьбе.

Быть может, всему виной бренди, но сидя там, в призрачном свете луны, он испытывал счастье на грани ликования.

* * *

Судя по содержанию писем, которые Силк присылал с Роуз-хилл, в житнице колонии было еще тише и унылей, чем он опасался, и единственной новостью за несколько недель было то, что он научился окучиванию, хотя предпочел бы не знать о нем до конца своих дней. Он грозился, что если губернатор не пошлет за ним в ближайшее время, то ему придется слечь с каким-нибудь безболезненным, но серьезным недугом, лишь бы вернуться в Сиднейскую бухту и воссоединиться с другими представителями рода человеческого.

Силк умудрялся писать даже о том, что ему совершенно не о чем писать. Читая его письма, Рук невольно задавался вопросом, оставляет ли он себе копии, чтобы позже включить их в свою книгу. Уж не надеется ли он, что Рук сохранит их переписку?

Только Рук отпустил одного посыльного, как прибыл другой: его вызывали на плац. Кого-то из каторжан застали с поличным: он копал картошку в губернаторском огороде и пытался спрятать ее под полой. Его собирались высечь.

Рук знал: воровства продовольствия допускать нельзя. С этим трудно было спорить. Но голод

стал властвовать над жизнью поселенцев. Каторжанки прочесывали побережье бухты, собирая всех попавшихся улиток и моллюсков, но ходили все такие же бледные и тощие, с потускневшим взглядом. Из всех поселенцев один лишь Бругден не терял бодрости. Разве кто увидит, если охотник съест подстреленную дичь прямо в лесу, вместо того чтобы сдать ее в общий котел?

Что до того бедолаги, который стащил картофель… Что ж, человек — живое существо, и ему необходимо пропитание. Взять еду, оставленную без присмотра, — с научной точки зрения — вполне естественный поступок для того, кто голодает.

Но вот безжалостный приговор, что называл случившееся кражей и требовал наказания, — другое дело.

Будучи подданным Его Величества, Рук был обязан подчиниться правосудию, и все же ему было жаль, что тот человек решил украсть картофель. И попытался спрятать его под полой. И больше всего — что его поймали.

У каторжанина были очень светлые волосы — его кудри сияли на солнце, как проволока, а кожа на спине была совсем белая, так что чуть ли не светилась. И блестела: бедолага вспотел. Его тело

знало, что его ждет.

Все морпехи обязаны были присутствовать, как и большинство каторжан. Какой смысл в наказании, если его никто не видит? Варунгин тоже пришел и стоял рядом с губернатором, оглядываясь по сторонам. Рук предположил, что это часть его обучения. Вот она, британская цивилизация с фарфоровыми тарелками и тостами за короля, а вот и британское правосудие.

Лицо Варунгина не выражало беспокойства, лишь любопытство. В отличие от всех остальных, он не знал, что ему предстоит увидеть.

В голове у Рука мелькнула мысль. Держа голову прямо, согласно уставу, он окинул взглядом толпу. С истовостью молитвы он надеялся, что не увидит, как из-за дерева с любопытством выглядывает Тагаран, наблюдая за этим необычным собранием *беревалгал*.

А вдруг она здесь? Вдруг она все же выглянет из-за дерева с таким знакомым ему выражением лица, в котором читается жажда знаний? Решится ли он нарушить строй и подойти к ней и как-то объяснить, прямо на глазах у других морпехов в красных мундирах, что она должна уйти, закрыть глаза, заткнуть уши?

Рук стоял по стойке «смирно», взяв на плечо

мушкет. Он уже вспотел в своем красном мундире, сердце гулко билось в груди, а зрелище еще даже не началось.

Он был достаточно близко, чтобы расслышать, как губернатор что-то втолковывает Варунгину, показывая пальцем на вора, которого привязали к треугольной раме посреди открытой площадки, залитой светом палящего солнца.

— Плохой человек. Украл еду.

Варунгин наблюдал, как шевелятся его губы.

— Этот человек взял чужую еду.

Варунгин кивнул, но трудно было сказать, действительно ли он понял слова губернатора.

— За это мы его накажем, — губернатор был решительно настроен донести свою мысль. — Все люди равны. Кто украл, тот должен быть наказан.

Любопытно было слышать эту блестящую мысль — итог многовекового развития британской цивилизации — выраженной в столь лаконичной форме.

Наконец на песчаную площадку посредине вышел человек с плетью. Он встряхнул «кошку», распутывая хвосты, пару раз стукнул рукояткой о ладонь.

Даже птицы, казалось, смолкли.

Рук сосредоточил все свои мысли на мышцах спины. Какой это замысловатый механизм — позвоночник, ведь он способен удерживать тело в прямом положении, что бы ни происходило у человека в голове. Потом Рук принялся думать о своих стопах. Такая маленькая точка опоры, и все же благодаря им он не падает наземь. Он представил себе вырезанную из дерева копию себя самого — с мушкетом, в мундире, с деревянным лицом, а основание — не шире его стоп. Повалилась бы эта фигурка? Потом подумал о том, как земля давит на подошвы его башмаков. Вернее, как его стопы давят на землю. Так работает тяготение. Та огромная рука, что удерживает космос на месте. Кеплер был близок к пониманию его природы, но в слова ее облек Ньютон. «Каждая частица материи во Вселенной притягивает любую другую частицу».

Рук творил своего рода волшебство — вернее, пытался. Он перенесся в другое место и время, а его тело между тем все так же стояло, уставившись в пустоту и продолжая держать мушкет под нужным углом.

Когда на кожу каторжанина с тошнотворным щелчком обрушился первый удар покрытого узлами хлыста, тот вскрикнул — и не только он.

Рук увидел, как Варунгин кинулся вперед с искаженным лицом и закричал на человека с плетью. Вырываясь из рук губернатора, он диким взглядом обвел ряды морпехов. Встретился глазами с Руком и принялся кричать ему что-то, одно и то же слово, снова и снова. Невзирая на разделявшее их расстояние, один человек умолял другого.

Лейтенант Рук отвел взгляд. Втянув голову в плечи, он крепче сжал приклад мушкета. Древесина стала скользкой от пота. Воротник душил его, шляпа давила на лоб, а мундир, казалось, был отлит из железа. «Хватит, хватит, хватит!» — крутилось в его голове одно единственное слово. «Хватит!» — пусть Варунгин перестанет его звать. «Хватит!» — пусть этот человек бросит плеть и уйдет. «Хватит!» — пусть губернатор сжалится над всеми ими.

Он еще крепче стиснул в руке мушкет, поджал пальцы в башмаках. Превратился в камень, в кусок дерева, в подобие человека.

Уайат и Веймарк, стоявшие по обе стороны от Варунгина, схватили его под руки. Поверх нечеловеческих воплей, которые при каждом ударе издавал каторжанин, Рук услышал, как губернатор продолжает что-то ему втолковывать.

— Плохой человек, — донеслись до Рука его

слова. — Плохой. Вор.

Губернатор хмурился, пытаясь объяснить Варунгину, что он имеет в виду.

— Украл еду. Взял чужую еду, не свою.

Варунгин перестал вырываться, но отвернулся и не смотрел туда, где спину живого человека планомерно превращали в кровавое месиво. Рук видел, как вздулись мощные жилы на его шее. При каждом ударе и вскрике каторжанина Варунгин вздрагивал.

Вот оно, правосудие — непредвзятое, слепое, благородное. Ужас наказания служил доказательством его непредвзятости. Если не больно, это не правосудие. Вот что пытался объяснить губернатор, но все благородные идеи испарились в лучах солнца.

А девятихвостка все обрушивалась на разверстую плоть с жутким хлюпаньем — двадцать раз, тридцать раз, пятьдесят… Тело провинившегося, привязанного к треугольной раме, сотрясалось при каждом ударе. Исполнителю наказания снова и снова приходилось прерываться и разделять хвосты пальцами, счищая с них застрявшие куски плоти.

Каторжанин выдержал семьдесят четыре удара, после чего его тело мешком повисло на веревках.

Подтвердить, что больше провинившийся не выдержит, надлежало доктору Веймарку. Едва дотронувшись до его запястья и сделав вид, что он прощупывает пульс, доктор кивнул, подтверждая, что с бедолаги достаточно и пора его снимать.

Сто двадцать шесть ударов осталось на следующий раз. Рук подумал, что жить в ожидании, должно быть, даже хуже, чем терпеть боль.

Каторжанина развязали и утащили, а Варунгин все так же стоял, скривив сжатые губы в причудливой гримасе. Его смуглое лицо приобрело сероватый оттенок, точно покрывшись слоем пепла. Он не поднимал глаз. Руку показалось, что его сейчас стошнит.

Губернатор дотронулся до его руки.

— Все закончилось, мой друг, — вновь услышал Рук его голос.

Но почувствовав его касание, Варунгин тотчас же отдернул руку, словно дотронулся до раскаленной головешки.

— Давай вернемся в дом, я тебя накормлю, — предложил губернатор.

Варунгин не ответил, не поднял глаз ни на губернатора, ни на кого-либо из собравшихся *беревалгал.* Даже на Рука не взглянул. Как толь-

ко Уайат его отпустил, он отвернулся и пошел прочь. Рук смотрел ему вслед — человеку, рядом с которым он, скрестив ноги, сидел на земле.

Варунгин не думал о «наказаниях», «правосудии», «беспристрастности». Он лишь видел, что *беревалгал*, надев свои лучшие одежды, собрались, чтобы причинить одному из своих собратьев неописуемую боль. Он видел в этой церемонии вовсе не пренеприятнейшую, но необходимую деталь великого механизма цивилизации, а сознательный выбор. Стоило убрать все красивые умозрительные понятия, и все сводилось к обыкновенной жестокости.

И Рук был к ней причастен. Он не закричал в ужасе от происходящего и не ринулся вперед, чтобы положить этому конец. Он отвел взгляд, когда Варунгин звал его.

Не просто отвел — предпочел отвести. Никто его не держал. Он сделал выбор, потому что он — лейтенант морской пехоты Его Величества.

Вот и все, этим все сказано. Служба — его работа. Он солдат, а значит, причастен к этой жестокости не меньше, чем тот, кто орудовал плетью.

* * *

В начале лета Силка наконец отозвали с Роуз-хилл. Ему там порядком наскучило.

— Ну-ка, Рук, послушай. Присядь, а то упадешь от восторга. Как тебе это: «Дод говорит, что в этом году надеется собрать не меньше четырехсот бушелей пшеницы и ячменя». Ты когда-нибудь слышал что-нибудь столь же блистательное?

— Ну, ты наверняка придумаешь, что с этим делать. Как говорится, и волки сыты, и овцы…

— Ой, прошу, только не надо про овец! Хотя должен признать: место это хоть и унылое, но не лишенное очарования. Там расчистили довольно большой участок, и, взглянув на него с вершины холма, я был поражен серьезностью и размахом сего предприятия — мне давненько не доводилось видеть столько земли, не занятой лесом.

Пошарив в кармане, он достал карандаш.

— Надо запомнить, это было сильное и непривычное впечатление.

Глядя, как он пишет, Рук вспомнил собственные скудные заметки в маленькой записной книжке. И как же ему завести разговор о том, что все это время происходило у него на мысе?

— Ну, а ты чем тут занимался, Рук? — спросил

наконец Силк. — Есть о чем поведать?

Вряд ли он ждал ответа, уж слишком он был уверен, что «поведать» Руку не о чем.

— Что ж… — начал Рук.

Придется рассказать, иначе то, что до сих пор было его личным делом, достигнет опасных масштабов тайны. Надо поделиться, но преуменьшить. Обмолвиться — но лишь о чем-то незначительном и скучном, чтобы Силк не обратил особого внимания.

Но пока Рук подыскивал подходящие слова, Силк перебирал вещи на столе, и ему на глаза попались те самые синие записные книжки, лежавшие почти на самом виду, под Монтенем.

— «Грамматические формы языка Н. Ю. Уэльса», — прочел он. — Вы только поглядите! Ты, похоже, взялся изучать местный язык. Ага, тут еще и «Словарь Н. Ю. Уэльса»! Позволишь?..

Он уже приготовился открыть одну из записных книжек, и лишь безукоризненное воспитание заставило его машинально спросить разрешения. Рук проклинал себя за то, что не спрятал их подальше. Решив, что в отсутствие Гардинера и Силка в гости к нему наведываться некому, он забыл о предосторожностях. Но теперь вдруг понял: ему и в голову не приходило, что заметки

попадутся кому-нибудь на глаза. Он и сообразить не успел, что следует сказать: «Не надо, Силк, не открывай».

— Вряд ли тебе это покажется занятным… — выдавил он. — Знаешь, мои изыскания пока еще в самой зачаточной… А на Роуз-хилл приходили местные? Ты их видел?

На мгновенье ему показалось, что уловка сработала.

— Ах, да! Совсем забыл рассказать, — Силк отвлекся и положил записную книжку, но руки с нее не убрал. — При мне там сожгли дотла одну хижину — к счастью, пустую. А потом напали на одного поселенца, пока он рыхлил землю — представляешь, копье воткнулось в землю прямо промеж его ног! Но волею судеб в него не попали.

Силк рассеянно поглаживал большим пальцем краешек записной книжки в том месте, где синий тканевый переплет уже протерся.

— Чую, грядет неладное, но что же делать, если они нападают из засады? Губернатор планирует послать на Роуз-хилл еще десяток человек и небольшую пушку. Место это как нельзя лучше подходит для расположения редута. И дюжины человек хватит, чтобы отразить налет туземцев,

сколько бы их ни было.

Рук надеялся его отвлечь, но такого он не ожидал. Он не видел ничего, кроме мелких драм, что разворачивались в его хижине. А между тем в большом мире каторжного поселения Его Величества, судя по всему, назревали совсем другие события, и не знать о них было опасно.

Во время своего рассказа Силк снова взял в руки записную книжку, видимо, сочтя, что ему позволено-таки ее открыть.

— Ах, да — это и у меня есть, если помнишь. Вот, видишь? *Будьери* — я записал это несколько иначе, но слово, очевидно, то же самое. И вот еще, посмотри: *биал*, что значит «нет», хотя я посчитал, что другое написание скорее поможет избежать ошибок в произношении. Да ты только глянь, сколько тут страниц! Право слово, Рук, да ты трудился в поте лица!

Рук потянулся было за книжкой, но Силк ее не отдал и продолжал листать.

— Нет, Рук, не надо скромничать, ведь это немалое достижение. Пора тебе перестать зарывать свой талант в землю, друг мой!

Он откинулся на спинку стула и закрыл книжку, заложив ее пальцем, но так и не отдал. Рук поймал себя на мысли, что досада при виде того,

как Силк читает его записи, — это напоминание обо всех прочих особенностях его нрава, которые пришлось преодолеть. Пора ему признать, что право хранить секреты — это роскошь, которой жизнь его лишила. Если уж отведенное ему время наедине с туземцами подошло к концу, пожалуй, следует принять это с достоинством.

— Ты ведь знаешь, — продолжал Силк, — что я надеялся включить в свою книгу главу о языке, не так ли?

Видимо, услышав в собственном голосе чересчур откровенный упрек, он нервно усмехнулся.

— Могу я узнать, что ты собираешься делать со своими «Грамматическими формами»? Публиковать?

Силк слишком спешил.

— Публиковать? Это?

— Почему нет? Тогда твои старания увидит больше людей, так ведь?

Все-таки они с Силком очень разные, подумал Рук. Силк и представить себе не мог лучшего применения словам, нежели поиск широкого читателя. Зачем трудиться, если не ради того, чтобы твое произведение издали? Он и сам до недавних пор смотрел на вещи схожим образом. И еще недавно охотно ухватился бы за мысль о том, что

его труды обретут многочисленных читателей.

Решив изучать местный язык, он продумал лишь первый шаг: стал записывать новые слова. Теперь же он увидел, как сильно отдалился от того мира, что некогда делил с Силком. Казалось, Тагаран увела его прочь по совершенно иному пути.

— Может, это и пробудит некоторое любопытство. Среди ученых. Скажем, тех, кто собирает сведения о языках далеких племен. Но чтобы опубликовать… Не думаю… То есть сомневаюсь… Я полагаю, вряд ли найдется много… читателей.

Силку явно полегчало, словно он поднял тяжелую ношу на вершину холма и теперь мог позволить силе тяготения сделать свое дело.

— Ты совершенно прав, Рук, — поддакнул он. — Вынужден с тобой согласиться. Вряд ли это многим покажется любопытным. Я же в свою очередь опечален тем, что так мало знаю о здешнем наречии — отчасти по причине моего отъезда в Роуз-хилл. Я, так сказать, размышляю вслух, ты ведь понимаешь.

Он осекся, но Рук подозревал, что его нерешительность могла быть обыкновенным притворством.

— Слушай, Рук, — вновь заговорил Силк, будто

эта мысль только что пришла ему в голову, — а почему бы нам не объединить усилия — нам с тобой? Ты мог бы включить свой словарь и грамматические формы — на правах соавтора, разумеется — в мой путевой дневник в качестве приложения…

Не дожидаясь ответа, он поспешил продолжить.

— Само собой, тебе достанется часть того вознаграждения, что обещал мне мистер Дебрет — это мы уладим. Получишь долю от общей суммы *pro rata*[27].

Он помедлил. В голове у Рука крутилось лишь одно слово: «нет!», но он ничего не ответил. Силк быстро заговорил снова.

— Под этим я, конечно, имею в виду, что если твой вклад, выраженный в количестве страниц, составит шестнадцатую долю от объема книги, тогда тебе достанется одна шестнадцатая от общей прибыли… Что скажешь, друг мой?

— Да, я и сам знаю, что значит *pro rata*, Силк, благодарю.

— Да брось, Рук! — шутливый тон Силка звучал несколько натужно. Неужто ты вздумал со мной

---

[27] Сноски: 27

Латинский термин, который в переводе означает «пропорционально», «соразмерно» и используется в юриспруденции.

торговаться? Поверь, мы придем к соглашению, которое тебя устроит. Обделенным ты не окажешься, будь уверен.

Тут внутри у Рука что-то вспыхнуло, точно щепка, в миг охваченная белым пламенем.

— Дело не в доле, Силк! Я не пытаюсь выторговать у тебя пару лишних фунтов, шиллингов или пенсов!

Те записи отражали лучшие дни его жизни. Быть может, ему и придется поделиться ими, но уж точно не с целью наживы.

Облокотившись на стол, Силк внимательно вглядывался в его лицо. Прямо как в тот день, когда пытался выведать у него насчет Гардинера, он учуял, что Рук что-то скрывает.

— Да и потом, может оказаться, что этого недостаточно, — прибавил Рук. — Чтобы кому-то показывать. Так что… Поживем — увидим. Ладно?

Он потянулся через стол и забрал одну записную книжку, но вторую Силк все еще листал.

— Ловлю тебя на слове, — отрешенно пробормотал он, и Рук подумал: «А это как понимать? Я ему ничего не обещал!» Силк перевернул страницу, и его худощавое лицо удивленно оживилось.

– *Тьа*… что-то там… Ну-ка, Рук, что тут напи-

сано?

Руку не оставалось ничего, кроме как удовлетворить его любопытство.

– *Тьерабаррбоварьаоу.*

— Благодарю. А вот и перевод: «Я не стану белой. Это произнесла Тага… — на имени он запнулся, — Тагаран, в отчаянии бросив на землю полотенце, после того как я сказал ей, что если она будет мыться, то станет белой». Какая грустная сценка. Жестоко было обещать ей это, разве нет?

— Да нет же, это ведь шутка! Мы… мы оба дурачились. Это просто шутка. Потому что белые люди думают, будто их цвет кожи лучше…

«Белые люди». Можно подумать, он сам не принадлежит к их числу.

— Это просто шутка, — повторил он и услышал в собственном голосе нотку бессилия. — Это умная девочка, она не так глупа, чтобы подумать… Нам это показалось забавным.

Он написал «в отчаянии», имея в виду притворное отчаяние. Ему казалось очевидным, что все это было не всерьез. Кому из туземцев, пусть даже ребенку, могло прийти в голову, что от мытья его кожа побелеет? Он не стал объяснять на бумаге смысл этой шутки по той же причине, по которой не считал нужным записывать, что они дышат

или что у них бьется сердце.

Силк его не слушал.

— Право слово, Рук, ты, безусловно, далеко продвинулся, и, судя по всему, не только в отношении грамматических форм! Он поднес записи к свету, лившемуся в окно, и прочитал: «*Горедьу тагарин* — я это больше (то есть я уберу больше) от холода. То есть согреюсь. В это время Тагаран стояла нагая у огня, и я предложил ей надеть что-нибудь из одежды».

Это все его присущее ученому высокомерие — оно подтолкнуло его так подробно описать тот незначительный случай, преисполненный тонких переживаний. А еще глупость, которая заставила вывести каждую букву четким почерком, чтобы любой мог с легкостью его прочесть.

— Девочка, говоришь? Не спешу тебе возражать, друг мой, но вот, послушай-ка: «*Вана*... бла-бла-бла: ты не желаешь быть со мной, тебе неприятно мое общество?» Видимо, это твои слова, Рук. А вот ее ответ. *Вана* бла-бла-бла: я не желаю твоего общества».

Оживившееся лицо Силка отражало удивление, восхищение и даже... неужели нечто сродни зависти?

— Право слово, да ты нас всех опередил! Что,

мало тебе красоток миссис Бутчер? Ну ты даешь, шельма!

Шельма? Рук не понимал, о чем он говорит, а потом вдруг понял. Слова Силка эхом отозвались в его голове, и перед ним возник образ Тагаран — какой-то немыслимой, сладострастной Тагаран, пытающейся его соблазнить. Румянец залил ему щеки — горячая волна разлилась от шеи к лицу, ушам, затылку.

— Нет! Нет, что ты!

Силк улыбался и смотрел на него, многозначительно подняв бровь. У него в голове прямо-таки на глазах складывалась очередная история: «Наш молчаливый друг, мистер Рук, и его юная подружка Тагаран».

Спокойно, подумал Рук. Главное — любой ценой сохранять спокойствие, иначе эта история навсегда будет высечена в камне.

— Да нет, ты все не так понял. То, что ты там прочел… Она говорила не со мной, а с другой девочкой. — Рук так старался говорить непринужденно, что в его голосе появилась хрипотца. — Они заходят ко мне время от времени. Клянчат еду. И все такое.

Это уж точно достаточно скучно, да и врать не пришлось.

— Сам я в разговоре не участвовал, только записывал. Они поссорились. И одна из них ушла. Обиделась. Но потом вернулась.

Он слишком много оправдывался. Силк с улыбкой наблюдал за ним, закинув одну ногу на другую и слегка ею покачивая, и ждал, когда молчание все скажет за него.

— Одна из них оказалась отличным учителем местного языка.

«Одна из них». Пытаясь защитить Тагаран, он ее предал. Тагаран — не просто «одна из них». Таких, как она, больше нет, и каждая ее частичка неповторима.

— Мой дорогой Рук, — проговорил Силк, всем своим видом изображая учтивость, — можешь не объяснять. Мы ведь оба не вчера родились.

Не вчера родились! Однако лишь ребенок мог думать, что эти слова не попадутся никому на глаза. И лишь ребенок мог оказаться столь трагически наивным, чтобы их записать.

Силк не допускал даже мысли о том, что между Руком и местной девочкой могла возникнуть какая-то близость, кроме физической. И разве теперь я могу надеяться его переубедить, думал Рук, если я и сам не понимаю сути этой близости и не знаю, каким словом ее назвать?

«Мне следовало быть осмотрительней, — проклинал он себя. — Ведь я же знал, как легко Силк выведывает чужие тайны!»

Это место, где он поселился, было настолько необычным, что казалось неприкосновенным. Он позволил себе плыть по течению, позабыв о времени, пространстве и последствиях. Все вокруг замерло, пока они с Тагаран блуждали в далеком уголке космоса, где могло произойти невозможное. Но теперь железные законы времени и пространства вновь заявили о себе.

Его скрытность пошла только во вред. Теперь он это понял. Казалось, будто он что-то утаивал, хотя скрывать ему было нечего.

— Признаю, им свойственно некое невинное очарование, этим девочкам, — проговорил Силк. — И потрясающее отсутствие кокетства. Но Рук, друг мой, ты позволишь тебя предостеречь? Здесь, вдали от всех, ты, должно быть, не осознаешь в полной мере, но местные… Скажем так, губернатор обеспокоен. Эти нападения на Роузхилл… Возможно, тебе стоит быть осторожнее.

— Спасибо, Силк, — ответил Рук. — Очень мило с твоей стороны дать мне дружеский совет.

Очень мило, но что может знать Силк, который прочитал его слова сквозь призму похоти и стал

строить предположения, порочные до тошноты?

Он забрал у Силка записные книжки, встал и положил их на полку. Теперь, между «Каталогом звезд южного неба» Лакайля и «Морским альманахом» они стали невидимы. Такие маленькие, как первая зацепка на чулке — едва заметные и, казалось бы, совершенно незначительные. Но если от одной зацепки распустится вся ткань, чулок уже не заштопать.

* * *

Земля, изящно скользила по орбите, завалившись на бок — прямо как губернатор — и увлекая поселение на пик летнего зноя. Вот уже неделя прошла с его встречи с Силком, но их разговор все еще эхом отзывался у Рука в голове, точно волнение в воздухе, дрожь сомнения в собственном «я».

Еще не видя их, он услышал их голоса: «*Камара! Камара!*» — вниз по скалистому склону к его хижине со всех ног неслись Тагаран, Тугеар и Вороган. Больше никого — ни женщин, ни других детей, только они трое. Уже перевалило за полдень, когда они примчались к его порогу, тяжело дыша и заливаясь слезами.

— Боже мой! Что такое, что случилось?

Он никогда еще не видел Тагаран в таком смятении: лицо мокрое от слез, губы дрожат. Она надрывно втягивала в себя воздух и тряслась, точно загнанная лошадь. У нее на руке и на боку Рук заметил ярко-красные подтеки крови.

Она выдохнула целый поток слов, из которых Рук не разобрал ни единого.

— Заходите, ну же, погрейтесь!

Он расстелил на полу одеяло, подбросил хвороста в очаг. В хижине было небогато, но он налил им по чашке воды, отыскал старую зачерствевшую галету — свой скудный ужин — и дал каждой по кусочку, оставив себе на один укус. Тугеар сидела, обхватив руками колени, и рыдала, не притрагиваясь ни к еде, ни к воде.

Тагаран сделала глубокий вдох, стараясь успокоить дыхание, и вдруг громко икнула, потом еще раз. Криво улыбнувшись, она начала что-то говорить, но снова икнула, и самое страшное враз миновало: рассмеявшись, Тугеар принялась стучать Тагаран по спине, пока та не подняла локоть, давая понять, что уже хватит.

— Ну, теперь рассказывайте. Что случилось? В чем дело?

Тугеар и Вороган взглянули на Тагаран. Она принялась объяснять, но чересчур спешила. Рук

уловил лишь слова «белый человек», остальное было не разобрать.

— Я не понимаю, — сказал он. — *Мапиадьими.*

– *Пийидьангала уайтмана нгалари Тугеарна,* — повторила Тагаран, проговаривая каждое слово, чтобы ему было легче.

Пийидьангала — в этом Рук узнал знакомый корень, *пийи* — ударить. Умом он еще не успел понять смысл сказанного, а сердце у него уже сжалось. Белый человек ударил Тугеар. Не обязательно было выяснять все подробности, чтобы понять: он бы предпочел не слышать того, что они скажут.

Тагаран старательно изображала чье-то рассерженное лицо, размахивая рукой вверх и вниз. Рук словно видел это своими глазами, совсем явственно — какой-то разъяренный морпех или зарвавшийся каторжанин. На мгновение перед его внутренним взором возникли могучие плечи Бругдена, его занесенный для удара кулак.

Тагаран показала, что от побоев у нее на руке осталась длинная ссадина и болел палец, а на спине у Тугеар красовался продолговатый покрывшийся каплями крови синяк, похожий на след от палки. Тагаран подняла на Рука взгляд, полный боли и ярости.

Бережно взяв ее ладонь в свою, он осторожно согнул поврежденный палец, следя за выражением ее лица. Перелома не было, но он опух. Рук взял другую ее руку и сравнил опухший палец с остальными. Он действовал осторожно, стараясь не дотрагиваться до больного места, но Тагаран отдернула руку.

– *Дидьи дидьи!*

В ее голосе слышался упрек, хотя вряд ли он причинил ей боль.

Рук наклонился, чтобы получше разглядеть ссадину на спине у Тугеар, но та испуганно съежилась. Она не поворачивала к нему лица.

– *Миньин баракут, Тугеар, миньин?* — спросил он. Почему ты боишься, Тугеар?

Не глядя на него, она пробормотала:

– *Муллайин.* — Из-за тех людей.

Тагаран показала на ссадину, будто Рук ее не видел или не понимал, что девочке больно.

– *Дидьи мурри!* — Очень больно! — или что-то вроде того.

Рук невольно вспомнил о другом человеке, которого недавно били по спине у него на глазах.

Видела ли это Тагаран? Вряд ли. Но что-то в том, как она себя вела, подсказало ему, что слухи до нее дошли. Он не решался смотреть ей в глаза.

Тагаран снова взялась объяснять, что случилось, еще выразительнее размахивая руками. От ярости она едва не срывалась на крик.

Потом уставилась на него.

Рук знал, чего она хочет. Чтобы он стал задавать вопросы: «Кто это сделал? Почему? Где он сейчас?» Чтобы разделил ее негодование, надел мундир, пошел в поселение и разобрался с тем белым человеком, что их избил.

Но Рук чувствовал внутри тяжесть, не в силах переварить случившееся, будто съел что-то не то.

– *Нгиа мури йурора,* — произнес он. Я очень зол.

Но он знал, что в его голосе злости не слышно. Только щемящую неохоту, уклончивость.

– *Нгаларива?* — спросила Тагаран. На нас?

— Нет! Нет, конечно, не на вас!

Она поняла его столь превратно, что он удивленно поднял на нее взгляд. Встретившись с ней глазами, он понял: она задала этот вопрос лишь для того, чтобы он на нее посмотрел.

– *Камара нгйини пиаба?* — спросила она. *Камара*, ты поговоришь?

Он и подумать не мог, что однажды ему захочется понимать чуть меньше.

Это уже не урок иностранного языка. А разговор. Впервые они с Тагаран оказались по одну сторону языкового зеркала и просто разговаривали. Оба понимали друг друга. Стоит двум людям овладеть общим языком, за ним уже не спрятаться.

– *Нганава?* — спросил Рук. С кем?

– *Шарлотта биранг*, — ответила Тагаран. С тем человеком с «Шарлотты».

Значит, это не Бругден, а кто-то из моряков. Он представил, как его переправляют на шлюпке на борт «Шарлотты», как он просит увидеть капитана. «Сэр, кто-то из ваших людей избил трех местных девочек, я требую, чтобы вы нашли этого человека и наказали его».

Взглянув на него, капитан скажет: «Да что вы, лейтенант? Местных девочек, значит?»

Снизу приведут какого-нибудь матроса, и тот будет стоять с деревянным лицом, как его учили. Окажется, что у него давно наготове история о том, как он сошел на берег и девочки украли у него хлеб или трубку.

Рук так и видел эту сцену, но себя в ней представить не мог.

А перед ним, точно живая картина, сидели девочки — все темные руки да склоненные набок

лица — и не сводили глаз с лейтенанта Рука, пытавшегося вообразить невозможное.

– *Йенараоу бискет?* — спросила Вороган. Можно я возьму остатки галеты?

Он-то думал, что угостит их, припася немного и для себя, но от них ничего не утаишь. Ни галету. Ни уж тем более то, что *камара* не станет за них заступаться.

Рук принес остатки галеты и попытался развеселить девочек своими безуспешными попытками разломать ее, гримасничая и кряхтя, — притворяться не пришлось: она была твердая как камень. Наконец он взял лежавший у очага топорик и раскрошил ее на три части.

Вороган и Тугеар охотно повеселились над его актерской игрой. Он ждал, когда и Тагаран его простит.

Протягивая ей кусок галеты, он показал на ее палец.

– *Мурра бидьул?* — спросил он, надеясь, что это значит «палец лучше?»

– *Биал, карангун,* — поморщилась Тагаран, мотая головой. Видимо, стало только хуже. И все же она, казалось, смирилась с тем, что ничего, кроме сочувствия, от него ждать не приходится.

Когда с кусочками галеты было покончено,

Тагаран, изображая из себя хозяйку, принялась рассказывать девочкам, какие тайны скрывает его хижина. Показала, как высекать искру с помощью кремня, как точить топор на оселке, открыла коробку с секстаном. Погрозила пальцем, предостерегая, что трогать его нельзя, и показала наверх. Как и она сама в тот первый день, девочки посмотрели на изнанку кровли, после чего Тагаран произнесла длинную череду слов, смысл которых, насколько понял Рук, сводился к следующему: «Да нет же, глупышки, не на крышу, а на звезды!»

Вещей в хижине было совсем немного, и Рук прекрасно понимал, что Тагаран намеренно обходит стороной то, что стоит в углу за дверью: его мушкет. Крючков и полок не хватало, поэтому дуло служило удобной вешалкой для мелких предметов одежды. Обычно Руку удавалось не думать о том, что это оружие, но теперь он четко осознавал: в углу стоит ружье, и Тагаран нарочно не обращает на него внимания.

Потом Тугеар что-то сказала, и девочки собрались уходить — внезапно, словно стая щебечущих пташек, которые сели на траву, а потом вдруг разом упорхнули, чего-то испугавшись.

Рук смотрел, как они взбираются по скалам. По-

чти на самом верху они обернулись и помахали.

— До свидания! До свидания! До свидания!

Как же им нравилось это повторять…

Он махал, пока они не скрылись за гребнем кряжа, и даже тогда продолжал стоять на том же месте, глядя наверх.

Вернувшись в хижину, он не смог и дальше отрицать суровую очевидность того, что он оплошал. Тагаран хотела невозможного. Он вновь представил себе, как поднимается на борт «Шарлотты», стучит в дверь капитанской каюты, как тот поднимает на него взгляд. «Местные девочки, говоришь?»

Невозможно.

Должно быть, Тагаран предвидела, что он провалит проверку, и заранее его простила. Она лишь удостоверилась в том, что уже знала. В этом, как и во многом другом, она его опередила.

Они все знают, отчего он предпочел отвернуться: как ни крути, он из числа *беревалгал*. Он носит красный мундир. Берет в руки мушкет, когда ему приказывают. Он стоял истуканом, пока мужчину хлестали плетью. И не решился бросить вызов белому человеку, который избил его друзей.

Все прошедшее время он притворялся, что это не так. Здесь, в его хижине, существовал

особый мир — мир, который он делил с Тагаран и остальными. И находился он на совершенно иной орбите, нежели тот, в котором жили ему подобные. Но человек не может одновременно идти двумя разными путями. Тагаран это знала. А теперь знал и он.

Его день омрачило осознание того, что он до сих пор отрицал: та радость, которую приносили ему разговоры с Тагаран, отбрасывала тень. Сегодня эта тень лишь слегка задела его. Но она вернется. То, что связывает их с Тагаран, стало величайшим счастьем в его жизни. Но вместе с этим счастьем, неотделимая от него, родилась целая вселенная невозможности.

* * *

В этом особенность Сиднейской бухты, думал Рук: летом к вечеру каждый день поднимался северо-восточный ветер — так исправно, будто кто-то на бесконечных водных просторах Тихого океана получал жалованье за то, что открывал форточку. Поросшие лесом верхушки мысов трепетали под порывами ветра, которые окрашивали воду в цвет пушечного металла.

Рук хотел было уничтожить записи. Переписать их, опустив все то, что могло быть неверно

истолковано, и сжечь первоисточник. Он даже сел за стол и открыл чистую записную книжку, но так и не смог себя заставить. Перечитывать записи, высматривая в них то, что может быть понято превратно, значило бы извратить их самому. Ему пришлось бы взглянуть на них таким же порочным взглядом и тем самым замарать себя. Вычеркни он из них что-нибудь, это лишило бы их жизни. Вышло бы нечто вроде чучела попугая — правдоподобное, но ненастоящее.

Рук обрадовался, когда увидел, как по скалам спускается Баррингган, услышал голос Бонеды — «*камара! камара!*» — и различил в лучах солнца силуэт Тагаран. Но на сердце у него была не только радость. Можно ли желать чего-то и одновременно этого страшиться? Сильные, противоречивые чувства сдавили ему грудь, и он не смог ответить на ее приветствие.

На этот раз дети не бросились гурьбой в его хижину. Но Тагаран зашла, и Рук последовал за ней, невольно бросив взгляд на кряж и опасаясь увидеть там молодцеватую фигуру Силка.

Тагаран тут же направилась в угол, сняла накинутый на дуло мушкета платок и взяла оружие в руки. Рук хотел было ее остановить, но она уже прижала приклад к плечу и положила палец на

спусковой крючок. Теперь она, прищурившись, смотрела вдоль ствола, делая вид, будто умеет целиться.

Где она этого насмотрелась? И почему решила попробовать только сейчас?

В его памяти всплыл день высадки — отчетливо, точно гравюра в рамке: Веймарк — показывает, какое мощное оружие есть у белого человека, и он сам — смеется над словами хирурга, без обиняков растолковавшего, что мушкетная пуля способна сделать с человеком. На самом деле Руку было совсем не смешно. И теперь он не мог взять в толк, что за бес в него вселился, раз он вздумал тогда смеяться.

Слух об этом зрелище наверняка разлетелся по окрестным племенам. Тагаран, скорее всего, тоже слышала. Может, и сейчас она думает о том же?

Неодобрительно улыбнувшись, Рук забрал у нее ружье и поставил его обратно в угол.

Но она снова схватила его и засунула в дуло палец. Она хотела знать: «Как из него вылетает пуля?»

Губернатор приказал морпехам скрывать от местных, что ружье необходимо заряжать. «Пусть думают, что оно стреляет само по себе, действует столь же мгновенно и незамысловато, как их

собственные копья, — сказал он. — Ради нашей же с вами безопасности не позволяйте им видеть, как вы заряжаете ружья».

Поэтому Рук покачал головой, поднял вверх большой палец и спросил ее, как он называется. Тагаран отказывалась отвлекаться. Сегодня ее настойчивость отличалась от того привычного любопытства, с которым она спрашивала, как открыть чернильницу или зачем нужна пряжка на башмаке.

А может, ему только кажется, что в ней что-то переменилось, из-за той тени, что нависла надо всем?

В итоге, будучи не в силах ей отказать, Рук решил уступить отчасти. Не взирая ни на приказ, ни на то, что ему отчаянно не хотелось этого делать, он снял с крючка мешочек с дробью и вытряхнул на ладонь пулю. Тагаран схватила ее, взвесила в руке и попробовала на зуб, потом отдала обратно. Рук опустил пулю в дуло и протолкнул шомполом.

Тагаран внимательно следила за его движениями. Всмотревшись в ее лицо, Рук понял: она забыла, что он *камара*. Пока что он — не более чем источник нужных ей знаний.

Его руки так привыкли к этой последователь-

ности шагов, что он запросто мог бы зарядить мушкет с закрытыми глазами. В Портсмуте они без конца проходили строевую подготовку, одну за другой выполняя команды сержанта. Теперь это казалось Руку невероятным, но когда-то ружье представлялось ему всего лишь чудом логики и механики.

Он заметил в лице Тагаран намек на то же восхищение, и ему захотелось сказать ей: «Нечем здесь восхищаться».

Он надеялся, что возни с зарядом и шомполом окажется достаточно, но Тагаран не так-то просто было провести. Показывая пальцем на пороховую полку, на напоминающий утиный клюв боек и кремень, она потребовала, чтобы он объяснил, зачем они нужны, и Рук показал ей, как боек, ударяясь о кремень, высекает искру. Но Тагаран знала: там, в мешочке, что лежит на полке, есть что-то еще.

Церемонно и нарочито осторожно он развязал мешочек и вытряхнул на ладонь немного пороха. Потом насыпал щепоть на полку мушкета, но самое главное упустил: за зарядом не было пороха, который должен был вытолкнуть пулю из ствола.

По крайней мере, по букве закона он все еще не

нарушил приказ.

Они вышли из хижины. Рук ожидал, как обычно, увидеть сидящих вокруг костра женщин, Бонеду и других ребятишек, снующих по скалам к воде и обратно, но в этот раз вокруг никого не оказалось.

— Где Мауберри, где Бонеда? — спросил он у Тагаран, но та пропустила его вопрос мимо ушей. Ей хотелось одного: увидеть, что он будет дальше делать с ружьем.

Было нечто странное, нечто настораживающее в том, как безлюдно стало вокруг. Хотя, может, это и к лучшему, подумал Рук. Дети испугались бы шума.

Тагаран думала встать у него за спиной, но он велел ей отойти на несколько метров назад. Округлив глаза, она наблюдала, как он притворно целится и спускает курок. Кремень ударился о сталь, искра подожгла порох на полке. При яркой вспышке Тагаран отпрянула и вскрикнула, но скорее от восторга, нежели от испуга.

Лицо Рука ожесточилось от встревоженных этим звуком переживаний.

— Ну вот, — подытожил он, опустил мушкет и поставил его прикладом на землю. — Я все тебе показал, теперь довольна?

Но Тагаран не купилась на его уловку. Она знала: несмотря на шум и вспышку, пуля все еще в стволе.

Вот бы она всего на один день чуточку поглупела!

Движениями, смысл которых уловил бы даже полный идиот, она объяснила ему, чего хочет: чтобы свинцовая пуля — тут она взяла одну из них и показала ему — вылетела из дула.

Не будет он этого делать. Грохот и вспышка дополняли очарование этого механизма подобно фейерверку или ноте, что музыкант извлекает из тубы. Но выстрелить из него куском металла, который способен пробить щит или человеческое тело, обнажив внутренности, — это совсем другое дело, другой язык. Язык, который говорит: «Я могу убить тебя».

Рук не хотел, чтобы она узнала этот язык. Уж точно не от него.

— Нет. И не проси. *Биал. Биал.*

Она насупилась, принялась клянчить, выпрашивать. Потом надулась и назвала его словом *тамуналанг* — «тот, кто отказывает», или, как он понял, «мужлан».

Сначала Рук решил, что это игра под названием «Тагаран добьется своего». Но она все настаи-

вала — схватила мушкет за ствол и пыталась всучить ему. Руку было тошно на это смотреть: сама невинность хочет поиграть со смертью.

Она же видит, каких мучений ему стоит управляться с ружьем, вспоминать о том, что он солдат, что насилие — его работа. Так зачем же настаивать?

— Нет! Не проси, умоляю тебя!

Он не знал, как высказать это на языке *кадигал*. Умолять ее ему еще не приходилось.

Выхватив у нее эту треклятую штуковину, он убрал ее за спину, чтобы Тагаран не смогла дотянуться, и схватил ее за запястье, не давая вновь ухватиться за ружье. Ручка у нее была тонкая, как прутик, но сильная. Он чувствовал, как напряглись ее сухожилья.

— Все, хватит! — не выдержал он. — Прекрати настаивать! Я же сказал нет!

Он услышал гнев в собственном голосе — услышала его и Тагаран. В ответ она разразилась бурным потоком слов, яростно осыпая ими Рука. Он отпустил ее, и она отступила на шаг назад. Они смотрели друг на друга. Он вдруг понял: это не игра.

Рук был в смятении. Ему и в голову не приходило, что однажды он применит против нее силу

или разозлится на нее.

Он смотрел на ее ожесточившееся лицо, наполовину скрытое за волосами, ее волевой подбородок. И не понимал, что произошло, — знал только, что все дело в проклятом ружье. Уж лучше бы он выстрелил. Его гнев что-то искорежил похлеще любого выстрела.

Тагаран отвернулась и направилась прочь. Он шагнул вслед за ней.

— Завтра, — сказал он ей вдогонку. — *Паррибуго*. Ты вернешься завтра?

Не глядя на него, она ответила:

— До свидания, *камара.*

Какое ужасное слово. Ответить на ее прощание он не смог. Оно резало, словно нож.

– *Паррибуго*. Я буду здесь. *Паррибуго!*

Но она уже ушла. Он глядел, как она взбирается вверх по тропе, без устали переставляя по камням длинные тонкие ноги. Ждал, что она обернется. Тогда он помашет ей, позовет назад. Побежит по тропе ей навстречу.

Но она не обернулась.

* * *

Когда Тагаран ушла, Рук сел на край кровати. У него дрожали ноги, а к горлу подступил ком,

точно что-то рвалось изнутри.

В воздухе еще висел запах пороха — той щепотки, что он подорвал по ее просьбе. От этого запаха он был сам не свой, мысли путались.

И зачем Тагаран понадобилось выяснять, как стрелять из ружья?

В голове всплыл ответ. А если предположить на мгновенье, что местные поручили Тагаран выучить язык племени, прибывшего издалека? Узнать обычаи чужаков? Может, даже разобраться, что означают те отметки на бумаге, которым они придают такое значение? Понять внутреннее, скрытое устройство их ума, обычаев, верований и чувств?

А заодно, быть может, и выяснить, как работают ружья. В чем их сила, и каковы ее границы. Что ей могут противопоставить люди, вооруженные копьями и деревянными щитами.

Такая умная девочка, как Тагаран, отлично подходила на эту роль — смышленая, и притом невинная. Она любопытна, у нее полно вопросов, но она всего лишь ребенок. Он вспомнил, как быстро она впитывала новые слова, услышав их всего раз, с какой поразительной быстротой улавливала смысл целых предложений. Она успела усвоить куда больше того, чему научила его.

С самого начала он видел в Тагаран источник знаний. Он возомнил, что назначил ее на роль своего учителя. Честолюбие вселило в него излишнюю самоуверенность.

Какой бы жестокой ни была правда, он заставил себя ее признать: дружба с Тагаран ему льстила.

Теперь же ему стало казаться, что все это время его, попросту говоря, использовали.

Было больно осознавать, что его держали за дурака. Но не потому ему перехватило горло, точно он разучился дышать. Его душила боль при мысли о том, что на самом деле ей вовсе не было приятно его общество. Она ценила его лишь за то, что он мог ей дать.

Именно так он сам поначалу относился к ней. До сих пор — а теперь, должно быть, уже слишком поздно.

* * *

На следующий день, записав полуденные показания приборов, Рук отправился вверх по тропе. Поднявшись на вершину кряжа, он не оглянулся на поселение — он смотрел в другую сторону, туда, где раскинулась бухта, прозванная Длинной. Он часто видел там столбики дыма, а Тагаран рассказывала, что в спокойных водах этой узенькой

бухты водятся сердцевидки и пухлые устрицы. Однажды они вместе дошли до большого камня, откуда виднелся лагерь туземцев — пара шалашей из древесной коры, расчищенный клочок земли, костер. Тагаран дала понять, что ему дальше нельзя, и он не стал настаивать. Решил, будет еще время, как-нибудь в другой раз.

Теперь, добравшись до этого камня, он увидел, что бухта опустела. Посреди лагеря лежала куча остывших углей. Шалаши остались на прежнем месте, но людей в них не было.

Рук ощутил внутри гнетущую пустоту, словно потерял что-то и никогда уже не сможет отыскать.

Он присел на камень, служивший границей между его миром и тем, где жила Тагаран. Солнце уже покинуло глубокую складку бухты. Вода в ней почернела, хмурые мангровые заросли сливались со своим отражением.

Еще немного и солнце скроется за кряжем на том берегу. Земля неумолимо катилась вперед, унося с собой искорку жизни по имени Дэниел Рук. Что бы ни происходило здесь, среди скал и деревьев, где люди в смятении духа проживали свои дни, Земля все так же вращалась вокруг своей оси, описывая гигантский эллипс. Солнце

безупречно уравновешивало ее стремление вырваться в просторы космоса, утягивая ее обратно. И не важно, видел ли это человек: Солнце все так же светило и притягивало Землю, все так же удерживало ее своей могучей дланью.

По воде пробежала рябь, две утки перелетели с одного места на другое. Где-то на дальнем берегу раз за разом издавала один и тот же звук какая-то птица: «Уик! Уик! Уик!» — монотонно, как пастух, который считает овец, заводя их в загон. Посреди темной бухты по воде побежали круги, один за другим расползаясь в стороны ровными кольцами.

Во всем этом Рук видел лишь внешнее — оболочку, лишенную наполнения. Слышал птичий крик, видел рябь на воде. И все. Понимал он не больше собаки.

Живя в Портсмуте, он знал — так твердо, что и забыл, где научился этому, — что если листья платанов пожелтели и стали кожистыми, значит грядут холода. А если вокруг луны появился светящийся жемчужный ореол, завтра о гальку будут биться волны. Эти знания о листьях и луне были связаны с другими, и все они сплетались в огромную сеть природных закономерностей.

В Новом Южном Уэльсе ему не удавалось

увидеть некий высший смысл в том, что его окружало. Из-за этого здешняя жизнь казалась ему странным образом бессвязной и утомительной, словно приходилось двигаться вслепую.

Тагаран внутренние взаимосвязи этих краев были знакомы так же хорошо, как ему — портсмутские. Наверное, там она тоже чувствовала бы себя слепой, как и он здесь.

Однажды она попросила его рассказать о тех местах, откуда он родом.

— Там бухта, похожая на эту, — ответил он, показывая, что он имеет в виду.

Потом бросил взгляд на другой берег, на земли племени *каммерагал*, и представил, будто видит перед собой Портсмутстскую бухту и Госпорт[28] по ту сторону.

— Там недалеко до другого берега, почти как здесь.

Тагаран с серьезным видом слушала, глядя туда, куда он показывал.

Он вспомнил, как ребенком, в ее возрасте, день за днем сидел на каменистом берегу у подножия башни — даже продрогнув до костей, он с ужасом думал о возвращении в академию. Тот мальчиш-

---

[28] Сноски: 28

Госпорт — город и порт, расположенный на западном берегу Портсмутской бухты.

ка мечтал начать все с чистого листа, оказаться там, где он сможет вернуться к точке отсчета, где его не будут преследовать прежние неудачи. И в числе прочего он грезил о том, что там не будет слов. Теперь, посреди этого дикого края, на самом далеком из континентов, его детское желание осуществилось. Он дивился этому чудесному обнаженному перерождению.

— Там хорошо, — прибавил он.

Зачем было так говорить, если это неправда? Так бывает, когда приходится обходиться десятком слов. Чтобы выразить правду, нужна либо сотня слов, либо их отсутствие.

Тагаран тогда кивнула. Ей казалось, что она поняла, но разве могла она его понять? Рук не стал пытаться объяснять ей, как все было на самом деле, какое одиночество можно испытывать среди себе подобных.

Каково это — быть Тагаран? Вот так запросто бродить по лесам босиком и нагишом, будто шагаешь по Черч-стрит?

Рук огляделся, но кроме него на холме никого не было. Не в силах сопротивляться внезапному порыву сродни голоду или жажде, он расстегнул пряжки на башмаках, стянул истоптанные гетры и босиком встал на родную землю Тагаран. Его бе-

лые стопы были похожи на тех жирных гусениц, которых видели здесь в гниющей древесине — такие же уязвимые, слабые на вид. Осторожно пройдя несколько шагов по тропе, он ахнул — в пятку воткнулось что-то острое. Оказалось, он всего-навсего наступил на прутик размером с зубочистку. Неужели такая мелочь помешает ему ходить босиком, как Тагаран?

Всю жизнь он предпочитал уединение обществу других людей. Теперь же ему было не по себе, точно от сильной жары или холода, голода или жажды. Но все это было тут ни при чем. Просто отныне самого себя ему было недостаточно. Среди всех людей, живущих на земном шаре, был некто, кого ему не хватало.

Ценный урок для человека, возомнившего, будто он знает почти все.

Глупо было отстаивать свое почетное звание солдата Его Величества. Надо было просто выстрелить из этой чертовой штуковины и позволить Тагаран делать собственные выводы.

* * *

Вернувшись в хижину, Рук достал записные книжки, хранившие их разговоры. Совсем небольшие, они помещались в ладонь. Ничего

драгоценнее этих потрепанных и неказистых тетрадок у него никогда не было.

Вряд ли Тагаран вернется. Написанное на этих страницах — все, что у него от нее осталось.

Он наугад открыл одну из книжек. На глаза попалась та первая, исполненная воодушевления запись: «*Маррай* — мокро». Он помнил свое тогдашнее ликование. Надо же, он был так доволен собой, что даже точку поставил.

Его ужаснула уверенность, с которой он делал те записи. Какое неоправданное ликование, какой недопустимый догматизм скрывался за этой точкой! *Маррай*. Что ж, это, и правда, могло значить «мокро». А еще «капля дождя» или «на твоей руке». А еще «грязно» или «грязь», ведь капли воды оставили темные разводы на его пыльной ладони. А еще «розовый» — цвет самой ладони, или «кожа», или «запутанная у тебя линия любви, голубчик», как однажды сказала ему цыганка на портсмутской ярмарке.

Но записав перевод именно так, с маленькой точкой в конце, он исключил всякую возможность сомнений. Никто больше не поставит под вопрос значение этого слова. Ему это казалось наукой, но на самом деле представляло собой самый страшный домысел — тот, что принят за истину.

К тому же теперь-то он, разумеется, знал, что *маррай* вовсе не значит «мокро», что это аугментатив, нечто вроде слова «очень».

В тот первый день, когда местный мальчик выбежал из хижины, Тагаран сказала *йеннаррабе*, и Рук тогда был уверен, что она имеет в виду: «Он убежал». Теперь-то ему стало ясно, что он слишком спешил ее понять. Он взял перо, окунул его в чернила и, превратив точку в запятую, приписал: «точное значение этого слова пока неизвестно».

Потом его глаза скользнули по длинной записи, которую вслух зачитывал Силк, и он вновь пережил ту неловкость: «*Горедьу тагарин* — я это больше (то есть я уберу больше) от холода. То есть согреюсь. В это время Тагаран стояла нагая у огня, и я предложил ей надеть что-нибудь из одежды, на что она ответила *горедьу тагарин*. Целиком это означает: я буду или предпочитаю оставаться обнаженной, чтобы быстрее согреться, поскольку у огня приятнее стоять без одежды, нежели если бы теплу пришлось проникать сквозь нее».

Он истолковал слова Тагаран весьма затейливо, но неверно. Ведь, хотя слово *горе* и означало «согревать», *горедьу* могло переводиться совершенно иначе.

Между строк оставалось достаточно места,

чтобы Рук смог признать свою ошибку. «Это неверно. *Горедьу* переводится иначе. *Горе* значит „согревать“».

Он возомнил, что чем-то лучше Силка, наивно и самоуверенно полагавшего, будто у каждого слова есть точное и недвусмысленное соответствие в другом языке и что ими впору обмениваться подобно тому, как за один испанский доллар можно выручить два шиллинга и пять пенсов. Теперь Рук понял, что и сам уподобился ему. Все эти списки глаголов, алфавит, растянутые, словно сеть, страницы: «Другие окончания того же глагола».

На деле освоение сиднейского языка строилось совсем иначе. И сам язык, и его изучение выходили за те рамки, в которые Рук пытался их вогнать. И то, что он только что сделал, служило подтверждением. Груз неизведанного заставил его выдумать новый язык, знакомый ему еще хуже, чем наречие племени *кадигал* — язык сомнений, язык готовности признать: «Я не уверен».

Он научился у жителей Нового Южного Уэльса тому, чего не почерпнул ни из латыни, ни из греческого. А именно: нельзя выучить язык, не построив взаимоотношений с людьми, которые говорят с тобой на нем. Его дружба с Тагаран

являла собой нечто большее, чем список предметов или слов, обозначающих то, что можно или нельзя съесть, можно или нельзя бросить. Они не спеша строили карту взаимоотношений.

Для того, кто стремится по-настоящему познать их, имена вещей не сводятся к словам: пробелы между ними не менее важны. Выучить язык — не значит соединить «две любые точки общей прямой». Это значит — окунуться в мир другого человека.

Чтобы понять движение небесных тел, необходимо оставить позади все, что знаешь. Пока не взглянешь на свой мир извне, со стороны, ни за что не увидишь, как взаимодействуют все его части.

Благодаря Тагаран он смог мельком увидеть, что всему отведено свое место. И его страшила мысль, что этим все и ограничится — мимолетным проблеском.

Часть четвертая. В их числе

Потом Бругден приполз в поселение с полуметровым обломком копья в груди. Рук узнал об этом от полкового посыльного, который, тяжело дыша, прибежал к нему в хижину.

— Егеря ранили, сэр. Ему недолго осталось.

Он так запыхался, что с трудом выговаривал слова, но в его голосе сквозило радостное волнение: «недолго осталось» — для этого раскрасневшегося, розовощекого юнца то были просто слова.

Рук воспринял новость безучастно. Удивило его лишь то, что он ничуть не удивился. Когда он услышал эту весть, внутри него, там, где некогда жило счастье, а теперь осталась лишь пустота, что-то окаменело. Для него то волшебное, невероятное время уже закончилось. Вполне естественно, что и для остального мира оно подошло к концу.

— Майор Уайат просит доложить, — посыльный зажмурился, стараясь ничего не забыть, — чтобы лейтенант Рук изволил явиться в казармы к шести часам вечера, сэр, и выражает свое по-

чтение, вот.

Рук задумался: не сказаться ли больным, велеть мальчишке передать, что «лейтенант Рук выражает свое почтение, но он занемог».

Нет, майора Уайата так просто не проведешь.

— Сэр, мне велено доложить, что это приказ, — прибавил посыльный, — и что лейтенант Рук обязан явиться… — тут он осекся, стараясь припомнить слова майора, — …одним словом, во что бы то ни стало.

* * *

Мрачная весть накрыла поселение подобно паводку, и настроение в казармах стояло хмурое. Бругдена наделили полномочиями солдата, хотя он и свободным-то не был. Всем присутствующим это с самого начала пришлось не по душе, как и сам егерь. Но все понимали: теперь уже ничто не будет как прежде, ведь Бругден лично прислуживал губернатору.

Силк был в центре внимания. Он, казалось, уже успел выяснить все подробности.

— Егеря отправились в так называемые Земли кенгуру, что недалеко от залива Ботани, — рассказывал он. — Там увидели, что к ним крадутся туземцы с копьями в руках, и забеспокоились.

Бругден им говорит: «Не бойтесь, я их знаю».

В комнате стало тихо: все смотрели на Силка, будто видели ту сцену, что он так живо обрисовал. Но у Рука в голове мелькнула мысль: откуда Силку знать, что все было именно так?

— Кладет ружье на землю и начинает что-то им говорить на их языке — видимо, успел подхватить пару слов, как и некоторые из присутствующих. И тут один из них выскакивает из-за поваленного дерева и без предупреждения бросает в Бругдена копье — прямо в бок. Там оно до сих пор и пребывает.

Он огляделся, точно ждал рукоплесканий.

— Ну и… — Уилстед не мог подобрать нужных слов.

— Ах, да — он еще жив. Копье вошло промеж ребер, но на месте его не убило.

Все сидевшие за столом зашевелились — облегченно, отрезвленно и даже… неужели разочарованно? Насилие ободряет. Когда его жертвой становится кто-то другой, кровь вскипает в жилах, все вокруг обретает своеобразный лоск.

Рук поразился резкости собственных суждений.

Силк еще не закончил.

— Да, он еще жив.

Он говорил как бы между прочим, и слушателям приходилось наклоняться поближе.

— В итоге он, конечно, умрет. Хотя смерть едва его не миновала.

— Вот же бедолага, — шепнул Руку сидевший рядом Тимпсон. — На его месте мог оказаться любой из нас. Помяни мое слово, теперь назад дороги нет.

Но тут Силк повысил голос, перекрикивая общий гам.

— Одного из местных привели в лазарет. Он сказал, что за любой попыткой вынуть копье немедленно последует смерть.

За столом воцарилось молчание. Рук ощутил где-то глубоко внутри гнетущую, потаенную и неотвратимую тоску, похожую на копье, что проткнуло Бругдена. Должно быть, ему нестерпимо хочется вырвать его из груди. А ведь это хуже всего — знать, что нельзя. И сгинуть вот так, чувствуя его у самого сердца — врага, что ближе возлюбленной.

«Егерь». Уж не это ли слово убило Бругдена?

— Варунгин осмотрел копье, — продолжал Силк, — и без малейших сомнений заключил, что виновен некто Карангарай, из племени залива Ботани.

Рук и раньше слышал от Варунгина о человеке по имени Карангарай. Быть может, виновник даже приходил вместе с другими к нему в хижину посмотреть, как Варунгин изображает майора Уайата.

Рук кожей чувствовал наполнивший комнату гнев, словно сквозняк или повисший в воздухе запах. Он забился в угол в самом конце длинного стола. Как бы ему сейчас хотелось оказаться в своей хижине, и чтобы свеча отбрасывала теплый свет, и чтобы настал вчерашний день, и чтобы Бругден расхаживал по округе, как и раньше, без копья меж ребер…

Что-то закончилось, и началось нечто новое. Лучше бы ничего не заканчивалось и не начиналось.

— Оружие — вот единственный язык, понятный этим недоноскам! — подал голос Леннокс. — Говорю вам, пара смертей, и мы навсегда от них избавимся. Забудьте всю эту болтовню о дружелюбии и доброте.

Майор Уайат, сидевший во главе стола, смотрел в пустоту, будто и не слышал.

Силк взял на себя роль примирителя.

— Пока мы с вами беседуем, его превосходительство раздумывает, как следует поступить, —

сказал он. — Он даже изволил спросить моего мнения относительно того, какое развитие событий наиболее предпочтительно. Уверяю вас, господа, он владеет положением дел и готов действовать на благо каждого из нас.

Рук встретился взглядом с Уилстедом, сидевшим напротив, — тот закатил глаза.

— Вопрос в том, когда, — тихо сказал он Руку, прикрывая рот рукой. — Сколько еще они будут оставаться безнаказанными, сколько времени пройдет, прежде чем губернатор сделает наконец то, что должен был сделать давным-давно?

Решив не пропускать это мимо ушей, майор Уайат прогремел с другого конца стола:

— Лейтенант Уилстед, буду вам очень признателен, если вы избавите нас от дальнейших замечаний!

Леннокс продолжал рассуждать о том, на что способен мушкет:

— Чего проще схватить пару местных из тех, что тут разгуливают, — предложил он. — Пусть знают. Новость быстро донесется до остальных. Они ведь все заодно.

— Никому из них нельзя доверять, — подтвердил Уилстед. — Всем известно, что они никогда не дерутся на равных. Нет же, они отсиживаются

в засаде, таятся, улыбаются, а потом нападают, увидев, что ты безоружен. У них в языке даже слова «вероломство», наверное, нет.

Услыхав, что речь зашла о языке, Силк бросил взгляд на другой конец стола, где сидел Рук, но промолчал.

Рук понятия не имел, есть ли у местных слово «вероломство». Их беседы с Тагаран никогда не касались подобных тем.

Да и на его родном языке это слово обладало более широким значением, чем то, которым оно наделялось. Его смысл сводился к тому, чему мужчин за этим столом научил некий свод правил. Отказ сражаться в соответствии с ними приравнивался к вероломству.

Но можно и иначе взглянуть поступок местных, думал Рук. Он представлял себе, как это объяснил бы Варунгин. К ним домой явились незваные гости. Они вели себя дружелюбно, принесли с собой небольшие подарки. Но потом они остались — дольше, чем приличествует гостям, и стали менять все вокруг, как им заблагорассудится.

У его бабушки была присказка на такой случай. «Две вещи на третий день начинают смердеть, — говорила она. — Рыба и гости».

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, Рук услышал снаружи шаги. Он тут же вскочил из-за стола, в спешке опрокинув стул. Едва не падая, ринулся через всю комнату к двери. Нет, это не Тагаран.

Силк был непривычно угрюм. Войдя в хижину, он, не дожидаясь приглашения, сел у огня.

— Ну что, Рук, — начал он. — Похоже, нам предстоит довольно важный поход.

Рук принялся разливать по чашкам сладкий чай.

Силк сам ответил на вопрос, которого Рук не задавал.

— К заливу Ботани, — уточнил он. — Туда, где напали на Бругдена. Сегодня днем меня вызывал губернатор. Велел организовать карательную экспедицию, и я имею честь ее возглавить.

Рук заметил, что глаза у него блестят, а уголки губ чуть приподняты, что шло вразрез с его серьезным тоном.

— Поздравляю! — отозвался Рук, поднимая кружку.

— Спасибо! Должен признать, приятно видеть, что губернатор отметил мои старания.

— Карангарай. Кажется, так его зовут? Винов-

ника?

Рук говорил непринужденно, но с любопытством отметил, что сердце у него забилось быстрее. Решив, что он поднял чашку в знак тоста, Силк с ним чокнулся.

— Именно так, Карангарай, и указания мне даны незамысловатые. Велено привести шестерых местных, которые живут в глубине залива Ботани.

— Шестерых? Не только Карангарая?

— Вообще-то, между нами говоря, губернатор хотел, чтобы мы привели десятерых. Я намекнул, что и шестерых будет достаточно, чтобы преподать им урок, и он соблаговолил со мной согласиться.

— Десятерых, — повторил Рук. — Ясно.

Но Силку до цифр дела не было.

— Когда губернатор спросил, кого я хочу взять с собой, первым делом я, разумеется, назвал твое имя. Пойдете вы с Уилстедом и я сам. Два дня, тридцать рядовых, двойные пайки.

Рук гладил пальцем край кружки, где в месте скола побежала трещина. Он представил: колонна солдат, шагающих через лес — тридцать рядовых и офицеры, двойные пайки в рюкзаках за спиной, у каждого с плеча на лямке свисает

мушкет.

Он так и видел эту картину, слышал клацанье покачивающихся при ходьбе чайников, треск веток под ногами. Но себя среди них представить не мог. Не мог вообразить себе, что встанет в этот строй с компасом в руке и ружьем на плече.

Напоминание о том, что он солдат — человек, который поклялся служить и повиноваться, — было сродни попытке открыть дверцу на проржавевших петлях.

— Нет, — не думая, выпалил он. Едва он произнес это слово, как тут же понял, что сделал правильно. — Не думаю. Нет.

Хлипкая дверь хижины подрагивала под порывами ветра, на крыше обсерватории трещала и хлопала парусина.

Силк ковырял побелку на дощатой стене. Белая частичка медленно опустилась на стол, дерзко блеснув в луче заходящего солнца, что пробивался сквозь щель в промазанных глиной досках.

Он будто и не слышал.

— Губернатор меня спросил, кого из офицеров я предпочел бы взять с собой. Я назвал. Рука и Уилстеда.

Послюнявив палец, он приклеил обратно несколько отвалившихся хлопьев побелки.

— Понимаешь? Я назвал твою фамилию, Рук.

Полоса света опустилась на алое плечо его мундира, и его лицо погрузилось в тень.

— Думаю, отказы не принимаются.

Тридцать солдат шагают через лес, каждый смотрит себе под ноги и в спину идущему впереди. А из-за деревьев и со скал за ними наблюдают местные. И видят, что *камара*, друг Тагаран, человек, который начал осваивать их язык, шагает вместе с ними, с мушкетом на плече.

Рук не мог подобрать слов, которые заставили бы Силка отвязаться.

— Знаешь, — воскликнул он, слыша нечто дикое в собственном голосе, — я тут выяснил, что у них есть двойственное число, как в греческом. А еще, кажется, двойственная форма местоимений — я не уверен, но у меня есть примеры… «Мы с тобой», или «все мы», или «мы с ними, но без тебя», и все это в одном местоимении! В то время как английский проводит лишь самые грубые разграничения! Представляешь, Силк, язык этого народа не менее податлив, чем язык Софокла и Гомера!

Он не собирался останавливаться. От воодушевления он повысил голос и размахивал руками, показывая, что значит «мы с тобой», или «все

мы», или «мы с ними, но без тебя».

— Рук, это все чрезвычайно увлекательно, — прервал Силк. — Но речь сейчас не о Софокле и Гомере. А о том, что я назвал твое имя в разговоре с губернатором. Он слышал твою фамилию и знает, что у тебя лучше всего получится провести нас туда и обратно так, чтобы мы не сбились с пути. Так что, старина, в среду отправляемся — два дня в походе, и никто больше не станет нападать с копьями на наших людей, пока они ходят по лесу и никого не трогают.

Повисло долгое молчание. Солнечный луч переместился — а может, это Силк убрал плечо.

Рук смотрел, как покачивается носок его старого поношенного ботинка — то на свет, то снова в тень. Он был не в силах объяснить Силку: «Я не могу этого сделать, потому что пленники, которых мы приведем, могут оказаться дядями или двоюродными, а то и родными братьями Тагаран». Не в силах был выдавить: «Я не могу этого сделать, потому что Тагаран мне слишком дорога».

«Дорога? — повторил бы Силк. — Тебе так дорога местная девочка, что ты готов ослушаться приказа?»

— Не проси, — проговорил Рук. — Если ты мне

друг, не проси. Я не стал бы тебе отказывать, только не проси. У меня есть друзья среди местных. Ты ведь знаешь.

Силк откашлялся.

— Да. Положим, знаю. Но ты подумай хорошенько, Рук: это не просьба, это приказ.

Поднявшееся в воздух облачко пыли осело в луче солнечного света. Пыль кажется невесомой, пока не увидишь, как она падает.

— Рук, ты не хуже меня знаешь, как хорошо они прячутся в лесу. Всем известно, как ловко у них это выходит. Хоть раз нам удавалось отыскать туземцев, которые не хотели, чтобы их нашли?

Он смотрел тепло, увещевательно.

Силк прав. Они наблюдают, притаившись за деревьями и скалами, а их кожа сливается с местностью, теряясь среди бликов света и тени. Они за полмили услышат, как тридцать человек шагают по лесу, как шестьдесят ног топчут листву и сухие ветки, как шестьдесят рук раздвигают кусты, как клацают, болтаясь на рюкзаках, тридцать чайников. И это не считая офицеров. Еще три рюкзака и три пары башмаков. В том числе и его собственные.

— Рук, старина, — уговаривал Силк, — ты ведь знаешь, губернатор не может допустить, чтобы

нападение на этого бедолагу осталось безнаказанным. Ведь это его личный егерь, и несчастного ждет медленная мучительная смерть. Необходимо показать силу. Тридцать вооруженных солдат: неужели он стал бы посылать такой большой отряд на поимку нескольких туземцев? Считай это театральной постановкой, если угодно.

Рук представил себе, как Варунгин, разговорившись, заведет рассказ о том, как белые люди ломились через лес, а он наблюдал за ними из-за дерева.

— Я знаю, друг мой, ты человек твердых правил, и уважаю это, — продолжал Силк. — Сомнения делают тебе честь. Но все просто: два дня в походе, а потом все станет по-старому.

Он не стал дожидаться, когда Рук согласится. — Выступаем в среду, на рассвете. Я пошлю к тебе паренька с пайками и всем прочим.

Силк слишком спешил. Пробежавшись по своим доводам, точно по широкому тракту, он, запыхавшийся, но довольный, прибыл к месту назначения, а Рук так и стоял на распутье, силясь вспомнить, как переставлять ноги.

Силк потянулся за его рукой, пожал ее.

— Ты славный малый, Рук. Увидимся в среду!

И он ушел.

* * *

Настало время вечерних замеров. Рук механически выполнял свою работу. Сверившись с очередным прибором, он шел к журналу, окунал перо в чернила и записывал полученное значение в отведенную для него строку. «Ветер: зюйд-зюйд-вест, 3 узла. Погодные условия: ясно. Примечания: никаких».

Жаль, Гардинер уехал. Его отсутствие было подобно обжигающему холоду. Лишь его совету Рук мог доверять. Что бы он сказал?

Он вспомнил, как хмуро Гардинер согласился, что все они — преданные подданные Короны. С тех пор он ни разу не заводил речи о «самом отвратительном приказе, что ему когда-либо доводилось исполнять».

Гардинер растолковал бы ему последствия отказа. Именно это Рук сделал для него: напомнил, что человеческий долг и долг перед Его Величеством часто идут вразрез.

Рассуждать с Гардинером о долге было легко. Теперь же Рук понял, что тому это наверняка показалось пустословием. Вот бы сказать ему: «Прости, друг. Я говорил необдуманно».

До сих пор Рук позволял своей жизни идти на

поводу у обстоятельств, условий, нужд. Никогда еще ему не случалось голыми руками ухватить самую суть жизни и придать ей иную форму. Никогда прежде он не спрашивал себя: «Что я делаю?»

Доводы Силка казались неопровержимыми: поход обречен на провал, а значит, нет и причин отказываться. Но если губернатор решил всего-навсего разыграть театральное представление в целях устрашения, как же тогда он собирается напугать туземцев, чем пригрозить им, если это великолепное шествие не встретит на своем пути ни одного местного, потому что все они будут посмеиваться, наблюдая из-за кустов?

— Видишь ли, эти доводы ошибочны.

Рук опешил, осознав, что произнес это вслух.

И все-таки главное отрицать нельзя: поход обречен на провал. Надеялся ли губернатор поймать шестерых туземцев или нет, и хотел ли того же самого Силк, Рук почти не сомневался: никого не схватят.

Почти.

— А впрочем, почему нет, — вслух сказал он. Теперь он понял, как человек привыкает разговаривать с самим собой. Это помогает прояснить мысли, услышать слова, сказанные вслух, будто

их произносит понимающий собеседник, который знает тебя не хуже тебя самого.

— Я мог бы согласиться.

* * *

Рук пошел бы искать Варунгина или Бойнбара, но тогда ему пришлось бы признать, что он отдает себе отчет в своих действиях. Вместо этого он отправился в поселение, будто у него было срочное дело. Он глядел под ноги, стараясь не оступиться, и думал только о том, как сделать следующий шаг, а за ним еще один.

Он доверился судьбе, и она преподнесла ему встречу с мальчиком Бонедой — тот сидел на камне у тропы. Он явно не ждал Рука, но, увидев его, не удивился. Он вытянул вперед руку, в которой что-то сжимал — толстую ящерицу, еще живую. Чередой слов и жестов, из которых Рук понял лишь часть, Бонеда дал понять: «Я поймал ее вон там, она бежала очень быстро, сейчас я ее съем, будет очень вкусно».

Когда местные улыбались, их глаза поблескивали из-под тяжелых бровей, так что казалось, будто улыбка рождается где-то внутри, а не только лишь на лице.

— Я хочу увидеть Тагаран.

Вышло очень прямолинейно, но говорить нужно было четно и ясно, а Рук больше полагался на английский Бонеды, нежели на собственное владение языком *кадигал*.

— Она придет ко мне? Придет ко мне в хижину? Можешь сказать ей, что *камара* хочет ее увидеть?

Бонеда произнес что-то, чего Рук не разобрал, махнул палкой куда-то на запад и побежал по камням наверх, в направлении кряжа.

Понял ли он? Этого Рук не знал. Он повернул назад и пошел к хижине.

Вернувшись, он развел огонь — всего несколько дымящихся хворостин. Так он пытался сказать: «Я дома и рад гостям».

Потом лег на кровать, подложил руки под голову и невидящим взглядом уставился на изнанку кровли.

Он не уснул, но лежал, будто оцепенев, и тут на пороге возникла чья-то тень. Там, замешкавшись, стояла Тагаран. Рук опустил ноги на пол и сел на край кровати. Она пришла одна. Раньше она никогда не приходила одна.

Войдя в хижину, Тагаран села за стол и стала водить пальцем по деревянной столешнице. Ждала, когда он заговорит. А он ждал чуда, которое

избавило бы его от той ноши, что повисла на нем, словно длинный тяжелый плащ.

Рук поднялся и сел за стол напротив нее.

— Почему? — спросил он на английском. — Почему черные люди ранили белого человека?

Она подняла на него опасливый взгляд.

– *Гулара,* — всего одно слово. Разозлились.

– *Миньин гулара эора?* — спросил Рук. Почему черные люди разозлились?

Он и сам знал ответ, но ему нужны были слова. То, к чему они привыкли, — вопрос-ответ.

– *Иньам нгалави уайт мэн.* Потому что белые люди поселились здесь.

Быть может, и ей это нужно, подумал Рук: ты мне — я тебе, слово в ответ на слово.

Она погладила свою руку, от запястья до локтя, будто замерзла. Рук заметил ряд розовых точек на месте ссадины, которую оставил ей «человек с „Шарлотты“».

Тагаран вновь опустила глаза. Рук не видел ее лица, только волосы и кончик носа.

– *Тьерун кадигал,* — проговорила она, не поднимая головы. *Кадигал* напуганы.

Она водила пальцами по столешнице из красного дерева, словно хотела стереть верхний слой и посмотреть, что под ним.

— Мушкет, — начал Рук. — Помнишь? Ты попросила — ты хотела — научиться. Стрелять из него. Заряжать его и стрелять.

Она все терла полированное дерево, но Рук знал, что она слушает.

— Зачем, Тагаран? Зачем ты хотела это узнать? Ты расскажешь?

Снаружи доносился шум волн, боязливо бившихся о скалы у подножия мыса. Постукивал оторвавшийся кусок дранки, скрипела парусина на крыше обсерватории, где-то протяжно и жалобно крикнула чайка. Рук мог ждать хоть целый день, и много чего услышал бы, но ясно было, что ответа он не дождется.

Он вернулся на шаг назад.

– *Миньин тьерун кадигал?* — Почему *кадигал* напуганы?

– *Гунин*. — Она посмотрела ему прямо в глаза. Из-за ружей.

Само это слово прозвучало, как оружейный выстрел.

— Бругден, — произнес он. Он бы назвал бедолагу другим именем, но вдруг понял, что не знает его. Тагаран наклонила голову набок, опустив лицо еще ниже к столу. Она знала, кто такой Бругден и что с ним случилось.

Рук вздохнул и с трудом продолжил.

— Бругден умрет.

Тагаран не взглянула на него. Пока что он не сообщил ей ничего нового.

— За Карангараем придут.

Тагаран вскинула на него глаза, словно он закричал. Она невольно прикрыла рот рукой, а ее лицо исказилось от услышанного.

Рук изобразил, что прикладывает к плечу мушкет.

— Завтра. *Паррибуго.* За Карангараем. И за другими. Шесть человек. Шесть *эора*.

Он показал шесть пальцев.

Надо полагать, этого было достаточно, но, дойдя до этой точки, Рук со сладостным смирением позволил себе идти до конца.

– *Пиабами Варунгиньи?* Ты скажешь Варунгину? Я хочу, чтобы ты сообщила Варунгину.

Тагаран посмотрела ему прямо в глаза. Он видел, что она поняла. Не только смысл его слов, но и значимость того, что он их произнес.

– *Пиабами Варунгиньи?* — повторил он.

Приятно было просить об этом на ее языке. Каждое слово, как и каждое предложение, начиналось выразительно и постепенно стихало — череда диминуэндо. Даже в мелодике этого языка слы-

шалось прощение.

— В залив Ботани, — сказала она. — За Карангараем.

И повторила движения его рук, изобразив, что прикладывает к плечу мушкет.

— Да, — подтвердил Рук. — Завтра, утром.

Где-то над ними, словно бранясь, без умолку щебетала птица, шелестели сухие листья. Все шло своим чередом. Веками, тысячелетиями так же щебетали предки этой птицы, так же шелестели на ветру предки этих листьев. И только в хижине все переменилось.

— И я тоже. Я в их числе.

Произнеся эти слова, Рук испытал облегчение, но желаемого успокоения они ему не принесли. Он по-детски надеялся, что стоит облечь эту истину в слова, и она исчезнет. Но она никуда не делась, а безразличная птица снаружи все не умолкала, словно и не понимая, что повода для песен нет.

— Что теперь делать, Тагаран? Что с нами будет?

Этот вопрос выходил за рамки словесной игры. Уроки грамматики тут были бесполезны.

Тагаран подошла к очагу и протянула руки к углям. Рук решил, что таким образом она веж-

ливо дает понять: разговор окончен. Но потом она снова повернулась к нему и протянула к нему руки. Сжала его ладони своими. Он ощутил прикосновение ее теплой гладкой кожи.

– *Путува,* — проговорила она, сжимая и гладя его ладони. — *Путува.*

Их руки стали одинаково теплыми.

– *Путува,* — повторил он.

Тагаран давила все сильнее, более широкими движениями разглаживая кожу на его ладонях, и он понял, что это слово обозначает ее действия: «согреть руки у огня, а потом мягко сжать пальцы другого человека». Чтобы описать это на английском, требовалась длинная вереница слов. В Англии, если человек грел руки у огня, то потом совал их в карманы, чтобы они не мерзли. Научив его новому слову, Тагаран показала ему целый мир.

Вся его жизнь свелась к этому чувству — его руки в ее руках. Тот, кем он был, прошлое, что носил в себе, каждая испытанная им радость и каждое горе — все это исчезло, словно ненужные одежды. Осталась лишь его кожа, которая вела разговор с ее кожей, и им не было нужды подыскивать слова.

Где-то на кряже затрещала смеющаяся кука-

бара, словно услышала бой часов и вспомнила о важном деле. Тагаран выпустила его ладони.

– *Йениоо, камара,* — сказала она. Мне пора, друг. Она подняла на него взгляд, и в ее глазах он прочел ту же мысль, что крутилась у него в голове: «Это наша последняя встреча».

Он попытался найти подходящие слова, но не смог. Не знал, как выразить свою тоску. Не в силах был выдавить: «До свидания».

Вслед за Тагаран он вышел из хижины и смотрел, как она поднимается по скалистому склону. Как он и надеялся, наверху она оглянулась. Он высоко поднял руку, повернув к ней открытую ладонь, и она помахала в ответ. Потом отвернулась и скрылась из виду.

Рук мысленно пошел вслед за ней, поднялся по тропе, повернул к лагерю в соседней бухте и увидел, как она спускается с высокого склона по ту сторону холма и минует большой камень, дальше которого в ее мир он ни разу не заходил. Должно быть, она вернется к той расчищенной площадке, где от костра поднимается столбик дыма и женщины сидят на земле, словно вросли в нее, где резвятся дети, шныряя в мангровых зарослях, а после захода солнца все собираются вместе, чтобы поесть и улечься спать.

Он так живо представил себе эту картину, что изумился, внезапно осознав, что он вовсе не там, а стоит один на своем открытом всем ветрам мысе.

Путува.

Как и он, Тагаран знала: грядет нечто ужасное. Но она подарила ему слово, которого он никогда не забудет, а вместе с ним и заключенное в нем доверие.

* * *

Следующим утром Силк явился на плац полный сил, ранний час не лишил его воодушевления. Развернув на земле составленную Куком «Карту залива Ботани», он подозвал Рука с Уилстедом и сержанта взглянуть на нее.

— Сначала отправимся на юго-запад, через Земли кенгуру и дальше. Там сделаем крюк и свернем на восток, а потом, как отдохнем и освежимся, двинемся в атаку. Наша цель, господа, — мыс в северной части бухты, где расположена деревня племени из залива Ботани. Окружим поселение, и местные окажутся в ловушке.

— В ловушке, значит… — повторил Уилстед. — Что ж, отличный план.

Силк пристально посмотрел на него, но лицо

Уилстеда ничего не выражало.

Судя по его задумке, Силк неплохо разбирался в военной стратегии, чего Рук о нем прежде не знал. Он-то думал, что Силк просто поведет их в лес, и велит идти в разные стороны. Но тот выдумал план, который с большой долей вероятности мог сработать, не предупреди он Тагаран. Деревню Рук прежде не видел, но, по слухам, она представляла собой горстку хижин на узком перешейке, с трех сторон окруженном глубокими водами.

Он вспомнил слова Силка. «Считай это театральной постановкой, если угодно». И все же вот он — так доволен своим замыслом, что аж глаза блестят, повесил на грудь моток веревки, чтобы было чем связать пленников…

Пожалуй, и театральное представление должно быть убедительным.

Сержант велел солдатам выстроиться в шеренгу, и они побрели прочь из поселения, клацая, словно неуклюжая заводная игрушка из множества составных частей, которая так и будет дергаться по полу, пока не развернется пружина. Отряд шагал вперед под низко нависшими серыми тучами, следуя той же тропой, по которой Бругден совершил свой последний путь в обратном направлении.

Проведя в дороге около четырех часов, они добрались до Земель кенгуру — чудесного края, напоминающего травянистый парк, где местами попадались раскидистые деревья, а земля уходила вниз изящным уклоном. Там, прямо у тропы, Бругден и другие охотники соорудили себе хижину, взяв за образец местные жилища из древесных сучьев и кусков коры. Снаружи они выложили каменное кострище и притащили бревна, чтобы было на чем сидеть.

А они неплохо устроились, подумал Рук. На месте костра лежала куча старых углей. Сколько ночей провели здесь каторжане с их сержантом, рассказывая друг другу о своей жизни? Они урвали себе кусок здешней земли, где могли забыть о губернаторе и стоящей за ним имперской машине. Прямо как лейтенант Рук на его мысе, здесь, в Землях кенгуру, они были свободными людьми.

Тропа то взбиралась вверх по склонам, то спускалась в долины. Пересекая низину, они обогнули водоемы с чистой водой, а несколько минут спустя в голове колонны раздались возгласы: «Море! Море!» и отряд вышел к заливу Ботани. За входом в бухту, с двух сторон отмеченным изгибами суши, виднелся океан и прямая линия горизонта.

Силк объявил привал и собрал вокруг себя членов отряда.

— Деревня находится на северной оконечности побережья. Вернемся к тем озерам, что мы только что прошли, немного отдохнем и двинемся в наступление.

У одного из водоемов члены отряда разбрелись, прячась в тени, и достали котомки с едой. Некоторые растянулись на земле, подложив под голову рюкзаки, сержант захрапел. Платок, которым он накрыл лицо, чтобы мухи не донимали, поднимался и опускался в такт его дыханию.

Рук отыскал среди высоких кустов небольшое углубление, похожее на комнату, стены которой колыхались от дувшего с моря ветерка. Он тоже прилег, но не уснул.

Поход едва начался, а ему уже хотелось, чтобы он поскорее закончился.

Он снова прокрутил в голове решение задачи. Условие первое: члены отряда смогут взять в плен только тех туземцев, у которых нет повода их сторониться. Условие второе: у туземцев есть повод их сторониться. Следовательно, вероятность, что кто-то окажется схвачен, исключена.

Впрочем, поправил он самого себя, она не равна нулю. Точную цифру он назвать не мог, но

решил, что она слишком мала, чтобы о ней беспокоиться.

Так чего же он хмурится, пытаясь ее вычислить?

Тут Руку вдруг вспомнилось то, о чем он не думал много лет: как доктор Викери однажды сравнил себя с летучей мышью, чтобы приободрить охваченного благоговейным трепетом мальчишку. Но истовость, с которой Рук ждал наступления ночи, превосходила нетерпение астронома. Всего-то и надо потерпеть еще шесть-семь часов и дождаться вечера. И тогда нападение на деревню благополучно останется позади.

Наступит ночь, он завернется в одеяло. Будет лежать и смотреть на звезды, а потом уснет в их холодном свете.

Отдохнув часок, они снова отправились в путь — вернулись на побережье и пошли вдоль кромки леса к деревне. Неподалеку от перешейка мыса Силк остановил отряд и шепотом раздал заключительные приказы.

— Рассредоточимся, чтобы отрезать им путь к побегу. Лейтенант Рук, отправляйтесь со своими солдатами как можно дальше на северную сторону и выстройтесь цепью. Лейтенант Уилстед, вы точно так же зайдете с юга, а я поведу своих

людей по центру. Потом мы все выступим общим кордоном, окружим туземцев со всех сторон, и они окажутся в ловушке.

Он держал в руке карманные часы, которые то и дело открывал и закрывал, не в силах сдержать волнение.

— Даю вам, положим, десять минут. Извольте свериться с часами: выстройтесь в цепь и ровно через десять минут нападайте, чтобы все три группы двинулись на деревню одновременно.

Рук достал свои карманные часы и взглянул на них. На циферблате белым всполохом сверкнуло солнце. Время не имело никаких намерений и суждений. Часы просто продолжали идти, зубья цеплялись друг за друга, слепо толкая вперед шестеренки. Только люди вечно испытывают все эти сомнения, этот страх, эту надежду, ужас и недоумение, что плещутся в душе каждого человека, точно волны о скалы.

Рук повел своих людей через пески, поросшие спутанными, точно веревки, стеблями травы, по взгоркам и буеракам, словно только для того и предназначенным, чтобы усложнить им путь. Следуя указаниям, он велел солдатам рассредоточиться поперек северного края перешейка. Через десять минут после того, как Силк отдал приказ,

Рук махнул, давая знак наступать.

Задача оказалась не из легких: тащиться по песку и зарослям травы, пробираться вверх-вниз по камням, промеж расселин и взявшихся будто из ниоткуда ложбин. Наконец они поднялись на возвышение и, поравнявшись с остальными, выстроились неровной цепью по краю деревни.

Она соответствовала рассказам. Девять хижин — крепкие, почти в человеческий рост — теснились вокруг пятачка земли, где жизнерадостно горел костер, рядом — деревянные тарелки, кучка моллюсков, аккуратная стопка дров.

Безупречно продуманная и осуществленная задумка Силка напоминала маневр из учебника по военной стратегии. Вот только местные не стали дожидаться, когда их окружат.

Неподалеку, точно насмехаясь над запыхавшимися солдатами, закричала птица: «Тюю уи-и! Тюю уи-и!» Моток веревки у Силка на груди размотался, и конец тащился за ним по песку.

— Вон они! — закричал кто-то из членов отряда.

У них на глазах какой-то туземец оттолкнул от берега каноэ, запрыгнул в него и торопливо погреб на другую сторону устья. Еще три каноэ с местными уже почти достигли другого бере-

га. Одно они даже успели вытащить на песок. Несколько человек стояли на другом берегу и смотрели на едва переводивших дух офицеров в красных мундирах. Рук услышал, как кто-то кричит и плачет — то ли от испуга, то ли от радости.

Силк устремил взгляд на ту сторону. Спина выпрямлена, узкие плечи напряжены. До противоположного берега было не так уж далеко — река здесь разливалась не шире Темзы в Вестминстере, но отряду вооруженных солдат не под силу было преодолеть такое расстояние и глубину.

Уилстед открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Силк его опередил.

— Скорее! — закричал он. — Они все еще на расстоянии выстрела! Быстро, заряжай и огонь!

Рук долго возился с мушкетом, даже уронил мешочек с дробью, но остальным рвения было не занимать. Рядом, утрамбовывая заряд, шумно сопел, втягивая носом воздух, дородный раскрасневшийся рядовой.

К тому моменту, когда они наконец зарядили ружья, местные уже были слишком далеко, и даже самый удачный выстрел не попал бы в цель. Один за другим члены отряда спустили курки, и Рук в том числе. Он целился в поблескивающую поверхность воды подальше от каноэ, надеясь,

что в этот раз не промажет.

Прибой с моря раскачивал последнее каноэ. Вокруг солдаты уже убирали пороховницы и вешали на плечо мушкеты, а Рук все не сводил с него глаз.

Некто, сидевший на корме, обернулся на оставленный позади берег. С такого расстояния черты лица было не разобрать, но по фигуре он понял, что это ребенок. Они не отрываясь смотрели друг на друга. Каноэ подпрыгивало на волнах, мокрые весла поблескивали на солнце. Рук ощутил пронзительную тоску, вспомнив о Тагаран и о том, как испуганно она взглянула на него, когда он сделал вид, что подносит к плечу мушкет.

Обернувшись, Силк обратился к членам отряда — спокойно, словно все шло в точности, как задумано.

— Отличная работа. Так держать.

Едва ли кто-то на это купился, но все промолчали.

— Так, стройся! Вернемся туда, где мы останавливались на привал. Разобьем лагерь, а завтра отправимся дальше на юг и продолжим поиски.

Отряд скорым шагом двинулся обратно вдоль берега. Рук неспешно шагал позади всех. День в одночасье преобразился, морской ветерок ласко-

во гладил щеки.

— Туземец! — воскликнул кто-то из солдат. — Смотрите, сэр, вон, плывет!

Прикрыв глаза рукой, Рук взглянул на сверкающую поверхность воды и разглядел там что-то темное.

— Не смотреть! — приказал Силк. — Мистер Уилстед! Мистер Рук! Мы пойдем дальше, здесь останавливаться не будем. Будьте любезны отвернуться и продолжать идти.

Уилстед по-прежнему щурился на воду.

— Уилстед, отвернитесь! — резко потребовал Силк. — Вы все еще смотрите. Вперед!

Но Уилстед уже снял с плеча мушкет и поставил его прикладом на песок, приготовившись спорить.

— Разве мы не должны взять его в плен?

— На таком расстоянии мы не сможем ни схватить его, ни пристрелить. Любая попытка сделать это окончится лишь тем, что мы выставим себя на посмешище. Мы пройдем мимо, не давая ему понять, что заметили его. Ну же, вперед, шагом марш!

Все отвернулись, но Уилстед, судя по всему, так и смотрел на воду.

— Он плывет сюда! К нам!

Он был прав: мужчина шел вброд, направляясь в их сторону. Рук разглядел, как он разворачивался на каждом шагу, вытянув руки в стороны, стараясь идти быстрее.

Дальше притворяться не было смысла.

— Стой! — скомандовал Силк. — Пускай подойдет. — Он вспотел, его лицо блестело, словно растаявший воск, а на выцветшем красном мундире подмышками выступили темные пятна.

Рук и не предполагал, что «театральное представление» обернется чем-то подобным.

— Не причинять ему вреда! — крикнул Силк. — Не нападать, всем ясно? Он подошел, потому что доверяет нам, а мы не преследуем цели предать чье-то доверие, только наказать.

Он силился перекричать шелест листвы на ветру и шум бьющихся о берег волн.

— Но, сэр, — возразил Уилстед, — нам ведь приказано брать в плен любых туземцев из числа мужчин, разве нет?

— Именно так, но только силой. В чем смысл, если местный пойдет с нами по доброй воле? Это не преподаст остальным никакого урока.

— Значит, если они убегают, — упрямился Уилстед, — хватать их можно, только у нас все равно не выйдет. А если подходят сами, нападать

нельзя?

Стоявшие рядом солдаты услышали его слова, послышался ропот и словно бы даже сдавленные смешки.

Туземец тем временем уже бежал к ним по берегу, взрывая ногами песок. Он был уже достаточно близко, чтобы можно было разглядеть густую поросль у него на лице, повязку на лбу и стопы, на которые, словно туфли, налип тонкий слой желтого песка: всем своим видом выражая дружелюбие, к ним направлялся Варунгин.

Ничуть не запыхавшись, он поравнялся с ними и поприветствовал тех, с кем был знаком. Подойдя к Руку, он не дал ни малейшего повода заподозрить в нем сообщника.

На месте Варунгина, не знай он о целях их вылазки, было бы совершенно естественно спросить, зачем они пришли, и к радости Рука именно так он и сделал. Может, они охотятся на кенгуру? — жестами спросил он. Или рыбачат? А может, собирают что-то с деревьев, мед например?

Силк не стал притворяться, что им есть дело до меда или охоты на кенгуру.

— Слушай, Варунгин, дружище, — с улыбкой сказал он нарочито непринужденным тоном, — а

ты не знаешь, где нам найти Карангарая? Где Карангарай?

Услышав это имя, Варунгин нахмурился.

Потом произнес небольшую речь, не единожды упомянув имя Карангарая, которое он каждый раз сопровождал взмахом руки, расслабляя запястье и показывая повернутой вверх ладонью куда-то на юг.

— Мистер Рук, вы ведь у нас языковед, — сказал Силк. — Что он говорит?

— Слишком быстро, — ответил Рук. — Я за ним не успеваю.

Ясно было, что это чистая правда, и Силк не стал настаивать.

Вместо этого он решил прибегнуть к шарадам. Подвигал пальцами в воздухе, изображая идущего человека и повторяя: «Карангарай». Невозмутимо проследив за его движениями, Варунгин точно так же подвигал пальцами в воздухе, но превзошел актерскую игру Силка, вытянув руку вперед, чтобы показать «большое расстояние». Потом положил ладони под голову, делая вид, что спит, и обвел рукой небосвод, изображая движение солнца. Было очевидно, что он имеет в виду: Карангарай ушел так далеко, что солнце два или три раза пройдет свой путь по

небу, а члены отряда успеют трижды или четырежды положить ладони под голову, укладываясь спать, прежде чем доберутся до того места, где он сейчас.

Другими словами, он слишком далеко, чтобы тридцать хорошо вооруженных, но снабженных небольшим количеством провианта солдат пустились в погоню.

Они побрели прочь от берега обратно к озеру. Варунгин, судя по всему, уходить не собирался. Уилстед ворчал, что он увязался за ними, надеясь поужинать за их счет, но Рук сомневался, что его мог прельстить черствый раскрошившийся хлеб да несколько ломтиков солонины.

Пока солдаты срезали папоротник, готовя себе подстилки для сна, и собирали хворост на ночь, Варунгин все-таки удалился. Оторвавшись от работы, Рук с Уилстедом смотрели, как он легким шагом идет прочь по тропе, держа в руке покачивающуюся в такт его шагам острогу.

— Как малые дети, не сидится им на месте, — сказал Уилстед. — Он, похоже, неплохой парень, но ни на кого из них полагаться нельзя. Уходят, когда им вздумается.

Однако едва они развели костер, Варунгин вернулся, неся в руках связку из восьми упитанных,

нанизанных на лозу кефалей. Он разгреб угли, расчищая место между ними, слегка поджарил свой улов, а потом пальцами разломал рыбу на куски и раздал их офицерам. Его рассмешило, что головами они побрезговали. Тогда он забрал головы себе и, хрустя костями, съел целиком, давая понять, какие они вкусные.

Облизав пальцы, Силк признал:

— Что ж, он, может, и дикарь, но и ему, похоже, не чуждо представление о том, что такое «услуга за услугу».

Костер пылал, вскидывая языки пламени в сгущавшуюся темноту. Рук со вздохом растянулся на песке и расслабил затекшие плечи. Земная твердь подпирала его спину. Между верхушками деревьев виднелась Бетельгейзе — на редкость красная в эту ночь, она подмигивала Руку промеж листвы.

Утром они еще несколько часов бесцельно побродят по лесу, а потом направятся обратно к Сиднейской бухте с пустыми руками, но упрекнуть их будет не за что.

На лице Силка, потемневшем от дневной щетины и обгоревшем на солнце, играли отблески костра. Он обернет все это себе на пользу, подумал Рук. Усладит слух губернатора подробным

рассказом. Тот решит, что он славный малый, осыплет его похвалами, упомянет его имя в следующем донесении.

Из рассказа о нападении на деревню выйдет неплохая глава для его книги. Впечатляющую он разыграл постановку. Последний штрих — приказ сверить карманные часы — добавит истории красок. Неудачный исход похода скрадет его потешное раскаяние и самоуничижение. Может, он даже намекнет, что неудача эта была неслучайной. И в итоге предстанет тем, кто пытался деликатно и человечно выйти из положения, обойдя все подводные камни. В час, когда страсти накалились, он уговорил губернатора на шестерых пленников вместо десяти. Но вот когда он не приведет ни одного и все равно получит похвалу, то действительно превзойдет самого себя.

Рук жалел, что не сможет разделить с Силком собственный триумф. Какая занимательная вышла бы глава: лейтенант Рук с неожиданной ловкостью и изяществом находит выход из трудного положения.

Он сел и обхватил руками колени. Теперь у него будет полно времени — столько, сколько понадобится, целая жизнь. Он подаст прошение о продлении срока службы — один раз, потом еще.

И пусть он не знает, что именно ему уготовано, общие очертания будущего обрели восхитительную ясность: он останется в Новом Южном Уэльсе.

Будет и дальше беседовать с Тагаран и остальными. В совершенстве освоит их язык. И пусть тот путь, на который он ступил, когда, не отдавая себе отчета, записал фразу «я его закаадианил», никогда не заканчивается.

* * *

От двойных пайков и неудачной попытки поймать хотя бы кого-то из местных солдаты распоясались. Вокруг их костра на другой стороне поляны началась незапланированная гулянка. Силк время от времени поглядывал на них, но ничего не предпринимал. Трое офицеров в мирном молчании смотрели в огонь, погрузившись в свои мысли. Полусонный Варунгин непринужденно растянулся на земле и не открывал стеклянного взгляда от языков пламени.

Поднялась Луна — такая яркая, что в сравнении с нею костер побледнел. В ее свете Рук увидел, как Силк расстегнул рюкзак и пошарил внутри — видимо, искал дневник. Рук наклонился вперед, чтобы придержать мешавший ему клапан.

— Мне не терпится увидеть, как ты опишешь

наш поход, — начал было он, но по ошибке ухватился за дно рюкзака, и содержимое вывалилось на песок. Изнутри выскользнул топорик — его наточенное лезвие блеснуло в лунном свете. На древко было намотано несколько свернутых парусиновых мешков.

— Силк, ты чего это, сам что ли дрова рубить собрался? — пошутил Рук, пробуя пальцем лезвие топора, такое острое, что им можно было бриться. — У тебя ведь тридцать солдат, поручил бы кому-нибудь из них.

После стольких дней тревоги Рука охватило такое приподнятое настроение, что мысль о том, как Силк возьмет в руки топор и пойдет сам рубить дрова, казалась ему чрезвычайно забавной. Но Силк не разделял его веселья. Выхватив у Рука топор, он сунул его обратно на дно рюкзака, подобрал с земли мешки и попытался затолкать их следом.

Рук не мог понять, что означает выражение лица наблюдавшего со стороны Уилстеда. Что-то не так с этим топором, с этими мешками, и Уилстед знает, что именно.

— Ну, Силк? Выкладывай! — воскликнул Рук. — Ты что, надеялся принести парочку трофеев, чтобы доктор Веймарк мог их зарисовать? Или

снабдить свою книгу красочными иллюстрациями?

Лезвие оставило на подушечке его пальца каплю крови, черную в свете костра.

— А ты почти угадал, Рук! — засмеялся Уилстед. — Версия о трофеях не так уж далека от истины! — что-то чрезвычайно его развеселило.

Он взглянул на лежавшего по другую сторону костра Варунгина.

— Лейтенант Уилстед! — прервал его Силк. — Будьте любезны, придержите язык! — Он наконец застегнул рюкзак и затолкал его за спину, куда падала его тень.

Уилстед ухмыльнулся, глянув на Рука, но замолчал.

У Рука по спине пробежал холодок, и виной тому были не топорики и не мешки, а выражение лица Силка, едва различимое в свете костра, и тон его голоса.

Вокруг с долгим судорожным вздохом зашумели деревья, взволнованные дуновением ветра.

Рук пытался решить в уме замысловатую задачу: к топорику прибавить мешки, помножить сумму на ухмылку Уилстеда и поделить на выражение лица Силка.

— Силк… — начал он.

Договорить он не смог. Слова будто застряли в горле. Откашлявшись, он попробовал снова.

— Силк, можно тебя на пару слов?

Он поднялся на ноги и мотнул головой в темноту. Помедлив, Силк встал и последовал за ним. Когда они отошли достаточно далеко, чтобы их не было слышно у костра, Рук повернулся к нему. В полутьме он не мог разглядеть лица своего друга.

— Топор, Силк, — проговорил он. — И мешки. — Его голос звучал так бесстрастно, будто он перечислял условия математической задачи. — Могу я узнать, зачем они тебе понадобились?

— Понимаешь, Рук, предпочтительнее было бы схватить местных и привести их с собой, — ответил Силк. — Но окажись это нецелесообразным, приказано было убить шестерых.

— Нецелесообразным.

— Вот именно, нецелесообразным.

— А мешки?

— Головы убитых велели принести с собой.

— Головы убитых, — повторил Рук.

Просто слова — будто строка из стихотворения или пункт списка.

— Да, Рук, головы было велено принести в выданных для этой цели мешках. А отрубить

их — при помощи выданного для этой цели топора. Губернатор рассудил, что необходимо принять жесткие меры, чтобы впредь подобного делать не приходилось. Наказание, которому подвергнутся несколько человек, станет милостью по отношению к остальным.

— Ты мне не сказал.

— Рук, дружище, этого все равно не произошло бы. Я не стал говорить тебе о топоре, потому что не собирался пускать его в ход! Так в чем же дело, старина? Ни одного туземца мы не поймали, ни одной головы… не отрубили. И не отрубим.

Рук оглянулся к костру. Уилстед встал и разговаривал с Варунгином, сидевшим рядом на земле. Отблески пламени выхватывали отдельные черты лица Варунгина: то мелькнувшую в свете огня скулу, то нос — широкий и приплюснутый, то обнаженные в улыбке зубы — его рассмешили попытки Уилстеда что-то объяснить ему жестами. Он откинулся назад, подняв лицо к Уилстеду, и костер осветил его шею.

Как можно отрубить человеку голову?

Для начала нужно убедиться, что он мертв. Это во-первых. Потом перевернуть его на живот. Нос не даст положить его лицом на землю, так что сверху окажется боковая часть шеи.

Потом берешь в руки топор. Рукоятка у него короткая, так что держать надо близко к обуху. Одним аккуратным ударом тут не отделаешься. Придется кромсать дряблую кожу на шее. Лезвие наверняка будет соскальзывать, да к тому же челюсть начнет мешаться.

Кому-то придется придерживать голову, чтобы удалось добраться до кости.

А потом еще надо как-то засунуть ее в мешок. Кто-то должен будет ее поднять. Сколько весит человеческая голова? Вероятно, проще всего взять ее за волосы. А кто-то другой будет держать открытый мешок.

Того, на чью долю выпадет задача тащить мешок обратно в поселение, всю дорогу будет преследовать рой обезумевших мух. Можно привязать мешок к рюкзаку, но тогда он будет надоедливо болтаться туда-сюда. Проще нести его в руках. Но ведь он тяжелый: придется перекладывать его из одной руки в другую. А можно ли делать это, не думая о том, что внутри — человеческая голова, человеческое лицо? Точно такое же, как то лицо, что он видит сейчас перед собой — смеющееся, отчасти лукавое, отчасти веселое, а за ним — человеческая душа со всеми тончайшими оттенками переживаний…

У Рука перехватило дыхание, сердце подскочило к самому горлу, и он принялся тщетно глотать ртом воздух, силясь вздохнуть.

Сидевший у костра Варунгин взглянул на него, привстал, потянулся к нему… Может, он видел, как лейтенант Рук, солдат морской пехоты Его Величества, побелел как мел и, с трудом переставляя ноги, побрел в кусты, где его шумно и обильно стошнило?

* * *

Когда рвотные позывы утихли, Рук пошел прочь от лагеря. Тропа словно заросла за одну ночь. Он руками расчищал себе дорогу.

Наконец кусты расступились, и, выйдя на вершину дюны у побережья, он оказался один под сводами великого ночного собора. Впереди простиралась широкая темная гладь. Берега вокруг словно растворились в ночи. Низкие полосы суши по обе стороны превратилась в неровную, узкую, как ленточка, линию, чернеющую вдали на фоне ночной бухты. Наверху раскинулось такое же темное небо, на котором сиял широко открытый бдящий глаз полной луны.

Рук спустился ниже по склону дюны и сел на песок. Луна отражалась в черном зеркале воды,

распадаясь на несколько мерцающих точек света, ослепительно белых, как магниевые факелы.

Водная гладь казалась неподвижной, и все же небольшие волны накатывали на берег и вновь отступали, оставляя на песке темную кружевную кайму. Стоило одной отодвинуться, как вздымалась новая, разбиваясь о первую с тихим всплеском и шелестом. Шумели не сами волны: то был звук смятения, вызванного одновременным движением туда и обратно.

Взглянув вдаль, на бухту, на скользящие по ней крапинки лунного света, можно было подумать, что она неподвижна, как вода в стакане. И все же здесь, у самого края, она все колыхалась вверх-вниз, туда и обратно, не зная покоя.

Теперь она предстала Руку такой, какой он ее никогда прежде не видел: единая масса воды, что обволакивает весь земной шар, без труда огибая незначительные препятствия континентов. Суша, и уж тем более живущие на ней люди, этому огромному дышащему существу были безразличны.

Карты делили его на части, приписывая им разные имена. Имена не просто бесполезные, но ложные. Все являло собой единое целое, каждая капля, отдельная и вместе с тем неотделимая от

подобных ей капель, вздымалась и вновь тонула в согласии с волей этой светящейся желтой тарелки на небе.

Появившись будто из ниоткуда, к переднему краю светила подкралась мягкая шаль облаков, похожая на клочок вычесанной шерсти. Они скользнули поверх луны, но ее яркий глаз, плывущий за облаками, не скрылся из вида.

Плыли, конечно же, сами облака. Это все равно, что думать на двух языках сразу — собственными глазами видеть, как луна скользит сквозь облако, и вместе с тем в силу своего образования осознавать, что на самом деле движется именно облако.

Рук разделся, и лунный свет упал на его бледную кожу. Почему-то она казалась ему чужой. Он ощутил под ногами холодный и гладкий, как атлас, песок. Удивился, не обнаружив крови на своих руках — лишь окружавший его темный ореол, запах его собственного отвращения.

Вспоров водную гладь, он нырнул в нее, словно в продолжение себя самого. Она была теплая — теплее, чем днем, почти той же температуры, что его тело. Она держала его, обволакивала, превращая в плывущее ничто, не принадлежащее ни суше, ни морю, ни этому миру, ни другому — то

был не Дэниел Рук, носивший звание младшего лейтенанта, а безымянная масса, вытесняющая собой малую толику залива Ботани.

Он вышел на мелководье, слыша, как с его тела стекает вода. Потер руки, лицо, волосы. Вдохнул соленую воду и высморкался, прополоскал горло раз, потом другой, пока соль не стала жечь, а на глазах не выступили слезы.

Он оглянулся на густую черноту зарослей на берегу. Отсюда лагерных костров было не видно, но он разглядел свет от них, отблески на ветвях деревьев. Увидел, как взвился вверх пучок искр: чья-то невидимая рука подбросила хвороста в огонь. Услышал, как клацнула о чайник жестяная кружка, кто-то чихнул, раздался чей-то хохот.

Словно напоминая о себе, накатившая с бухты волна омыла его щиколотки.

Рук вышел из воды, прошелся вдоль берега, сел и провел ладонями по шелковистому прохладному песку, еще хранившему последние крохи тепла. Луна светила ярко, но он все же разглядел Сириус — бриллиант летнего неба.

Наверняка у местных есть для Сириуса свое название. Они не относят его к созвездию Большого Пса. У них, должно быть, совсем иные представления. Но как звезды ни называй, светят и движутся

они все так же. Их простая истина лежит за гранью пустых человеческих споров: «Все в этом мире является частью всего остального, ныне и во веки веков». С ними не поспоришь. Им нет дела до логики. Они блаженно равнодушны к дилеммам, с которыми столкнулся этот осколок сознания — лейтенант Дэниел Рук. В неподвластном времени свете небес заключенная в нем искра жизни значила не больше, чем одна из тех искр от костра.

Звезды всегда можно отыскать там, где они обозначены в «Альманахе». У небес все просто: либо правильно, либо нет. Но здесь, среди людской суеты, не было справочника, где на все можно было бы найти ответ.

Рук винил губернатора в том, что его доводы ложны. И Силку надменно пенял за то же. Но ведь он и себе позволял такую же казуистику. Убедил себя, что его участие в безуспешном походе никому не навредит.

Он возомнил, что поступил умно, предупредив Тагаран. Повернул рукоятку, приведя в действие свою стратегию, ухмыльнулся, убедившись, что шестеренки пришли в движение, что закрутились колесики механизма, который позволит ему выполнить приказ, не замарав руки.

Но теперь ему стало ясно: он виновен не меньше губернатора и Силка. Как и они, он позволил стремлению к личной выгоде себя ослепить.

«Ох!» — тяжелый сдавленный стон вырвался у него из груди.

Ведь все так просто! Если речь идет о дурном поступке, не важно, окончится ли он успехом или провалом, или как много ты сделал, чтобы он обернулся неудачей. Согласиться участвовать — значит поступить дурно. Не обязательно брать в руки топор и даже отправляться вместе с другими в поход.

Стать деталью этого механизма — значит стать причастным к его злу.

Прямо впереди суша расступалась, и за ней виднелся океан, который два года тому назад принес сюда *беревалгал*. Рук тогда смотрел на приближавшийся берег с борта «Сириуса» и не видел перед собой ничего, кроме новых перспектив. В Сиднейской бухте он наблюдал, как туземцы с недвусмысленными криками бежали по берегу вслед за судном. Тогда они были для него всего-навсего обнаженными чужаками. Он сидел на носу шлюпки с заряженным мушкетом в руках, готовый выстрелить, если прикажут.

Постепенно, слог за слогом, тот Дэниел Рук из-

менился, и ему на смену, похоже, пришел некто совсем другой. Этот человек знал тех обнаженных людей на берегу. Он не понимал их, но больше не считал чужаками.

Должно быть, в нескольких милях к северу, за лесом, по которому несколькими часами ранее шагала колонна вооруженных людей, Тагаран лежит сейчас у костра, погрузившись в сон. Ее не беспокоит ни свет свечи, ни колючее одеяло. Лишь ночь окутывает ее, как и его. Лишь луна смотрит на нее свысока так же, как на него.

Он не знал, как назвать то, чему его научила Тагаран. Каким словом описать то, что он чувствует к ней. Но она показала ему человека, которым он мог стать.

Этот человек был не просто лейтенантом на службе у Его Величества. Он умел не только отсиживаться, но и действовать, не только слушать, но и говорить, не только думать, но и чувствовать. Он открыл для себя могущественные, хоть и безымянные истины о том, что может связать двух людей.

Этот человек не имел никакого отношения к походам, к моткам веревки и мушкетам, и уж тем более к заточенным топорам и мешкам, в которые могла поместиться человеческая голова.

Остаться среди членов похода значило бы предать того человека, которым он стал. Но отказ от дальнейшего участия в нем был равноценен шагу в бездну.

Он все еще чувствовал на своей коже палящие солнечные лучи Английской гавани, видел остриженные головы и оборванные мундиры тех лейтенантов. Все еще чувствовал запах дерьма висельника и вместе с ним задыхался с петлей на шее.

Некоторые воспоминания врезаются так глубоко, что от них не избавиться.

Рук все наблюдал за движением волн — туда и обратно. Раз за разом очередная волна накатывала на берег и обрушивалась на песок, и по ее изломанному гребню пробегала полоса света.

То была не мысль, не вывод, не умозаключение, а невольное движение тела, сродни дыханию или морганию — непроизвольная реакция за пределами рассудка.

— Я не могу в этом участвовать, — вслух произнес он.

Эти слова оставили после себя тревожную пустоту, в которой он распознал страх. Ему было неизвестно, на сколь трудный путь наставит его этот новый Дэниел Рук и куда этот путь приведет.

Он знал одно: что готов радушно встретить этого незнакомца и последовать за ним.

* * *

Другие члены отряда уже укутывались в одеяла, накрывали лица платками от москитов и подбрасывали в костер зеленые ветки, чтобы те дымили всю ночь.

Рук подошел к своему рюкзаку и отстегнул одеяло. Пряжки казались огромными, неподатливыми. Но тут он понял, что дело не в пряжках. Сам-то он был спокоен, вот только пальцы не слушались.

Расстегнув-таки тугие пряжки, он развернул одеяло и закутался в него, радуясь возможности спрятать лицо под тканью. Он слышал, как по другую сторону костра Силк отстегнул свое одеяло, с хлопком встряхнул его, расправил углы, лег и, укутавшись, замер. Рук знал: Силк ждет, что он заговорит первым. «Не знаю, что на меня нашло, — это он хочет услышать. — Спасибо за здравый совет».

Рук подождал, пока дыхание Силка не стало ровным, а оттуда, где до его ухода лежал Уилстед, не послышался могучий храп. Луна ясно освещала песчаную тропу. Он доберется до поселения

еще засветло.

Остановившись, Рук оглянулся туда, откуда пришел. В лунном свете оба конца тропы выглядели одинаково. Кусты и деревья вокруг испускали прохладные влажные запахи. Стрекотали сверчки, по небу скользило безмолвное черное облако. У его ног раздалось тихое жужжание. Может, ночное насекомое, которое днем молчит? Или этот едва различимый звук слышен лишь тогда, когда стихает все остальное?

Закинув рюкзак повыше на плечо, он развернулся и пошел дальше.

* * *

На рассвете, на последнем изгибе тропы у самого поселения Рук встретил губернатора — тот вышагивал так бойко, точно шел обжигать кирпичи. Рядом шел майор Уайат. Губернатор смотрел в землю и без умолку что-то говорил, а Уайат почтительно взирал на лицо командира. Потом оба заметили Рука и, судя по их лицам, вспомнили о чем-то и теперь взвешивали выводы.

— Лейтенант Рук! — воскликнул губернатор. — Разве вы не отправились в поход вместе с капитаном Силком?

Он чуть ли не бегом поспешил навстречу Руку.

— Почему вы здесь, где остальные?

— Сэр… — начал было Рук и осекся. Ночью он репетировал, что скажет губернатору. Но теперь понял, что не готов, словно человек с петлей на шее, забывший заготовленную речь, когда ему дали последнее слово. — Сэр, я…

«Я ем, ты ешь, мы едим. Мы поели, мы будем есть».

— Что там с туземцами, солдат? — нетерпеливо поторопил губернатор. — Вы видели их? Сколько их было? Они живы или разбиты?

— Мы не схватили никого из местных, — сказал Рук. Эта часть далась ему легко. — Ни живыми, ни мертвыми.

— Ну и?.. — Уайат уставился на него, словно хотел вытащить слова у него изо рта. — Что дальше?

— Местные от нас ускользнули, сэр, — проговорил Рук.

— Вот ведь… — лицо губернатора исказилось от разочарования. — Рассказывайте, как это случилось? — потребовал он. — Ну же, лейтенант Рук, выкладывайте!

— Нас постигла неудача, — начал Рук.

Он вспомнил костер, смеющееся лицо Варун-

гина. Сверкнувшее железное лезвие топора, которое кому-то совсем недавно поручили заточить как можно острее. Улыбку Силка и как он отводил глаза.

— Сэр, это было неправильно, — проговорил Рук.

Нужные слова все-таки вспомнились. Выпалив их перед губернатором, он испытал облегчение, словно чихнул.

— Это был дурной план, сэр, и я сожалею, что позволил убедить себя подчиниться. Я бы ни за что на свете не согласился исполнять подобный приказ снова.

Лицо губернатора вытянулось от изумления. Глядя на него, Рук видел, как его карьерные перспективы сгорают, словно листик в огне. Ему стало очень легко. Он разглядел ее в выражении лица губернатора — необратимость, но почувствовал лишь облегчение.

Что-то для него кончено.

— Вам следовало бы тщательнее взвешивать свои слова, лейтенант, — пригрозил ему Уайат. — Следите за языком, сэр!

Уайат не был ему другом, но Рук видел, что он всеми силами старается предотвратить катастрофу, словно человек, пытающийся удержать

плотину. Как и губернатор, он был гладко выбрит. Рук чувствовал запах средства, которым пользовался Барбер.

Они стояли втроем на песчаной тропе, вокруг сухо шумела на ветру листва эвкалиптов, поблизости раздавался крик какой-то птицы, похожий на дверной скрип.

— Сэр, вы отдали чрезвычайно дурной приказ, и я не могу выразить, насколько сильно сожалею, что причастен к его исполнению.

— Кого-нибудь убили, лейтенант? — настаивал губернатор, будто и не слышал. — Скольких удалось поймать?

Его официозность распалила Рука.

— Прошу меня извинить, сэр, но это не главное! Главное — наличие злого умысла, ведь лишь его зрит Господь в сердце человека.

Рук заметил, что губернатора передернуло при слове «Господь», и сам удивился, что произнес его. Это прозвучало как дешевый трюк, попытка заставить губернатора замолчать, хотя на самом деле он считал веру в Господа лишь способом узнать, что творится в твоей собственной душе.

— Право слово, сэр, — произнес губернатор, — вы в высшей степени самоуверенны для младшего офицера и в высшей степени дерзко бросаетесь

именем Всевышнего!

Вышло нескладно — «в высшей степени» и «Всевышнего», эти слова эхом звенели в ушах, и все трое на секунду замешкались.

— Прошу вас, лейтенант Рук, явиться в полдень в мою резиденцию.

С этими словами, он направился прочь. Уайат, широкими шагами последовал за ним — он оглянулся на Рука, но тот уже смотрел в будущее.

Сейчас он пойдет в свою хижину на мысе. Растопит очаг, вскипятит воды, заварит чай. Сядет снаружи, прислонившись спиной к дощатой стене, уже согретой утренним солнцем.

У него в запасе есть от пары недель до нескольких месяцев — смотря как скоро прибудут корабли из Англии. Он продолжит, как и прежде, замерять уровень осадков и температуру воздуха. Может, даже обнаружит пару новых звезд и добавит еще несколько новых слов в свои записные книжки.

Но рано или поздно великая машина Его Величества его перемелет. Его отошлют на родину. Там он предстанет перед судом и выслушает приговор. Его заберут отсюда и так или иначе подвергнут гибели, обрекая на нее либо его тело, либо его будущее.

Когда он добрался до поселения, уже настало утро, звезды скрылись, и над его головой простирался прозрачно-голубой небосвод. Но они никуда не делись и по-прежнему висели на том же отведенном им месте. И Рук знал, что Земля так и будет крутиться, закат так и будет вечно сменяться рассветом, а звезды продолжат сиять — видит их кто-нибудь или нет.

Часть пятая. Антигуа, 1836 год

Прошло почти пятьдесят лет, а Земля по-прежнему вращалась, звезды все так же горели, и Дэниел Рук, как и прежде, смотрел на небо и любовался ими.

Он убедился, что невооруженным глазом иногда можно увидеть то, чего не разглядишь в телескоп. Хитроумные приборы астрономов привносят в кладезь всемирных знаний сведения о новых звездах, но лишь душа способна восхищаться красотой тех, что уже открыты.

Вешать его не стали, за что он на коленях благодарил Господа. Но когда ему разрешили остаться на военной службе при условии, что он принесет извинения Джеймсу Гилберту и согласится на понижение до энсина[29], он отказался. Он уже успел понять, почему избежал гибели — уж точно не для того, чтобы служить в войсках Его Величества. Едва покинув зал суда, он посвятил себя иной цели.

Эта цель привела его туда, куда он никогда не думал вернуться: на остров Антигуа. Все сошлось

---

[29] Сноски: 29
Энсин — младшее офицерское звание.

поразительным образом. Именно здесь на его глазах молодого лейтенанта морской пехоты когда-то повесили за неповиновение. Сам он тоже нарушил приказ, но его пощадили, и ему казалось правильным, что именно на острове Антигуа его жизни найдется-таки применение.

Теперь жизнь его угасала, точно звезда на рассвете. Он лежал в темноте без сна. Близился восход, но пока в окне виднелся лишь серый прямоугольник неба. В тропиках светало чересчур быстро, и ему, инвалиду, хотелось заслониться от ослепительного света карибского солнца. Теперь он только и делал, что ждал, когда стемнеет, прямо как в те дни, когда был астрономом. И полагал, что скоро темнота наступит навсегда.

Он лежал неподвижно, едва дыша. Наслаждался кратким мигом блаженства, когда он сознавал лишь собственное существование. Смаковал его. Потом боль вернулась — голова гудела, за глазными яблоками кололо, ныли плечи, спина, ноги. Он пытался усилием воли заставить время течь быстрее, желая либо поскорее умереть, либо выздороветь.

За окном на ветвях гуавы щебетали попугаи. Еще один день в этой кровати, в скуке и духоте.

Оторванная занавеска так и болталась на окне,

обнажив кусок подкладки, с тех самых пор, как он заболел. Эти сломанные кольца, этот повисший язычок ткани были знакомы ему до тошноты. День за днем, лежа на кровати, он представлял себе, как зашивает эту занавеску, прикрепляет обратно кольца, возвращает ей красивый и опрятный вид. Но только мысленно. Уже не одну неделю ему хватало сил лишь на что, чтобы приподняться с постели, добрести до комода и снова забраться под одеяло.

А вон и другие старые знакомые: пятна плесени на потолке и трещины в плитке на полу, напоминающие очертания Франции. Его неугомонный ум то и дело рисовал ведро с мыльной водой и щетку для мытья полов. В трещины набилась грязь, а терракотовая плитка потускнела. Он с любопытством — по крайней мере, первую сотню раз — отмечал, что грязь выявила небольшую, незаметную без того неровность. Пыль преспокойно скапливалась там, где уголок одной плитки лежал чуть ниже соседней. Ну а там, где краешек плитки был чуть приподнят, подошвы дочиста ее отполировали. Этот способ подойдет, если нужно получить идеально ровную поверхность — скажем, для какого-нибудь эксперимента с движением металлических шаров.

Надо запомнить, что можно использовать грязь, на случай если когда-нибудь ему понадобится такая безупречная плоскость.

Пожалуй, это добрый знак, что он все еще способен так стройно и логично размышлять.

Служанка, Генриетта, к нему добра. Вот только теперь, когда приходится за ним ухаживать, дел у нее по горло. Еще до того, как он заболел, она оставалась только из чувства долга. Уже больше года ему нечем ей платить.

— Вы столько для нас сделали, — повторяла она, стоило ему начать извиняться. — И для меня, и для всех нас.

Это она о рабах, конечно. Им он посвятил свою жизнь.

А впрочем, это чересчур патетично. Ему еще не исполнилось тридцати, когда он решил посвятить им свою жизнь. А теперь ему семьдесят четыре, и он лежит здесь, в этой духоте. Выходит, две трети жизни или около того.

Двадцать две тридцать седьмых, если быть точным. Он задумался, насколько серьезно он должен заболеть, чтобы его покинули числа, это вечное стремление к точности.

Итак, положим, две трети жизни, которая начиналась столь многообещающе. Тогда он сделал

выбор, и этот выбор привел его сюда: в дом на холме над Английской гаванью.

Все те, кто вздыхал об упущенных им возможностях, давно уже ушли в прошлое, а те, кого он любил — жена, сын и дочь — либо умерли, либо были далеко. Учитывая, какую долгую жизнь он прожил, иначе, пожалуй, и быть не могло. Теперь их только двое: он да Генриетта.

С кухни доносилось бряцание посуды и мяуканье кошки, выпрашивавшей завтрак.

Скоро Генриетта принесет ему кусок манго с дерева, что растет во дворе, и тарелку холодного вареного ямса, оставшегося с вечера. Ему не хочется ни того, ни другого, но она все равно принесет и начнет его журить — ненавязчиво, как она умеет. Будет подносить к его губам манго, пока он не откусит кусочек, потом вытрет потекший по подбородку сок.

Он бы не отказался от миски овсянки. В детстве он ее любил. Портсмут, вечно блестящий от дождя, и материна овсянка — теплая и сладкая, с жирными сливками. Жители Антигуа не едят овсянки. Наверняка ее можно купить на кораблях, что привозят из Англии всякие изыски, но ведь на это нужны деньги.

Он выкупил Генриетту на аукционе, когда

деньги у него еще были. Но тогда это казалось ему обычным делом — стоя рядом с другими участниками торгов, он раз за разом выкрикивал все более высокие ставки, пока остальные не уступали. Скольких он смог выкупить? Поначалу он записывал имена, но потом бросил. В этом деле цифры не имеют значения. Зато он мог сказать: «Я выкупил всех, кого смог».

Выкупил и освободил, разумеется, и как же его возненавидели за это другие участники торгов! Сговорились и стали повышать ставки, чтобы он поскорее прогорел.

Теперь ничего не осталось, кроме воды в колодце, манговых деревьев во дворе да ямса в огороде.

— Уходи, — велел он, когда закончились последние деньги, стараясь придать голосу суровости. — Мне нечем тебе платить, тебе нужно подыскать другое место. — Она не стала спорить, просто покачала головой и поджала губы, как ребенок, который отказывается принимать лекарство.

Быть может, ему следовало бы сожалеть о том выборе, что он сделал сорок шесть лет назад. Он покрутил в голове эту мысль. «Сожаления». «Раскаяние». Попробовал соотнести эти слова с тем,

что чувствовал. У него раскалывалась голова, ныл каждый сустав, а глаза слезились от света. Ему хотелось бы, чтобы жена была жива. Хотелось бы еще раз увидеть свою сестру Энн, еще раз ощутить вкус той овсянки и почувствовать ласковые капли портсмутского дождя на лице…

Все эти чувства он испытывал. Но сожаления среди них, похоже, не было. Слово приходило на ум, но оно его не терзало.

Увиденное краешком глаза, оно вспыхнуло, прогорело и затухло.

Он услышал, как Генриетта поздоровалась с кем-то внизу, как ей ответил гулкий мужской голос, и представил себе эту сцену: Генриетта, в свежевыстиранной выцветшей красной косынке поверх черных волос, и Ридаут, их почтальон.

Сквозь открытое окно донеслось шарканье метлы, потом глухие размеренные удары: кто-то выбивал половик. Чей-то голос пропел отрывок мелодии, кого-то окликнул, послышался долгий плеск льющейся воды. Победоносно прокричал петух. Скоро поднимется Генриетта, отдернет оборванную занавеску и повернется к нему.

Ну вот, это она поднимается по лестнице. Ковер давно протерся, поэтому Рук слышал каждый шаг ее босых ног, хоть она и ступала очень тихо.

Она вошла, держа в руке старую белую тарелку, в которой, конечно же, лежал кусок манго, а рядом — всегдашний шмат сероватого ямса.

Он съест ложку — просто чтобы она улыбнулась. Иначе она напустит на себя обиженный вид, а этого он вынести не в силах. Он знал, что она притворяется, будто нянчится с ребенком, но все же поддавался на ее уговоры. Сначала он съест немного ямса — у него тонкий восточный привкус, а потом манго — сладкое, ароматное, волокнистое, почти как мясо.

— Не спешите, мистер Рук, — шептала Генриетта. — Вот так, не торопитесь.

Съев немного и того, и другого, он откинулся на подушку. Манго было сладкое, но после него во рту остался горьковатый привкус. Хотелось смыть его глотком воды, но он не нашел в себе сил приподняться и попить.

В комнате стало душно. Он чувствовал, как по щеке катится холодная капля пота. Эта до тошноты знакомая занавеска, потрескавшаяся плитка, плесень на потолке. Он ни дня больше не вынесет, лежа здесь, наблюдая, как солнечные лучи ползут по комнате, и ожидая, когда наступит ночь.

Он глубоко вздохнул, невольно издав то ли

хрип, то ли стон. Генриетта наклонилась к нему и долго сидела, взяв его за руку и гладя ее. Он чувствовал прикосновение ее пальцев — скользких, гладких, теплых — теплее, чем его собственные.

Путува. Этому слову его научила Тагаран. «*Путува.* — Он записал его значение в своей маленькой записной книжке. — Согреть руки у огня, а потом мягко сжать пальцы другого человека».

Там, на другом конце света, уже опускаются сумерки. Тагаран, если она еще жива, давно выросла, и у нее взрослые дети. Может, и внуки есть — такие же худенькие и смешливые, как та девочка, которой она была, когда повстречалась с Дэниелом Руком.

Она помнит его. В этом он уверен. И рассказывает о нем своим детям — о том человеке из племени *беревалгал*, с которым она дружила в детстве. Ему стоило такого труда выговорить ее имя, что ей пришлось повторить его раз десять! У него были две синие записные книжки, где он все помечал, чтобы их слова сохранились навсегда.

Задумывалась ли она о том, что сталось с теми книжками, со свидетельствами их бесед, доступными любому, кто захочет их открыть? Она, конечно, знает, что он никогда с ними не расстанется.

Они отправились с ним в Лондон на «Горгоне», потом в Африку, он не расставался с ними все эти годы, и сейчас они лежат в верхнем ящике комода в углу. Но он никогда не доставал их и не читал. Ему достаточно было знать, что они там. Когда их с Тагаран не станет, когда не станет детей их детей, эти записные книжки расскажут историю неповторимой дружбы.

Он надеялся вернуться. Всегда надеялся. Здесь, на этих островах, в окружении чернокожих лиц, ему казалось, что он ближе к ней. Что он движется ей навстречу, и от Нового Южного Уэльса его отделяет лишь клочок земли да один-единственный океан. Теперь он с лихорадочной ясностью понимал, что никогда туда не вернется. Новый Южный Уэльс стал так же недостижим, как и все, что осталось в прошлом.

Ему не обязательно было заглядывать в записные книжки, чтобы представить Новый Южный Уэльс во всех подробностях. Он помнил тамошние сумерки. Как земля темнеет быстрее неба. Как мерцает и колышется вода, ловя последние лучи солнца и удерживая остатки их света.

Вернись он обратно в ту ночь, на песчаный берег залива Ботани, сделал бы он тот же выбор снова, зная, куда он приведет — в эту комнату, где

хрипло кричат птицы на ветвях гуавы, чьи-то голоса льются в открытое окно, где кружатся мухи, и старик лежит на кровати, рассматривая пятна плесени на потолке, похожие на темные звезды?

* * *

В свое последнее утро в Новом Южном Уэльсе он проснулся на рассвете. В дверном проеме еще виднелись редкие звезды, но небо вокруг них уже начинало светлеть.

Внизу, в Сиднейской бухте, ждала «Горгона», чтобы забрать его в Англию. Ему не повезло: долгожданные корабли прибыли вскоре после его разговора с губернатором. «Вы наверняка понимаете, что не в моей власти отдать вас под трибунал, — процедил его превосходительство дрожащим от ярости голосом. — Но вас отправят на родину при первой же возможности, лейтенант, и там вы столкнетесь с последствиями своих действий».

Когда-то Рук думал, что проведет в Новом Южном Уэльсе остаток своих дней, но «первая возможность» представилась уже через месяц.

Дул приятный ветерок, воды бухты бились о скалистое подножие мыса. Он знал, что, как только рассветет, «Горгону» станут готовить к от-

плытию. В этот раз никакой хронометр подводить не требовалось, и по окончании плавания его ждало не прибытие на новые земли, а лишь скрытые неизвестностью годы оставшейся жизни.

Он встал и вышел из хижины. Отыскал на небе Бетельгейзе, а рядом, как и всегда, белый огонек Ригеля.

Они пребывают на этом месте с начала времен, каким бы оно ни было, это начало. И будут там, когда от сгустка материи по имени Дэниел Рук не останется даже имени на забытой могильной плите и когда сама эта плита помаленьку раскрошится. И тогда Бетельгейзе и Ригель продолжат все так же путешествовать вместе по ночному нему.

Он разжег огонь, в последний раз заварил себе сладкий чай. *Варрабурра*. Потом вынес наружу стул и сел, прислонившись спиной к стене, как делал многократно, чтобы в последний раз встретить восход солнца. Он глубоко и тяжело вздыхал, чувствуя на сердце холодок. По голубому небу, между верхушками деревьев, пролетела, хлопая крыльями, птица — белый попугай, и его оперение блеснуло роскошной позолотой в первых лучах восходящего солнца.

* * *

В полдень «Горгона» отчалила, и в блоках, натягивая паруса, затрещали и заскулили снасти. Рук стоял на корме, глядя на тот мыс, что местные именовали Тарра, — он хотел назвать его в честь доктора Викери, но другие, похоже, окончательно и бесповоротно окрестили его собственным именем.

Он разглядел крышу своей хижины и храбрый маленький вигвам обсерватории. На самом краю мыса, на скалах под хижиной он увидел нескольких туземцев. Среди них он с трудом различил очертания Тагаран.

Она пришла к нему утром — правда, в этот раз не спешила вниз по скалистому склону, как обычно. Они почти не разговаривали. Говорить было не о чем. Но пока Рук застегивал сумку, защелкивал замки на сундуке и ждал, когда моряки придут забрать его вещи на корабль, Тагаран присела на корточки у его скромного очага. Она поднесла руки к огню — так близко, что Рук испугался, как бы она не обожгла ладони, потом подошла и села рядом с ним на сундук.

Как и в тот раз, она взяла его за руки и стала сжимать и гладить его ладони, согревая их. Он

закрыл глаза. Его кожа переняла ее тепло, и он уже не понимал, где чья.

Когда пришли за сундуком, они с Тагаран посмотрели друг на друга и отвели глаза. Он пошел вслед за матросами по скалам, вдоль кряжа. Наверху он не оглянулся. Крепко сжав руку в кулак, чтобы сохранить оставленное ею тепло, он шел вперед, вниз по склону холма, по тропе, туда, где ждали лодки.

Но теперь, стоя на корме набиравшего ход корабля, он увидел ее на самом краю мыса. Она стояла на скале, с которой он однажды увидел, как мужчина проткнул острогой рыбину и сунул ее за повязанную вокруг бедер веревку. Тагаран подошла так близко к воде, что волны с каждым вздохом омывали ей ноги. Рук невольно улыбнулся: она стояла настолько близко к «Горгоне», насколько могла подойти, оставаясь на суше.

Ветер надувал паруса, и «Горгона» все быстрее скользила вдоль бухты. Он помахал, и Тагаран тут же принялась широко размахивать рукой в ответ. Поверх водной шири между ними протянулась длинная нить — она разматывалась, становясь все длиннее, пока фигуры на берегу мало-помалу уменьшались.

Вскоре очертания Тагаран потерялись на фоне

скал, скалы слились с мысом, а мыс превратился в далекое пятно на горизонте. Отсюда Тагаран было не разглядеть, но она присутствовала во всем, что он видел, словно самая бледная, самая далекая звезда, неизменно посылающая ему свой свет сквозь просторы Вселенной.

От автора

Эта книга — плод художественного вымысла, вдохновленного реальными событиями.

Вкратце они сводятся к следующему: в 1788 году с Первым флотом, доставившим заключенных, в Австралию прибыл молодой лейтенант Уильям Доуз. Номинально числясь военным, он весьма неплохо разбирался в астрономии, математике и языках. Он оставил наиболее подробные заметки о наречии коренного народа Сиднея из тех, что есть в нашем распоряжении. Они содержат не только списки слов и рассуждения о грамматической структуре языка, но также записи его разговоров с местными жителями, в частности с девочкой по имени Патьегаранг. Между строк в описаниях их бесед угадывается дружба, полная взаимного уважения и симпатии.

В декабре 1790 года один из губернаторских охотников был смертельно ранен копьем. Доуз в числе прочих солдат отправился в карательную экспедицию, целью которой было наказать племя, к которому предположительно принадлежал виновник. Им было велено схватить шестерых

местных мужчин и привести их в поселение, а если не удастся — убить шестерых, отрубить им головы и принести их в предоставленных для этой цели мешках.

Поначалу Доуз не желал участвовать в походе, но его все-таки убедили. По возвращении он заявил, что сожалеет о своем решении, и если ему вновь прикажут сделать что-либо подобное, он откажется. Губернатор отдал бы его под трибунал за неподчинение, имей он такую возможность.

Ранее Доуз изъявлял желание поселиться в Новом Южном Уэльсе, но по окончании срока службы его отправили обратно в Великобританию. Он так и не вернулся в Австралию, но всю оставшуюся жизнь трудился в рядах аболиционистов в Лондоне, Африке и Вест-Индии, борясь за искоренение рабовладения. Последние годы он провел на острове Антигуа, где после упразднения рабства основал школы для бывших невольников. Там он и скончался в 1836 году.

* * *

Во время работы над романом я активно пользовалась историческими источниками, в том числе записными книжками Доуза. Все слова местного языка и разговоры, упомянутые в этой книге,

я цитировала дословно на основе его записей, получив разрешение от Школы ориенталистики и африканистики Лондонского университета (индекс MS41645) и посоветовавшись с представителем народа кадигал. Я также приводила прямые цитаты из «Отчета об экспедиции в залив Ботани» (англ. *A Narrative of the Expedition to Botany Bay*) и «Исчерпывающего рассказа о поселении в заливе Порт-Джексон» (англ. *Complete Account of the Settlement at Port Jackson*) Уоткина Тенча. Я с благодарностью упоминаю эти источники в числе прочих.

Несмотря на то, что я пользовалась историческими свидетельствами, во многом я от них отклонялась. Перед вами роман, и не стоит путать его с историческим трудом.

Я также выражаю глубочайшую признательность многочисленным читателям, которые великодушно поделились своими знаниями и советами ради создания этой книги. Ответственность за любые ошибки я беру на себя.

Я в величайшем долгу перед Патьегаранг и народом кадигал, которые охотно делились своим языком, а также перед Уильямом Доузом, записавшим эти сведения. Без них «Лейтенант» никогда не явился бы на свет.